

1000 ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ МАЛЬЧИК

ИЛИ
УДИВИТЕЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ

ДЛЬФИ
МОНКА

РОСС УЭЛФОРД

1000 ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ МАЛЬЧИК

или
УДИВИТЕЛЬНАЯ
ИСТОРИЯ

Альфи
МОНКА

W BOOKS!

РОСС УЭЛФОРД

t.me/marketologmanager

Росс Уэлфорд

Тысячелетний мальчик

Часть первая

Альфи

Хотите жить вечно? Я вам не советую. Я привык быть бессмертным и прекрасно понимаю, что это за жизнь. Я сыт ею по горло. Я хочу расти, как все остальные.

Вот вам моя история. Зовут меня Алве Эйнарсон. Мне тысяча лет. На самом деле даже больше.

Мы друзья? В таком случае зовите меня Альфи. Альфи Монк.

Глава 1

Саут-Шилдс, 1014 год н. э.

Мы, я и мама, сидели на невысоком утёсе возле устья реки и смотрели, как на другом берегу дым от нашей деревни поднимается и смешивается с облаками.

Реку все называли Тайн. Мы произносили это слово как «Тиин», но это было наше личное название.

Мы сидели, мама вытирала слёзы и яростно ругалась, а из-за реки до нас доносились стоны и крики. Мы чувствовали запах дыма от сгоревшей деревянной крепости на вершине утёса. Люди – большей частью наши соседи – столпились на том берегу, но Даг, перевозчик, не собирался возвращаться за ними. Не сейчас: сейчас его тоже убили бы. Он, бормоча извинения, убежал от нас, едва его плот коснулся берега.

Прибывшие на лодках наконец появились над берегом, где собрались местные жители. Сначала они просто стояли – высокомерные и бесстрашные, затем, держа наготове мечи и топоры, пошли вниз к своей добыче. Я видел, как люди входят в воду, пытаясь скрыться. Далеко им не уйти: их перехватит маленькая лодка, которая ждёт на середине реки.

Я опустил голову и уткнулся в мамину шаль, но мама выдернула шаль и вытерла глаза. Голос её дрожал от ярости.

– Позори, Алве, позори!

Мы так говорили. Теперь этот язык называется древнескандинавским. Но сами мы никак его не называли. Она имела в виду: «Смотри! Смотри, что они делают с нами, – люди, которые явились с севера в своих лодках».

Но я не мог смотреть. Я встал и пошёл прочь в каком-то оцепенении. И всё равно я слышал звуки убийств и чувствовал запах дыма. Я был несчастен из-за того, что остался жив. Позади меня мама толкала маленькую деревянную тачку, нагруженную барахлом, которое мы похватали и ухитрились уложить на Дагов плот. Моя кошка Биффа шла сбоку, иногда бросаясь в траву за мышью или кузнечиком. Обычно в таких случаях я улыбался, но в этот раз я был так опустошён, словно меня выпотрошили.

Пройдя милю или две, мы с мамой нашли глубокую защищенную бухту и в ней – пещеру. Солнце светило ярко, и я смог воспользоваться отцовским зажигательным стеклом – кривым полированным осколком, собиравшим солнечный свет в тонкий лучик, способный зажечь огонь. Я боялся, что налётчики станут нас преследовать, но мама сказала, что не станут, и оказалась права. Мы спаслись.

Три дня спустя мы наблюдали, как их лодки уходят обратно в море, и тогда я совершил самую большую ошибку в своей жизни. Чтобы её исправить, мне пришлось ждать тысячу лет.

Глава 2

Если вам захочется спросить меня: «Почему ты это сделал?» – валяйте, спрашивайте, я не против. Я много-много раз задавал себе этот вопрос. И до сих пор не знаю полного ответа. Могу лишь сказать, что я был молод и очень, очень напуган. Я хотел сделать что-нибудь – что угодно, – чтобы стать сильнее, чтобы лучше помогать маме и защищать нас обоих.

И я стал Бессмертаном, как моя мама.

Это началось давно. Правда, давно: очень много лет назад. Вот что случилось.

Мой отец владел пятью маленькими стеклянными шариками, которые мы называли жемжизнями.

Жемчужинами жизни.

Ничего ценнее у нас не было. Мама говорила, что, возможно, во всём мире нет ничего более ценного.

Чтобы их получить, люди шли на убийство; отец погиб, чтобы их сохранить. Потому-то мы никому не говорили, что они у нас есть.

Теперь их осталось три. Одна для мамы и две для меня, когда я подрасту.

Я знал это. Мама часто внушала мне: «Сперва ты должен вырасти, Алве. Прояви терпение».

Но я не мог ждать.

На третий вечер нашего пребывания в пещере, когда мама ушла за пресной водой, я откупорил маленький глиняный горшочек и достал жемжизнь. Хотя она была очень старой, стекло переливалось в сумеречном свете, идущем от входа в пещеру. А густая жидкость внутри словно загорелась янтарным огнём, когда я поднёс жемжизнь к костру.

Биффа сидела на небольшом камне напротив меня, и её жёлтые глаза светились так же, как и стеклянный шарик. Понимала ли она? Биффа мякнула, будто что-то сказала мне. Очень часто мне казалось, что Биффа многое понимает.

Присев на корточки, я нашёл нож – маленький кусок железа с деревянной рукояткой, который раньше принадлежал папе, – и поднёс его к огню. Оглянувшись на вход в пещеру, чтобы убедиться, что я один, и сглотнул.

Когда я дважды полоснул горячим лезвием по плечу, появилась кровь. Два коротких надреза – таких же, как мамины шрамы. Таких же, как шрамы, которые были у отца. Я не знаю, важно ли делать именно два надреза; возможно, нет.

Просто так принято.

Больно не было, пока я не попытался растянуть края раны в стороны. Я надкусил жемчужину жизни, и она треснула. Из неё потёк золотистый сироп, похожий на кровь из моих ран. Я собрал его пальцами и втёр в раны. И повторял это снова и снова, пока не закончился сироп. Он жалил, как свежая весенняя крапива.

Потом всё пошло не по плану. Я много раз проигрывал эту ситуацию в голове, как люди проигрывают понравившийся эпизод из фильма. Мог ли я что-нибудь изменить?

Не знаю.

Думаю, Биффе просто было интересно. Она не могла знать – хотя, как я уже сказал, Биффа была знающей кошкой. Неожиданно она тихонько мурлыкнула и прыгнула ко мне прямо через костёр – сбоку, где пламя было пониже. Нож я держал в руке и поднял его, не задумываясь; это был автоматический жест самозащиты. Нож поцарапал переднюю лапу Биффы, но кошка даже не мяукнула. Когда она приземлилась, я обернулся, и моя туника смахнула с каменной полки ещё одну жемчужину жизни. В этот момент я потерял равновесие, наступил на жемчужину, и она треснула.

Несколько секунд я в ужасе смотрел на неё. Уже то было плохо, что я не послушался маму. Но вдобавок я впустую потратил ещё одну бесценную жемчужину жизни.

Из неё на камень стала сочиться густая янтарная жидкость. Думая только о том, что её нельзя выбросить, я схватил Биффу за шкурку и начал втирать жидкость в раненую лапу.

(После я долгие годы объяснял маме, что сделал это без злого умысла. Я хотел только, чтобы жемжизнь не пропала зря.)

Затем я перевязал руку длинным куском чистой ткани, а другой кусок обмотал вокруг лапы Биффы. Кажется, кошка была не против. Она облизала усы, зевнула и свернулась клубочком. Вскоре на фоне синего неба появился силуэт мамы – она вернулась с ведром чистой воды. Я сгорал от стыда.

Иногда мне кажется, что я всё ещё стыжусь.

В тот момент мне было одиннадцать зим.

Мне предстояло более тысячи лет оставаться одиннадцатилетним.

Глава 3

Всё это было очень давно.

Я и раньше пытался рассказывать свою историю, но быстро понимал, что люди не хотят ничего знать. Мне приходилось опускать важные подробности – например, умалчивать о жемчужинах жизни, и люди считали, что я над ними подшучиваю (в лучшем случае) или что я опасный сумасшедший (в худшем).

Так что я, как говорится, молчал в тряпочку.

Я иногда спрашиваю себя, как реагировали бы люди, если бы я выглядел старым? Будь я морщинистым, скрюченным, лысым, с

дрезжащим голосом и огромными ушами с синими венами, одетым в плохо сидящую одежду? Тогда, наверное, они бы не думали, что я шучу? Они бы сразу решили, что я спятил от старости.

– Бог с ним, с этим стариком Альфом, – сказали бы они. – Сегодня он опять среди викингов.

– Что? А... Вчера он вспоминал про Чарльза Диккенса. Как он его видел.

– Да? Бедный старикан. Но ведь он безобидный, правда? Чокнутый, но безобидный.

Дело в том, что я вовсе не выгляжу старым; я выгляжу на одиннадцать лет.

Когда я перестал взрослеть, викинги почти закончили завоевание северо-восточной Англии. А мы с мамой убежали от шотландцев. Примерно пятьдесят лет спустя норманны вторгнутся на юг страны – в 1066 году. (По сути, норманны – те же викинги, только выучившие французский язык. Я бы так и объяснил, если бы меня спросили, но никто не спрашивал. Норманны – норд-маны, нордические люди, люди с севера – связь очевидна.)

И, поскольку все интересуются, я действительно встречался с Чарльзом Диккенсом, но это было много, много позже.

Видите? Вы же мне не верите, правда? Это не ваша вина, если учесть, что я последний оставшийся Бессмертан на земле. И когда умерла мама, бессмертие стало совсем никудышной жизнью.

Раз мне не верите даже вы, то какие у меня шансы убедить Эйдана Линклейтера или Рокси Минто? А ведь мне понадобится их помощь, если я хочу избавиться от своего проклятия вечной жизни.

И если они мне не поверят, тогда я, как теперь говорят, попал.

Эйдан

Сначала, наверное, мне надо объяснить, почему я такой злой. Закрывать эту тему. Тогда мы сможем понять, как состоялось моё знакомство с Альфи и моя жизнь изменилась навсегда.

Глава 4

Уитли Бэй, наши дни

Сначала мы переехали в новый дом. Это само по себе уже было достаточно плохо. Поймите:

1. Дом был меньше. Намного меньше. У него почти не было сада – был неухоженный задний двор, на котором и мяч-то не погоняешь. Мама напоминала (и не однажды): мне повезло, что у нас есть дом и хоть какой-то двор. Когда она так говорила, я чувствовал себя виноватым и жалел, что вообще об этом упомянул. Ведь я знал, из-за чего мы переехали. Раньше мой друг Мо, который жил в квартире, часто приходил в наш старый дом, потому что у самого Мо не было двора. Но теперь это не имеет значения, правда?

2. Если к нам приедут гости, мне придётся жить в одной комнате с Либби, которая обычно невыносима. Ей семь лет, и она смотрит «Мой маленький пони».

3. Иниго Деломбра, который учится со мной в одном классе, теперь живёт в моём старом доме. Каждый раз при встрече он ухмыляется, словно говоря: «Ты лузер».

Хорошо, что мне хотя бы не пришлось менять школу, но, учитывая, как складываются отношения со Спатчем и Мо, может, её и стоило бы поменять.

И ещё одно: мама с папой всё время ругаются. Они всегда ругались – «спорили». Но теперь они это делают громче и громче и думают, что я не замечаю. Всё из-за денег – всегда из-за денег. Подробностей я не знаю. Я только знаю, что они сделали «неудачную инвестицию» и мама винит папу. Мама теперь работает в колл-центре и ненавидит свою работу. Вчера ночью я застал Либби на лестнице. Она подслушивала.

– Эйдан, они хотят развестись? – спросила Либби.

Мне пришлось ответить:

– Конечно, нет.

Подбородок у неё дрожал, но она не плакала. По крайней мере, не при мне; просто потому, что от этого я тоже мог бы взорваться.

Так, с этим разобрались.

Давайте честно. Если мальчик, с которым ты только что познакомился, сообщит тебе, будто ему тысяча лет, как ты

отреагируешь?

Ты засмеёшься и, может быть, скажешь: «А, да, конечно!»

Или не будешь обращать внимания, согласно правилу: «Не провоцируй придурка, и всё обойдётся».

Ещё можно выступить с остротой: «Тогда я королева Шебы».

Ладно, я не слишком искушён в остроумии, но идея понятна.

Так что, когда Альфи сказал: «Эйдан, мне больше тысячи лет», я ему, понятное дело, не поверил.

А затем пришлось поверить, ведь всё это хоть и выглядело невероятно, но было правдой.

И чтобы всё стало ясным до конца, я расскажу ещё немного.

Глава 5

Мы переехали – я, мама, папа и Либби – в начале пасхальных каникул, и за три дня все вещи были распакованы. При переезде разбили мою игровую приставку. Я спросил маму, может ли она купить новую, а она горько рассмеялась. Это означало «нет». Мама сказала, у нас сейчас «другие приоритеты», и я устыдился своей просьбы.

Меня ждал остаток каникул.

– Пригласи друзей или сходи на пляж, – предлагала мама каждые пять минут.

Но Спатч, как и на каждую Пасху, уехал в Неаполь к своим итальянским дедушке с бабушкой. Хуже всего было то, что он позвал с собой Мо. А не меня.

Когда они мне сообщили, я притворился, что не обиделся, хотя это было не так. Когда я рассказал маме, она ответила: «И хорошо, всё равно мы не смогли бы заплатить за авиабилет, так что не переживай». Но дело ведь не в этом, правда? Я думаю, Спатчу было немного неудобно. Он объяснил, что не позвал меня потому, что в деревенском доме его дедушки мало места. Но я видел фотографию дома, он огромный. Да и, кроме того, я был бы счастлив спать на полу. Я почти сказал это, и теперь очень рад, что не сказал.

Для полного счастья, как любит говорить папа, к нам приехали тётя Алиса и дядя Джаспер. Тётя Алиса ещё ничего, но Джаспер? Тьфу!

Я знаю, папа не был рад их приезду. Он жаловался маме:

– Какого чёрта они не могут остановиться в отеле? Можно подумать, у нас много места.

– Бен, она всё-таки моя сестра.

Папа только фыркнул и закатил глаза.

Итак, на четвёртый день каникул с утра прибыли тётя Алиса и Джаспер, и меня переселили на надувной матрас в комнату Либби. Ещё несколько дней ей предстояло пробыть в лагере для девочек-скаутов, так что мне не пришлось бы жить с ней в одной комнате. Но всё же...

Мы все сидели в кухне, где после переезда ещё валялись коробки. Папа, который пока не работал и был дома, заварил чай и спросил, как у Джаспера обстоят дела с лодкой (выбрал «безопасную» тему для разговора). Мама изо всех сил восхищалась блузкой тёти Алисы. Тётя Алиса намного старше мамы, а Джаспер намного моложе тёти Алисы. Хотя вообще-то из-за бороды он выглядит старше их обеих.

После того как тётя Алиса объявила, что я сильно вырос – это было единственное её обращение ко мне напрямую, – Джаспер спросил:

– А как твои дела, сынок? Ты тут не задыхаешься? Что-то ты бледный, как привидение! – и ухмыльнулся, показав крупные белые зубы. Видимо, чтобы я решил, будто он не хочет меня обидеть. Но я уверен, он хотел.

Тётя Алиса заохала:

– Эй, Джаспер, он очарователен!

А мама сказала слегка ледяным голосом:

– Джаспер, с ним всё в порядке. Правда же, Эй дан?

Я бурно закивал головой, словно так мог показать дяде, что я – используя его же собственное выражение – «крепок, как огурчик».

Он хмыкнул и затем добавил:

– Морской воздух. Немного старого доброго *ventum maris*, вот что тебе нужно, сынок.

Затем он шумно отхлебнул из чашки (чёрный чай, без сахара).

Он часто говорил так, этот Джаспер. Вроде бы у него не было акцента – ни местного, ни иностранного. Иногда он произносил слова по-американски, а иногда – больше по-австралийски, повышая интонацию к концу предложения, словно задавая вопрос. Джаспер родился в Румынии, и у него были узкие тёмные глаза – почти чёрные. Он носил солнцезащитные очки и жил в разных странах.

Однажды я спросил Джаспера, откуда он родом.

– Просто считай меня бродягой, – сказал он, обнажив зубы.

Если честно, я его боюсь.

Когда молоко было допито, а из бороды Джаспера прозвучали слова «премьер-министр», я решил, что пришло время отсюда убираться. Если упоминается правительство, то разговор – по моему опыту – сворачивает не туда.

– Пойду на улицу, – сказал я, и Джаспер в ответ хрюкнул, что можно было счесть за одобрение.

Глава 6

Было очень здорово уйти из дома. Я сделал большой вдох через нос и громко выдохнул через рот: «Хааааа!»

Наш дом находится на самом краю старого микрорайона. Друг за другом там стоят десять малюсеньких домов, а затем сразу начинаются дома новые. За нашим забором – лес. Насколько мне известно, у этого леса даже нет имени. Его называют «лес» или «тот самый лес за полем для гольфа».

Вот бы у нас за домом была калитка, которую откроешь – и ты уже в лесу. Но её нет, там – лишь деревянный забор вокруг пустого прямоугольного заднего двора.

С одной стороны от нашего дома находится переулок, заваленный всяким хламом и воняющий кошачьей мочой. В переулке есть дряхлый матрас, ржавая стиральная машина и переполненный мусорный бак, из которого торчат старые тряпки. Папа говорит, что городской совет обязан всё это вывезти, но, очевидно, им по барабану. По другую сторону Мусорного переулка живут две старухи, Сью и Пру, которые очень коротко стригут свои седые волосы. Мама познакомилась со старухами и нашла их «очень милыми», а потом добавила:

– Одна из них – доктор.

(Я всегда думал, что врачам хорошо платят. Не понимаю, почему они здесь живут.)

Во дворе у себя они устроили аккуратный сад с искусственным газоном. А ещё у них живут пять приبلудных кошек.

(Когда мама рассказала отцу, он фыркнул и заявил: «Никогда не доверяй тому, кто держит больше двух кошек». Мне это показалось

несправедливым – я-то, пожалуй, кошек люблю.)

С другой стороны от нас, за покосившимся забором, находится ещё один сад, с настоящей травой.

В тот день, когда всё началось, я стоял спиной к забору и смотрел на старые домики, построенные из грязных кирпичей. Многие дома выглядели заброшенными, а у двух были разбиты окна. Потому-то наш дом такой дешёвый. Мама с папой говорили, что мы здесь только временно.

– Привет, Эйдан!

Я испуганно обернулся, но никого не увидел. Послышался смешок, похожий на короткий ликующий лай. Девчонка. Я сделал полный оборот, пытаясь выяснить источник смеха.

– Вон там!

– Где? – спросил я и тут же добавил: – Ой!

Что-то сильно ударило меня по лицу, а через несколько секунд что-то просвистело возле моего носа.

– Эй! Прекрати! – сказал я, и снова прозвучал смех, похожий на лай терьера.

Тогда я увидел: жёлтая трубка, которая когда-то была частью авторучки, торчала из дырки в заборе. Кто-то использовал дырку как бойницу, чтобы стрелять в меня шариками из жёваной бумаги. И этот кто-то был хорошим стрелком.

Я подошёл к дырке и наклонился, чтобы заглянуть в неё. Тут же меня изо всех сил стукнули по спине. Развернувшись, я увидел крошечную девочку, которая злобно ухмылялась и хихикала. Мы встречались в школе, но имени её я не знал. Нам ни разу не довелось оказаться в одной группе.

– Т-ты откуда взялась?

Действительно, можно было подумать, что она материализовалась из воздуха прямо у меня на глазах.

– Я Рокси Минто. Живу рядом. А ты – Эйдан!

– Ну... я знаю. А ты откуда меня знаешь?

Она фыркнула, намекая, что считает мой вопрос глупым.

– А ты как думаешь? Моя мама говорила с твоей мамой. Я видела, как ваши вещи вносили в дом. У тебя красный велосипед и белая деревянная парта. Обернись.

– Зачем?

– Просто обернись.

Она сказала это с такой уверенностью, что я повиновался, хотя и ожидал пинка сзади.

– Откуда ты знаешь, что это мои вел и парта? – спросил я через плечо, но ответа не получил.

Я обернулся... и Рокси там не было. Она исчезла.

– Рокси?

Потом дощечка в заборе, разделявшем наши дворы, качнулась в сторону. Рокси высунулась и хихикнула:

– Вот так!

Щель была узкая, но я пролез. (Крошечная Рокси прошла в неё, почти не задев забора.) И я оказался в запущенном саду, где обнаружили жалкие кусты и цветы, и сорняки, и старая пластмассовая горка. По нестриженному газону Рокси прошагала к огромному плющу, который разросся по обе стороны забора и начал обвивать орешник. Она раздвинула плющ и полезла внутрь. Через несколько секунд я услышал её голос с другой стороны забора:

– Ты идёшь или будешь бояться?

Я отодвинул ветку. Плющ скрывал дырку в заборе, отделявшем двор от леса. В лес вела тропинка. К забору прислонился сарай, полностью скрытый кустарником. Это был сборный сарай, каких много на строительных площадках.

Рокси стояла в дверях сарая.

– Добро пожаловать в мой гараж, – пронзительно и гордо объявила она.

Потом пошарила внутри, нащупала выключатель, и висевшая над входом неоновая надпись ожила. Огромные розовые буквы говорили: ГАРАЖ. Но первые три не горели, и остались только две буквы: АЖ. Впрочем, и это было здорово.

Внутри стояли поцарапанный письменный стол, шаткое вращающееся кресло, два деревянных стула и маленький холодильник в форме банки пива. Пол был покрыт ковром, на лампе имелся абажур, а на окнах шторы. Сильно потрёпанный старый диван был весь в жёлтых пятнах от поролона, вылезавшего через прорехи в подушках. Я засмеялся.

– И что такого смешного? Тебе не нравится?

В душе я считал, что всё это совершенно потрясающе. Но признаваться, естественно, не собирался.

– Нормуль, – сказал я. – Где... где ты всё это взяла?

Моя реакция Рокси явно разочаровала, и я тут же почувствовал себя немного виноватым.

– В мусорных баках по большей части, – ответила она. – Люди столько всего выбрасывают. Знаешь, повторное использование, переработка, бла-бла-бла. Неоновая вывеска – это мой знак протеста.

Она подчеркнула «э» и театрально взмахнула рукой.

– Никогда бы не подумал, что здесь столько всего есть! – продолжил я.

– Снаружи не на что смотреть, но внутри много интересного, да? Обо мне тоже так говорят!

Она вскочила на табуретку и потянулась к дверце холодильника.

– Пива?

– Я... э...

– Шучу. Эй, ты не знаешь значения слова «доверчивый»?

Она протянула мне пакетик сока и соломинку.

– Садись. Сними вес с ног. *Mi casa es su casa!*

Мы немного посидели, потягивая сок. Я познакомился с Рокси всего шесть минут назад, но уже понял, что никогда не встречал никого подобного.

Называя ее крошечной, я не преувеличивал.

Она была такая маленькая, что ей можно было бы дать лет шесть. Но вела себя Рокси более зрело, лет на шестнадцать. Кожа у неё была блестящей и коричневой, как полированное дерево, а на носу темнела россыпь веснушек. Кудрявые африканские волосы были острижены безыскусно и коротко, как у мальчика. Одежда тоже ничем не выделялась: шорты, шлёпанцы, грязная белая футболка, джинсовая куртка. Стандартный комплект для ребёнка-на-каникулах. Но, поскольку Рокси училась в Академии Перси, ей должно было быть не меньше одиннадцати.

Особенно мне понравилась её улыбка. Вы знаете, что многие люди, когда их лица расслаблены, имеют сердитый или сварливый вид? И дело не в плохом настроении – если у человека нет причины улыбаться, он этого и не делает. У моего отца такое лицо. Ему

постоянно твердят: «Выше нос, дружище, – может, всё ещё обойдётся».

Но Рокси была совсем не такая. Казалось, губы её навсегда застыли в улыбке, словно она без конца смеялась над некой тайной шуткой.

Рокси заметила, как я на неё смотрю.

– Ты что уставился? Никогда не видел джентльмена?

Внезапно у неё появился лондонский акцент, и я не смог скрыть своего удивления. Она засмеялась:

– Это из «Оливера».

Наверное, у меня был глупый вид.

– «Оливер»! Ты не знаешь такой мюзикл? «Оливер Твист» по Чарлзу Диккенсу? Это сказал Джек Докинз по кличке «Ловкий Плут», когда встретил Оливера. Мы ставим пьесу в театральном кружке, и я буду Ловкий Плут. У меня уже есть и костюм, и всё остальное.

Она ткнула пальцем в висящие на гвозде бархатное пальто и мужскую шляпу.

Вот в это я мог поверить.

– Рокси, сколько тебе лет?

Она заговорила другим голосом – высокомерной старой дамы:

– Как вы смеете спрашивать леди о её возрасте, молодой человек!

Она была настоящей актрисой, эта моя новая соседка.

– Столько же, сколько тебе. На самом деле я на четыре недели старше.

– Ты знаешь, когда у меня день рождения?

Она вскочила со стула и распахнула дверь.

– Я многое про тебя знаю, Эйдан Генри Линклейтер. Твоя сестра, Либерти, родилась пятого февраля. Брось пакетик от сока в контейнер для вторсырья и иди за мной. Мне нужно кое-что тебе показать.

Я пошёл за ней в лес по едва заметной тропинке. Если бы я знал, что будет дальше, то мог бы избежать больших проблем.

Но не познакомился бы с Альфи Монком.

Глава 7

Рокси шагала впереди, раздвигая ветки и сбивая палкой макушки крапивы. Когда мы отошли метров на тридцать, я уже не видел её «гараж».

– Ты знаешь, куда мы идём? – я постарался сказать это поестественнее, словно меня не беспокоил возможный ответ «нет».

Но, кажется, Рокси меня не услышала.

Пес был густой, но не тихий. В этом году весна выдалась более тёплая и сухая, чем обычно, и под ногами громко трещали сухие листья и ветки. Я остановился и услышал жужжание пчёл и дыхание Рокси. Наклонив голову, я смог различить звук движущихся по шоссе А-19 машин. Их шуршание успокаивало, напоминая: хотя мне и кажется, что мы забрались в самую глухомань, на самом деле это не так.

Рокси притормозила и наклонилась.

– Здесь. Ты видишь?

– Что – вижу?

– Вон там, чувак. Ты слепой?

Я увидел: ниже по крутому склону, между серебряно-серыми деревьями, на расстоянии броска сосновой шишки – крытую шифером замшелую крышу.

Я оглянулся на Рокси, чтобы понять, не шутит ли она. Ну ладно, крыша. И что? Рокси заметила сомнение на моём лице.

– Будет понятнее, если подойти ближе. Пошли. И Рокси скользнула между деревьями. Она перестала сбивать крапиву и двигалась очень быстро, иногда оглядываясь, чтобы проверить, иду ли я за ней. Вскоре Рокси остановилась.

Крыша уже была хорошо видна – на уровне наших глаз, и это показалось мне странным. Потом я понял – просто мы стоим на склоне холма. Спуск вёл к каменному дому, окружённому густыми колючими кустами, словно специально высаженными плотно, чтобы отпугивать нежеланных гостей.

– Аккуратнее здесь, – прошептала Рокси и указала на ржавую колючую проволоку, спрятанную внутри можжевельового кустарника, – ветки выросли вокруг проволоки. Дальше живая изгородь стала чуть менее плотной, и появилась табличка из тех, что можно купить в хозяйственных магазинах.

ОСТОРОЖНО: ЗЛАЯ СОБАКА

– Э... Рокси? – произнёс я.

Она пренебрежительно махнула крошечной ручкой.

– Нет здесь никакой собаки. Не волнуйся ты. Идём!

Я шёл за ней, чувствуя себя марионеткой.

Мы добрались до щели в этой живой изгороди, усиленной колючей проволокой. Если бы я был размером с Рокси, то протиснулся бы в щель без труда. А так мне пришлось лечь на живот и, извиваясь, ползти. Перед моим лицом мелькали шлёпанцы Рокси.

Ноги её были исцарапаны и обожжены крапивой, но, кажется, она не обращала на это внимания. Вскоре можжевельник закончился, и мы оказались в высокой траве – настолько, что в ней можно было спрятать лежащего человека. Оттуда я как следует разглядел дом.

Склон простирался ещё на пару метров, а затем обрывался, превращаясь в кирпичную стену высотой с человеческий рост. За ней находился аккуратный выложенный камнями двор с круглым каменным костровищем. Воздух был неподвижен. От тлеющего полена ровнёхонько вверх поднималась тонкая струйка дыма. Несколько куриц что-то клевали. Возле костровища стоял круглый металлический горшок, почерневший от времени и дыма.

Сам дом, сложенный из кирпичей, грязных и побитых, венчался крышей из замшелого шифера, которую я видел ещё с тропинки. Мы подошли к дому с задней его стороны. Дверь там состояла из двух частей – верхней и нижней. Верхняя часть была открыта, но внутри я ничего не мог разглядеть. Краска на двери и окнах пооблупилась. По правде говоря, дом выглядел старым, скучным и обветшалым.

– Итак, Рокси... – начал я.

– Тесс!

Я убавил звук.

– Итак, Рокси, это чей-то дом.

– Да! – прошептала она возбуждённо.

– И что, это так важно?

– Ну... Да!

– С чего бы? Обычно люди строят дома. Они в них живут.

– Ты не знаешь, кто живёт в этом.

Рокси сделала паузу и вздохнула, подчёркивая важность момента. И тут наше внимание привлекло какое-то движение.

В открытой части двери появилась женщина. Она внимательно посмотрела на кусты и траву, где мы прятались. Инстинктивно мы

отпрянули.

Через мгновение женщина вернулась в дом. Сколько ей было лет? Я не понял. Длинная юбка, шарфик, тёмные очки.

– Это она, – сказала Рокси.

– Кто?

Понимаю, всё выглядело так, будто я специально демонстрировал незаинтересованность, чтобы подразнить Рокси. Но я просто не мог понять её восторга из-за какой-то женщины в доме. Тоже мне, важность.

– Ведьма.

И тут я забыл о том, что надо вести себя тихо, и произнёс – громче, чем, вероятно, следовало:

– Ой, Рокси!

Я был искренне зол. И ещё разочарован.

Я разозлился на Рокси, потому что лежал тут, в траве, слегка напуганный, перепачканный какой-то лесной гадостью, покусанный крапивой; шпионил за чьим-то домом, быть может, нарушая закон, и всё из-за ерунды. И разочаровался потому, что, ну...

Я-то думал – Рокси немного другая. Надеялся, что с ней будет интересно общаться. Особенно сейчас, когда Спатч и Мо уехали в Италию.

И теперь она говорит про ведьм – какого чёрта? Если бы я хотел слушать про ведьм, единорогов или животных, которые одеваются как люди, я мог бы поболтать со своей младшей сестрой.

– Тсс! Это так, уверяю тебя. Ей, типа, двести лет, и она живёт в доме в лесу. И у неё даже есть чёрная кошка – смотри!

Словно по заказу, кошка – почти чёрная – прошла по стене как раз перед нами. Она глянула на нас своими жёлтыми глазами, изящно спрыгнула на землю и громко мяукнула, спугнув одну из куриц.

– Ты уже попробовала его? Дом-то? – спросил я.

– В смысле?

– Он сделан из имбирного пряника?

Рокси гневно посмотрела на меня – её взгляд мог бы сжечь лист бумаги. Но мне было всё равно. Какие-то глупые выдумки!

– До новых встреч, – сказал я и начал подниматься.

– Пригнись! – зашипела Рокси. – Она тебя увидит.

– И что? Превратит в лягушку? Ничего, я готов рискнуть.

Вероятно, в том, что случилось потом, есть и моя вина. Но я не уверен до конца.

Глава 8

Я встал на четвереньки. Рокси ухватила меня за воротник и потянула вниз. Для такой маленькой девочки она была очень сильной.

– Прекрати! – прошептал я, стараясь освободиться.

Мы завозились, и я её толкнул. Рокси соскользнула вниз. Она пыталась ухватиться за меня, за траву – за что угодно, лишь бы не скатиться во двор.

Долю секунды я видел её глаза, лицо, искажённое ужасом. А затем, докатившись до края, Рокси исчезла из виду.

Она здорово треснулась о землю, однако не завопила и не заплакала. Я вдохнул поглубже, чтобы позвать её – надо же было понять, всё ли в порядке. Но крик застыл у меня в горле: задняя дверь дома запахнулась и из неё выбежала ведьма.

– Эй, эй, эй! – кричала она.

Потом добавила что-то ещё, но я не понял, что именно. Язык был совсем незнакомый.

Точно не французский. Я знал, как звучит французская речь (третий ученик в классе, en *fait*). И не итальянский – я слышал, как Спатч разговаривал со своим отцом.

Этот язык звучал как-то особенно: гортанно, музыкально. Ведьма – или «как бы ведьма» – поспешила туда, где лежала Рокси. Затем она что-то крикнула на своём языке, словно кого-то позвала.

И тогда я его увидел.

Он стоял в дверях: худой, бледный светловолосый мальчик. На шее его, на цепочке, висели тёмные очки. Мальчик надел их, прежде чем выйти на освещённый солнцем двор.

Разбилась ли Рокси насмерть? Я этого боялся – ведь она упала с большой высоты, – но всё же надеялся на лучшее. Вскоре я услышал её стон. И возблагодарил небеса.

Нужно ли мне подняться? Дать понять, что я здесь? Я был охвачен ужасом и не знал, что делать. Мальчик же взял Рокси на руки и понёс её в дом. С головы девочки капала кровь, оставляя дорожку на земле.

Обе створки двери закрылись наглухо, и тут я понял, что вдохнул первый раз с тех пор, как Рокси упала.

Глава 9

Вот что мне известно о жемчужинах жизни.

1. Они содержат густую жидкость, которая, если смешать её со своей кровью, немедленно останавливает все процессы старения и роста.

2. Если повторить процедуру с другой жемчужиной, старение начнётся снова.

Вот так. Это, пожалуй, всё, что я знаю и что знает мама.

Отца, должен признаться, я почти не помню, хотя мама всё о нём рассказала. За тысячу лет я успел послушать эти истории много раз, но они мне никогда не надоедали.

(Порой воспоминания об отце почти реальны. Смутный образ высокого блондина; запах просмолённых корабельных канатов; ощущение страха во время шторма. Но всё же эти воспоминания не вполне чёткие. Они кажутся тонкими, словно истёршимися от попыток их воспроизвести.)

Отца звали Эйнар. Он был солдатом-ставшим-торговцем с острова Готланд – остров находится в водном пространстве, называемом Балтикой. Мама же говорила «остен шее» – восточное море.

Откуда они появились, эти жемчужины жизни? Точно никто не знал. Была легенда – мама рассказывала её при янтарном свете костра – о слуге алхимика, который спасся от ужасного цунами на Ближнем Востоке. Через пустыню в Карпатские горы он принёс целую сумку жемчужин жизни. Но было ли это правдой, никто и понятия не имел.

Если ты смешаешь жидкость из жемчужины жизни со своей кровью, то перестанешь стареть. Это не сделает тебя полностью бессмертным: ты по-прежнему сможешь погибнуть в битве или умереть от болезни или – как получилось у отца – от несчастного случая.

Мама рассказывала, что жемчужины жизни достались ему, когда он сражался с бродягами, нападшими на маленькую деревню. Я любил эту историю.

– Как истинный и благородный воин, – говорила мама, – он обменял эти жемчужины на жизнь одного из бандитов.

– Немедленно он использовал одну из них для себя лично. Сделал два надреза на своей руке и выдавил туда жидкость из одного стеклянного шарика. Осталось ещё четыре. Доблестный Эйнар, однако, знал: шарики так драгоценны, что любой, владеющий ими, подвергается опасности. Люди готовы убить ради вечной жизни. Поэтому он никому ничего не говорил, пока не встретил...

– Тебя! – всегда влезал в повествование я, и мама улыбалась.

– Да, ты прав. В то время ему уже исполнилось сто сорок лет. Он жил в стране данов^[1] и говорил на их языке. Мы были женаты всего шесть месяцев, когда я узнала, что беременна тобой, Алве.

(«Мы поженились по любви, – не уставала повторять мама. – Тогда это было редкостью». Тысячу лет назад любовь была далеко не главной в списке причин для женитьбы – она уступала по значимости семейным связям, богатству и безопасности.)

Мама была бедной, отец – нет. Люди завидовали маме: повезло же выйти замуж за богатого и красивого Эйнара из Готланда. А когда люди завидуют, они начинают болтать. Дело дошло до обсуждения возраста Эйнара. Странно, – говорили они, – старейшие жители деревни помнят его со своего раннего детства.

Может ли он быть одним из сказочных Бессмертных?

К тому времени Бессмертные стали такой редкостью, что многие считали их выдумкой путешественников или тех, кто общался с жителями других стран. Например, рассказывали истории о просторах юга, где обитают четырёхногие существа с такими длинными шеями, что существа эти могут доставать листья с верхушек деревьев; где в реках живут жирные лошади; где можно встретить крошечных волосатых людей, которые имеют длинные хвосты и качаются на ветвях.

Никто не знал, что здесь правда, а что вымысел. Могли и Бессмертные быть плодом фантазии путешественников.

Когда мой отец узнал про разговоры о его слишком длинной жизни, он не захотел рисковать. В надежде, что он сам, его жена и ребёнок будут в безопасности, Эйнар решил начать новую жизнь на земле бриттов. Как оказалось, он не ошибся... почти.

Он спас маму и меня. Но себя он не спас.

Глава 10

Эйнара из Готланда невозможно было узнать, когда он стоял на деревянном причале города Рибе, что находился на западном берегу Дании. С ним уезжали Хильда, его жена, и маленький ребёнок – я. Всё было именно так, как он хотел.

Эйнар сбрил бороду, постригся и оделся, как подобает купцу среднего ранга. Не слишком богатому, чтобы не привлекать внимание, но и не слишком бедному, чтобы никто не усомнился в его способности оплатить путешествие на корабле до Берниции, на землю бриттов.

В Рибе Эйнара никто не знал, но он не хотел рисковать. Мы остановились недалеко от города. Отец, как рассказывала мама, сильно нервничал. Ему казалось, что его преследуют. Хильда уже была Бессмертаном. Кровавая процедура была проведена в ночь их свадьбы. На новой земле, вместе с сыном, они собирались жить вечно.

Если получится.

Эйнар заплатил за проезд на грузовом корабле. Тот направлялся через Северное море, с первой остановкой к северу от старой римской стены. Там корабль должен был оставить груз и принять на борт новый, а затем проследовать дальше, до устья реки Тайн.

Капитан велел подождать четыре дня или, может быть, пять, в зависимости от погоды – пока ветер не станет попутным. Грузовые корабли ходили под парусами, а не на вёслах, как драккары. Поэтому если ветер дул с запада – как это обычно бывало, – путешествие к новой земле становилось нелёгким предприятием.

Через неделю ветер поменялся. Не прошло и дня, как старый изношенный кнорр с грязными залатанными парусами и ветхими просмолёнными канатами выскользнул из гавани Рибе. Отец взошёл на борт отдельно от мамы. Во время путешествия они собирались притворяться чужими. Жемчужины отец отдал маме, чтобы они были в большей сохранности на случай, если кто-нибудь его узнает.

– Пока мы не сойдём на землю, – приказала мне мама с самым серьёзным выражением лица, с таким же она потом всякий раз пересказывала эту историю, – ты не должен заговаривать с папой.

Она рассказывала, что я удивился, но сделал всё правильно. По её словам, я всегда был хорошим и послушным мальчиком.

Мы взяли с собой очень мало багажа: каждый – по одной джутовой сумке. Я ещё прихватил плетёную корзинку с котёнком, которого я назвал Биффа. Это было не имя и не слово. Думаю, мне просто нравилось, как оно звучит.

Уединиться на корабле было невозможно. Если кому-то требовалось помочиться или того больше, делать это приходилось прямо в море, раскачиваясь вместе с кораблём на серых волнах. Члены экипажа вообще не переживали: они спускали штаны и перевешивались задницами через борт.

Так мы потеряли отца, рассказывала мама. Никто не видел, как он упал. Ветер усилился, капитан приказал убрать паруса, и корабль то взлетал на волне, то падал обратно. Когда корабль вздыбился на белом гребне, папа, как это обычно делали все, забрался на самый край кормы. В некотором смысле там получалось укромное место – за мешками, привязанными верёвками. Мешки отчасти закрывали от посторонних взглядов, а на верёвке можно было повиснуть.

На корме папу видели в последний раз.

Мама первой заметила его отсутствие. Все, чтобы не вымокнуть, стояли близко друг к другу. Она спросила:

– А где Эйнар?

Когда стало понятно, что произошло, капитан развернул корабль носом к шторму и начал лавировать туда-сюда. Мы прошли назад даже больше, чем по курсу, – на случай, если отца отнесло течением. Но не нашли никого. Даже если он кричал с воды, скорее всего его никто не услышал из-за шума волн, ветра и скрипа старого корабля.

Какая нелепая смерть. Я до сих пор переживаю, хотя почти не помню отца. С тех пор прошли столетия, но боль не отпускает меня, несмотря на множество грустных и ужасных вещей, с которыми я встречался в жизни.

– Тяжелее всего, – говорила мама, – что нам нельзя было горевать. Мне приходилось притворяться не более расстроенной, чем остальные, кто едва его знал. И объяснять твои слёзы тем, что ты маленький и любая смерть огорчает тебя, а не тем, что ты потерял отца.

– Но почему? – обычно спрашивал я.

– Таков был план – спрятаться от охотников за жемчужинами. И я следовала ему. До сих пор мне не известно – не столкнули ли его

специально. На корабле был один пассажир: дьявол со злыми глазами и огромной чёрной бородой. Он с твоим отцом повздорил. Я знаю, что Эйнар ему не доверял. Когда ты заплакал от холода, он приказал мне: «Заткни своего дитёнка!» А когда ты выл по упавшему за борт человеку, твоему отцу – хотя этого никто и не знал, – он пригрозил, что выбросит тебя в море вслед за ним.

Закрыв глаза, я могу представить себе его лицо, в нескольких дюймах от моего. Он рычит: «Заткни пасть! Закрой рот!» – рыдающему ребёнку. От этих воспоминаний мне становится холодно.

Через шесть дней, заочневшие, промокшие до нитки, пропахшие овечьим сыром, тюленьими кожами и корабельным дёгтем, мы с мамой добрались до устья Тиин и сошли с корабля на длинный деревянный причал. Возле причала стояли рыбацкие хижины.

Мама покинула Данию молодой женой, а прибыла в устье Тиин вдовой с маленьким ребёнком-сиротой.

Маленький. Старый. Я.

Потом, через тысячу лет, крошечная девочка упала и разбила голову в нашем дворе. Это событие изменило всё.

Глава 11

В тот день, когда всё это произошло, мама спросила меня:

– Ты знаешь, какой сегодня день, Алве?

Когда мы были одни – то есть практически всегда, – она называла меня именем, данным при рождении.

Я знал, но притворился, будто не знаю, чтобы дать ей шанс с удовольствием напомнить мне.

– Тридцать лет в Дубовом хуторе. Тридцать лет, как мы въехали в этот дом.

Мама улыбнулась мне редкозубой улыбкой и обняла своими сильными руками.

– Я не хочу больше переезжать. После того, что было в прошлый раз.

Она часто это повторяла.

В ответ я заставил себя улыбнуться и кивнул и не напомнил ей, что мир стал меняться быстрее, чем раньше.

Мама беспокоилась. Мы оба беспокоились. Переезжать в новые дома, оставаться незамеченными – в общем, жить – становилось труднее и труднее.

Это никогда не было слишком просто. Но мы с мамой, достаточно подвижные, легко находили кого-то, желающего сдать маленький дом или хотя бы комнату. Мы свели количество вещей к минимуму и некоторые из них хранили в отдельном месте, например книги.

Но теперь? Теперь каждый хочет узнать о тебе всё. Договор аренды, банковские счета, лицензии на это, разрешения на то, бланки для заполнения, личные документы...

Мама редко слушала новости по беспроводному громкоговорителю. Они были, по её словам, «слишком неоднозначными». Думаю, она имела в виду «чересчур пугающими». Мы слишком долго прятались, и мама уже не могла понять большой мир с бензиновыми двигателями, реактивными самолётами, компьютерами и мобильными телефонами.

Но я порой, когда мама была в своей комнате наверху, слушал новости. Я пытался их понять и ужасно хотел жить в этом мире: настоящем мире со всеми его чудесами.

Мама прищёлкнула языком:

– Девочка опять здесь, Алве.

Она вытерла руки и выглянула в окно столовой.

– Уже второй раз на этой неделе. И с ней кто-то ещё. Вон там, слева. Видишь?

Мама называла её «маленькая любопытная девочка». Теперь-то я знаю, что её зовут Рокси Минто. Впервые мама заметила, что она за нами шпионит, год назад. Сначала мама предположила худшее – что будет как в прошлый раз, когда мы здесь жили. Мальчишки превратили нашу жизнь в ад: они начали задавать вопросы, и нам пришлось уехать.

Но вышло по-другому. Девочка просто смотрела, и всё. Мы слышали, как она старательно пряталась в кустах.

До сегодняшнего дня девочка всегда приходила одна. Она ложилась в траву перед кустами можжевельника и смотрела, как мы занимаемся своими делами. Затем наступила осень, листья опали, и девочка перестала приходить. Видимо, ей стало трудно прятаться.

То, что за нами шпионили, действовало на нервы. И всё же это было лучше, чем бояться, что в любой момент тебя могут атаковать или обвинить в какой-то гадости.

В колдовстве?

Я знал: в двадцать первом веке никого не обвиняют в колдовстве. Но мы так долго боялись этого, что одиночество сделалось нашим образом жизни, а основной целью стало – быть незаметными.

Так что мы позволили наблюдать за нами. Потом пришла весна, а вместе с ней появились листья и маленькая девочка в кустах.

Мама подошла к задней двери, верхняя створка которой была открыта, и посмотрела, прищурившись.

Затем она – в который раз – сказала:

– Я не сдвинусь с места, Алве. Нет – после прошлого раза.

Прошлый раз. Я не забуду этот прошлый раз. Ведь там был замешан Джек, мой друг, последний из всех.

Глава 12

Не знаю, сколько я простоял там, глядя на заднюю дверь лесного дома, куда унесли Рокси. Но в один прекрасный момент – побежал.

Я хотел позвать на помощь, рассказать о том, что случилось, отцу или кому-нибудь ещё – и всё тогда наладилось бы. Но в панике я рванул не в ту сторону и заблудился.

Лес был не таким уж и большим, но без дорог. Я носился туда-сюда, несколько раз пробежал мимо большого куста можжевельника, а затем попытался подняться на холм, поскольку знал: мне нужно примерно в ту сторону.

Прошло, должно быть, около часа, когда – потный, грязный, задыхающийся, перепуганный – я оказался на вершине холма, недалеко от «гаража» Рокси. Я побежал к своему дому и вдруг увидел её.

Раскрыв рот, я глядел на Рокси, а она спокойно сидела в дверях своего убежища под всё ещё сверкающими буквами «АЖ». Не должна ли она, – подумал я, – выглядеть более потрёпанной после встречи с лесной ведьмой? Ничего такого по ней не было заметно.

– Твой отец приходил сюда, – сказала Рокси. – Через забор заглядывал. Он симпатичный. Его зовут Бен.

– Да, Рокси. Я знаю, как зовут моего отца.

Меня всё это выбило из колеи, и я хотел знать, что же с ней случилось.

– Я в порядке, – сказала Рокси. – Если ты именно поэтому такой странный.

– Станный?

Она смотрела на меня, наклонив голову, словно и правда обдумывала мой вопрос.

– Ну да. Ты весь в грязи, в волосах у тебя сухие листья, лицо потное и красное. Да, это выглядит странно.

– Ну а ты? Что с тобой случилось?

– Ну... – начала она, но не договорила.

– Вот ты где, – через забор, доходящий ему до подбородка, заглядывал мой отец. – Святые апостолы! Что с тобой случилось? Ты

выглядишь, словно тебя задом наперёд протащили через живую изгородь!

Он почти угадал.

И почему? Почему в тот момент я не сказал что-то вроде:

– Да ужас, пап! Не поверишь, что тут было! Мы с Рокси (Рокси, познакомься с папой! Пап, это Рокси) нашли в лесу удивительную хижину. Ты знал про неё? Она, представляешь, реально замаскирована. И там живёт дама, которую Рокси считает ведьмой. Конечно, это не так, но выглядит она как настоящая ведьма. А Рокси скатилась к ней во двор и ударилась головой, но теперь она вроде неплохо себя чувствует. Круто, да, пап?

Но я этого не сказал. И, наверное, знаю почему.

Во-первых, мы влезли на чужую территорию – и табличка, и колючая проволока предупреждали: нас ожидают неприятности. А во-вторых, меня немного настораживало слишком обычное поведение Рокси – в то время как за ухом у неё был хирургический бинт, прикрытый волосами.

Я понимал: дело особенное. И всё будет испорчено, если я стану слишком много болтать.

Кроме того, мне было стыдно, что я не спас Рокси. Что я стоял, как тупой манекен, когда её, истекающую кровью, унесли в странный дом. Не думаю, что отец бы меня одобрил.

Поэтому я соврал – а я самый плохой на свете врун. Когда отец сказал про «живую изгородь», я засмеялся, словно никогда не слышал лучшей шутки.

– Да! Точно! Знаешь, пап, я просто гулял! Но заблудился и всё такое, зато ничего себе не сломал! Ха-ха!

Отец посмотрел на меня как-то странно.

– Да, здесь встречаются колючие кусты, сынок. Пойдём, поможешь мне с плинтусами.

Он развернулся, чтобы идти домой.

«Прекрасно, – подумал я. – Работы по хозяйству».

Дом, в который переехала наша семья, был не в лучшем состоянии.

Мы подождали, пока отец ушёл, и Рокси сказала:

– Ты фиговый лжец, Эйдан. Если бы за плохую актёрскую игру давали призы, ты бы их все выиграл. Правда.

– Да, да, верно. Спасибо большое. Но это сработало. А теперь я хочу знать, что с тобой произошло.

Рокси села за старый маленький столик. Поставила на него локти, а пальцы сложила рупором перед своим ртом. Клянусь, она изо всех сил старалась выглядеть крутой и грозной, но была для этого слишком маленькой и ободранной. Рокси казалась ребёнком, изображающим из себя директора школы.

– Всё ещё более странно, чем мы думали, – сказала она.

– Чем ты думала, – поправил я её. – По мне, это просто дама с ребёнком, которые спокойно жили в безлюдном месте, пока ты не свалилась к ним во двор.

– У неё есть котелок, чёрный кот и метла, – Рокси, называя предметы, загибала пальцы и кивала, словно подтверждая значимость своих слов.

– Нет, Рокси. У неё горшок для варки, двухцветная кошка и... ну не знаю... швабра, как и у всех.

– Но ты же не был в доме.

– Правда, не был. Но надеюсь, ты мне расскажешь. Кстати, как твоя голова?

Рокси потрогала голову за ухом и поморщилась.

– Вроде ничего. Уже не болит. Она сделала примочку.

– Наверное, ядовитую? – съязвил я.

Она сузила глаза.

– Если собираешься так шутить, убирайся из моего гаража.

Рокси указала на дверь. Я вздохнул.

– Извини. Просто... ладно, ты же понимаешь, что ведьм не бывает? Волшебства и всего такого не существует. Это сказки. Ты это знаешь?

Я говорил искренне и старался изо всех сил избежать малейшей насмешки.

Рокси, по всей видимости, успокоилась.

– Я это знаю. Или, по крайней мере, знала.

Она полезла под стол, вытащила оттуда ноутбук и открыла его. Нажала несколько клавиш, и на экране запустился фильм. Тогда нижняя челюсть у меня отвалилась до самых колен. Ну почти. Вы понимаете, о чём я.

Глава 13

Сначала я понятия не имел, что смотрю. Просто шум – хруст, шуршание и что-то серо-зелёное – не в фокусе, поскольку камера двигалась мимо... чего?

Листья. Подлесок. Кусты. И слова, разборчивее некуда. Мой голос произнёс:

– Что-то плоское, с зеленью?

Затем голос Рокси:

– Да, теперь видно. Это крыша.

– Останови видео! – велел я, и Рокси наклонилась, чтобы нажать на пробел.

– Ты снимала?

Она молча усмехнулась и кивнула.

– Но... как? У тебя не было камеры.

Левой рукой она стащила с себя джинсовую куртку и сунула её мне. Присмотревшись, я разглядел крошечную стеклянную полусферу, вмонтированную в медную пуговицу. Рокси откинула полу и показала чёрный кабель, который вёл к внутреннему карману, где лежала маленькая серебристая коробочка.

– Это камера?

– Ага. Камера наблюдения, разрешение 720, аудио и видео.

Я покивал с умным видом, словно знал, о чём идёт речь, и затем для верности добавил:

– Ну да? Здорово!

Кажется, это сработало – Рокси заговорила с большим энтузиазмом.

– Ну да, и даже лучше! У неё поток 16,4 мегабита в секунду, и это круче, чем Мpeg 4. Так что можешь...

Она не договорила и внимательно посмотрела на меня.

Я придал лицу выражение, которое применяют в школе, когда не слушают учителя, но хотят, чтобы он об этом не догадался. (Это выражение часто видел у меня мистер Рейд, наш математик.)

– Ты не понял, о чём я, так ведь?

Я покачал головой и спросил:

– Это ты тоже нашла в мусорном баке?

Она рассеянно кивнула и снова нажала на «плэй».

Было так странно снова увидеть всё, что произошло с нами несколько часов назад. Рокси промотала ту часть, где мы пробирались через лес, – до момента падения на ведьмин двор.

(Смотрите, теперь и я это скажу. *Она не ведьма!*)

На экране был виден только кусочек земли, потому что Рокси лежала на животе в высокой траве.

– Пригнись! Она тебя увидит!

Это сказала Рокси.

– И что? Превратит в лягушку? Ничего, я готов рискнуть.

Послышалась возня, а затем «ох», когда Рокси покатила вниз. После раздалось громкое, тяжёлое «бум» – она ударилась о землю.

– Ой! – сказал я.

Кажется, Рокси сильно ушиблась.

Изображение помутнело, расплылось и замерло. Теперь большую часть экрана занимало небо, потому что Рокси без сознания лежала на спине.

– Наверно, было больно! – сказал я.

– Чертовски! – ответила Рокси. – Но только потом, когда я пришла в себя.

Послышались шаги, а затем снова прозвучали слова, которые я, трусливо оцепеневший, слышал наверху.

Слова на том странном языке. Говорила женщина:

– Ал-ву! Ал-ву! Комни!

Примерно так оно звучало. Затем раздалось много всяких непонятных звуков. И я ахнул: экран заполнило лицо женщины. Она наклонилась и смотрела на Рокси, а крошечная камера это фиксировала.

Рокси нажала на паузу.

– Вот, это – она!

У Рокси был такой вид, словно объявила имя знаменитости, выходящей на красную дорожку.

Мы смотрели на лицо женщины на экране.

Сколько ей было лет? Честно говоря, я не очень хорошо определяю возраст. После тридцати люди выглядят примерно одинаково, пока им не исполнится шестьдесят или около того. Тогда они покрываются морщинами и седеют, как дедушка и бабушка Линклейтеры.

Так что женщине могло быть сколько угодно лет – в этом диапазоне. Я заметил морщины на лбу и в уголках глаз. Но, возможно, они появились из-за озабоченного выражения лица. Из-под головного платка выбивалось несколько светлых прядей. Щёки были блестящими, с лёгким румянцем, как яблоки сорта «Пинк лэйди».

Рокси снова нажала на «плэй», и лицо женщины начало перемещаться: сначала назад, потом, когда она стала осматривать рану, – из стороны в сторону. Когда-то эта женщина была красивой, но теперь всё портили зубы, потемневшие и стёртые. И сверху, и снизу нескольких недоставало.

Когда она сняла тёмные очки, я увидел глаза – водянисто-голубые, с красными прожилками и бледными веками.

– Ты видел когда-нибудь такого уставшего человека? – пробормотала Рокси. – Кажется, она готова проспать целую вечность.

На экране вновь появилось небо. Зазвучал разговор на чужом языке, из которого я вычленил только «Ин-анн боллд». Женщина произнесла эти слова дважды.

– Здесь они подняли меня, – пояснила Рокси. Изображение поменялось: появилась стена, потом снова небо. И вскоре стало темнее, потому что они вошли в дом. Картинка опять стала неподвижной. Я увидел потолок и источник света наверху.

– Привет? Привет?

Это был другой голос – голос мальчика.

– Ты меня слышишь? Привет? Как ты себя чувствуешь?

Послышались лёгкие шлепки – кажется, кто-то нежно хлопал Рокси по щеке, пытаясь привести её в чувство. Затем заговорила женщина, прозвучали вдох, выдох и слабый стон.

Мальчик что-то сказал женщине, затем раздались кашель и ещё один, мучительный, стон.

– Это я, – сказала Рокси. – Пришла в себя и пытаюсь подняться.

Картинка сместилась – видимо, Рокси попыталась сесть. Но затем снова стал виден потолок, когда женщина произнесла:

– Нет, голубушка. Ложись обратно, деточка. Ты сильно ушибла головку. Просто полежи, детуля. Не двигайся. Тсс.

Голос у неё был мягкий и успокаивающий, с сильным северо-восточным говорком. Но также слышался в нём иностранный акцент.

Она говорила как Кристина Нильсен, девочка из моей старой школы, – норвежка, но с акцентом жителей Ньюкасла.

В любом случае, квакающего голоса ведьмы я не услышал, но Рокси об этом говорить не стал.

Та ещё немного промотала вперёд.

– Тут я просто лежала, а они разговаривали на своём языке.

Затем промелькнуло изображение фарфоровой чашки.

Рокси объяснила:

– У неё там была какая-то жидкость, которой она промыла мне рану на голове. Пахло очень сильно, а щипало вообще ужасно.

Затем раздался голос женщины:

– Как думаешь, ты можешь сесть, цветуля? Давай, садись. Потихонечку. Как чувствуешь?

И тогда они появились оба – Рокси села, и крошечная камера показала всю комнату.

На женщине был бесформенный свитер ручной вязки. Пальцы её, длинные и грубые, сплетены в участливом жесте.

Камера обрезала верх головы, но было видно, что лицо у женщины доброе. Она сказала мальчику:

– Го-тер свин, Алве. Го-тер свин.

Мальчик – очевидно, её сын – был очень похож на мать – от бледных глаз до грязных светлых волос и длинных пальцев. Зубы у него тоже были жёлтые, и часть их отсутствовала. Одежду он носил старомодную: обычные брюки (не джинсы) и рубашку с пуговицами. Тётя Алиса сказала бы, что он выглядит «настоящим умником». Но, по мне, он словно позаимствовал старую одежду своего отца. Странный костюм дополняли свисающие на верёвочке тёмные очки.

Комната была тёмная и захламлённая: старинные стулья, заваленный бумагами стол, каминная полка, уставленная вазами и безделушками, кипы бумаги на полу и...

– Ну! Смотри, до чего они довели дом! – сказал я.

Рокси засмеялась.

– Какой домовитый хозяин! – пошутила она. – Но я понимаю, о чём ты. Знаешь, там пахло...

Она помедлила.

– Плохо?

Рокси наморщила нос, словно это могло помочь ей определить запах.

– Не то чтобы плохо. Просто... так пахнет дом старого человека, где много старого барахла. Наверное, отчасти пылью. Хотя там вроде чисто.

Я кивнул. Примерно так пахло в доме бабушки с дедушкой, а ведь они были не очень старые. Мы снова переключились на экран.

– Как ты себя чувствуешь, голубушка? Головка не кружится? Попробуй встать – аккуратноненько, тихонько.

– Кажется, она вполне нормальная, – сказал я. – Даже милая.

– Я знаю, – ответила Рокси. – Хотя подожди.

– Ты можешь двигаться, цветулечка? Ничего не сломано? Ты так упала...

Изображение перемещалось – видимо, Рокси шевелила руками и ногами, проверяя их состояние. Затем прозвучал её голос:

– Нет, ничего не сломано, спасибо. Я лучше пойду.

Тут – за кадром – раздался высокий голос мальчика:

– Ты уверена? Тебе не надо уходить прямо сейчас. Это может быть небезопасно, знаешь ли, если у тебя сотрясение мозга.

Затем последовал разговор на их языке, из которого я ничего не понял, хотя и расслышал снова слово «Ал-ву». Не видя лиц, было очень сложно о чём-то догадаться, но мне показалось, что женщина чего-то решительно требовала от мальчика.

– Останови, – попросил я, и Рокси нажала на паузу. – О чём это они?

Рокси пожала плечами:

– Откуда мне знать?

Мы отмотали назад и включили снова.

– Похоже, – сказал я, – она велела ему не задерживать тебя. Это слышно по её тону.

Мы прослушали разговор в третий раз, и Рокси согласилась со мной.

– Да я и сама не хотела оставаться, боялась.

Камера повернулась и показала другую часть комнаты. Местами она была так загромождена, что, казалось, башни из бумаг вот-вот обрушатся. На стене висели книжные полки. Книг на них, втиснутых кое-как, было чуть ли не больше, чем во всей нашей школьной

библиотеке. Камера двигалась слишком быстро, и я не успевал прочитать названия. Но, похоже, это были старинные тома, а не современные книжки в разноцветных бумажных переплётках. Мелькнул хвост чёрно-белой кошки.

Послышался голос Рокси:

– Мне... мне правда надо идти. Спасибо. Благодарю вас.

Женщина появилась перед Рокси, лицо её стало куда менее добрым.

– Но, голубушка, ты так и не рассказала мне, что делала здесь. Ты забралась на нашу территорию. Это частная собственность. Поставлен забор, а ты и твой друг перелезли через него.

– Я... я...

– Твой друг. Да, мы видели его, правда, Алве?

Мальчик кивнул с видом страдальца. Было видно, что допрос ему не нравится.

– М-мы потерялись. Женщина наклонилась к Рокси.

– Да неужели? Что ж, впредь не теряйтесь, а то мы наслём на вас пасечников.

Затем она улыбнулась. Это была холодная улыбка, которая говорила: «Я не хочу быть суровой, но не надо меня недооценивать».

Что значило «наслать пасечников»? Я вопросительно посмотрел на Рокси, но она лишь слегка пожала плечами. Так или иначе, звучало это крайне неприятно.

Рокси за кадром рассыпалась в извинениях. По экрану было ясно, что она вышла из комнаты в такой же тёмный и загромождённый коридор и направилась к огромной деревянной двери с небольшим окошком. Её руки пошарили в поисках дверной ручки, а потом Рокси обернулась. Перед ней стоял мальчик.

– Мне очень жаль, – повторила Рокси, и тут произошла в высшей степени удивительная вещь.

Мальчик робко улыбнулся – из-за маленького роста Рокси камера лишь частично сняла его улыбку. А затем произнёс:

– Мне тоже.

Он оглянулся и тихонько добавил:

– Может, мы ещё увидимся?

В голосе звучали печаль и надежда. Послышались шаги матери, совсем близко.

Дверь распахнулась, и мальчик сказал:

– Сюда.

Он поднял руку и застенчиво помахал Рокси, а (почти) чёрная кошка пробежала в самом углу экрана.

Потом картинка начала дрожать и двигаться вверх-вниз. Раздался топот Рокси – девочка улепётывала со всех ног.

И вот теперь она с самодовольным видом сидела передо мной.

– Говорила я тебе, – повторила Рокси. – Странный язык, примочка, старинные книги, угрозы! Она стопроцентная ведьма.

Глава 14

Я и умолял, и насмехался – но ничто не могло убедить Рокси Минто в том, что она встречалась не с ведьмой.

Если вы в чём-то убеждены, то, мне кажется, легче начать упрямиться, чём признать свою ошибку и детское поведение.

– Ну очевидно же, что у ведьмы не будет ни чёрной шляпы, ни бородавок. Это бы её выдало с головой, разве нет? – заявила Рокси.

– Значит, её непохожесть на ведьму подтверждает, что она ведьма, да? – раздражённо сказал я. – А если бы она носила чёрную остроконечную шляпу? Тогда как? Это доказывало бы, что она не ведьма?

Рокси проигнорировала мои рассуждения.

– У неё есть котёл и чёрный кот.

– Чёрный с белым, Рокси, – поправил я сердито.

– И что?

Она смотрела на меня с глуповатой наивностью и парировала все мои аргументы. Наши голоса звучали всё громче, и мы уже начинали ссориться. Но ссориться я не хотел, ведь Рокси была такой весёлой и смелой.

– Знаешь, я могу доказать, – сказала она, и тут зазвонил её телефон. Бодрая, звонкая песенка, сыгранная на фортепиано, идеально подходила Рокси.

Она посмотрела на экран, но не сняла трубку. Я вопросительно взглянул на неё.

– Это мама. Надо идти.

Я и не заметил, что всё это время Рокси была одна. Знаете, где бы я ни находился, всегда кто-то из взрослых есть поблизости. Они приносят сок, проверяют, надел ли ты тёплую куртку, не бегаешь ли с ножницами в руке, – в общем, осуществляют родительский надзор. Но Рокси весь день оставалась без присмотра.

Её телефон перестал звонить и переключился на голосовую почту.

– Где сейчас твоя мама? – спросил я.

Рокси кивнула в сторону дома:

– Там.

– И она тебе звонит?

Рокси тяжело вздохнула, затем соскочила со стула.

– Длинная история. В другой раз, ладно?

Казалось, Рокси проткнули иглой и вместе с воздухом из неё вышли радость, живость и всё такое. Готов поклясться, что даже её взъерошенные волосы поникли. Она заперла дверь гаража и молча положила ключ под камень. Рокси понимала, что я это вижу. А я понимал, что мне доверяют.

Она повернулась и, снова с огоньком в глазах, произнесла:

– В полночь.

– Сегодня?

– Нет. Через десять лет. Ну конечно, сегодня, – Рокси полезла между досками забора.

– Это время ведьм, – добавила она и тут же исчезла. А я остался – пялиться на пустой лес и пытаться осознать, что же сегодня произошло.

Рокси сказала: «Знаешь, я могу доказать».

Что она не договорила? Может быть, это: «Я могу доказать: она произнесла заклинание». Да ну, полнейшая бессмыслица!

Но Рокси сказала это таким тоном и с такой уверенностью в глазах, что я никак не мог успокоиться.

Знаете, я уже был готов счесть Рокси безобидной сумасшедшей. Мы сохранили бы хорошие отношения, но не подружились. Оставили бы в покое мальчика и женщину из того дома, и Рокси рано или поздно переросла бы свою веру в «ведьму из леса».

Но случилось несчастье, и оказалось, что мы с Рокси были последними, кто видел ведьму живой.

Глава 15

Я смотрел, как девочка шла по тропинке прочь от меня. Мне хотелось пойти с ней и убедиться, что она благополучно добралась до дома. Но, думаю, это не понравилось бы моей маме. Кроме того, путь девочки был коротким: только пройти через лес. Она устроила себе забавный домик, над дверью которого висела светящаяся надпись. Это всё, что я знал.

На руки мне запрыгнула Биффа. Скорее всего, из-за неё девочка, обернувшись, не видела, как я ей помахал. А впрочем, может, и видела.

Р. Минто.

Так было вышито на её курточке. Я прочитал это, когда нёс девочку в дом. Ещё у неё обнаружили какие-то провода, присоединённые к карману. Наверное, мобильный телефон или что-то в том же роде.

Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за поворотом. Надеялся, что девочка обернётся, но она не обернулась. Биффа спрыгнула на землю, тихонько зарычала, и я улыбнулся ей.

– Тебе понравилась девочка, Биффа? – спросил я на нашем старом языке. – Мне тоже.

Я принял. Погода стояла слишком тёплая для весны. Но я чувал, что вскоре похолодает. При безоблачном небе после заката тепло всегда уходит. Значит, вечером мама захочет разжечь огонь, чтобы изгнать холод из каменного дома.

Надо было идти в сарай за дровами, но я стоял и думал о Р. Минто, её друге из кустов и о том, как подозрительно на них смотрела мама. Затем вернулась Биффа – с большим жуком, которого она поймала. Положила жука на спину у моих ног, и тот лежал, шевеля лапками.

– Хватит, Биффа! – засмеялся я. – Оставь жуков в покое!

Я наклонился, перевернул насекомое, и оно тут же юркнуло в сухие листья.

Про дрова я забыл совершенно, и это было моей самой большой ошибкой за тысячу лет.

Глава 16

Полночь уже миновала, когда завывали сирены пожарных машин.

Я поднялся, чтобы посмотреть из окна спальни – спальни Либби, в которую мне пришлось переехать, уступив мою комнату тёте Алисе и Джасперу. Меня замутило от страха, когда я увидел со стороны леса отблески пламени. Они освещали полнеба, хотя горело довольно далеко.

Я сразу понял, что именно горит.

– Папа! Папа! – позвал я.

– Клянусь богом! – раздалось позади. – Чертовски сильный пожар!

Я резко обернулся и увидел Джаспера, который стоял в одних пижамных штанах, опершись на башню из ещё не распакованных коробок.

В комнате запахло дымом, и я закрыл окно.

– Там есть дом, – сказал я. – В лесу.

– Да что ты? Ну, надеюсь, с ними будет всё хорошо. Такая гадость этот огонь!

Джаспер почесал заросшую щёку. Потом его пальцы спустились со щеки на горло, а после – на грудь, проделав этаким волосатый путь. Борода у него словно не имела края и плавно переходила в волосы на теле.

В дверь позвонили, и я подумал: «Готов поспорить, это Рокси».

Отец открыл, но не Рокси, а пожарному. Они разговаривали, пока я бежал вниз. Дверь была распахнута, и я увидел на улице пожарную машину с мигающими синими огнями.

– Простите, что разбудил вас, сэр, но нужно протянуть пожарный рукав вдоль вашего дома. Если огонь пойдёт дальше, то все здесь окажутся в опасности. Поэтому нам нужно намочить деревья.

Пожарный знал, что ему не откажут. Я подумал так, поскольку его товарищи уже размотали шланг и открывали гидрант рядом с нашим домом.

– Нет причин для паники, сынок, – сказал мне пожарный. – Это всего лишь предосторожность.

– А дом? Дом ведьмы... дом в лесу? Что с ним?

– Ничего не знаю об этом, сынок. А теперь извини, – он обратил взгляд на других пожарных, которые спешили по заваленному хламом проулку, отбрасывая мусор в стороны, чтобы освободить место.

Он лгал. Я сразу это понял и испугался.

Наблюдая за пожарными, я вдруг увидел Рокси в коротенькой пижаме. Она стояла в дверях своего дома, дрожа и теребя повязку за ухом. Наши глаза встретились, и мы сразу поняли, что думаем об одном и том же. Я надеялся, что она подойдёт ко мне. Хотелось поговорить с ней о случившемся. Ведь, возможно, ведьмин дом горел, а его обитатели могли быть ранены, если не хуже...

Рокси покачала головой и показала наверх, беззвучно говоря: «Мама».

Сзади ко мне подошла моя мама.

– Уходи, Эйдан. Не надо вертеться под ногами. Смотри, если хочешь, из окна.

На улице толклись соседи в шлёпанцах, наблюдая за происходящим. Я не понимал, чем их поведение отличается от моего, но спорить было бесполезно.

Вернувшись в спальню, я увидел, что подъехала ещё одна пожарная машина. Из неё выдвинули лестницу – выше окрестных домов. Один пожарный залез на самый верх и оттуда руководил остальными, направляя шланг. Огромная водяная арка протянулась над деревьями, вскоре они вымокли и с них начало капать.

Между тем оранжевые отблески огня приближались и делались больше. Упало дерево, поверженное огнём, в багровое небо поднялись вихри искр. И через несколько минут эта часть леса уже была охвачена пламенем – искры подожгли сухие листья, лежащие на земле.

Ко мне в комнату заглянул отец.

– Собери немного одежды, сынок. Положи в спортивную сумку. Пожарные сказали, возможна эвакуация.

Я смотрел на него и не понимал ни слова.

– Эвакуация. Уйти из дома. Для безопасности. Быстро-быстро.

– Но... здесь мы в безопасности, разве нет? – запротестовал я.

– Нет, если огонь подойдёт ближе. Смотри.

Отец подошёл к окну и показал на дерево, растущее неподалёку от нашего дома. Маленькие языки пламени лизали его ствол. Ветки загорелись, но дерево полили из шланга, и пламя погасло.

Я натянул джинсы поверх пижамных штанов, потом нашёл тёплый свитер и надел его. Грейс Дарлинг Клоз была тупиковой улицей, и дорога была заполнена машинами и людьми. Сью и Пру, две дамы из соседнего дома, вышли в одинаковых голубых халатах. Сью несла

огромного рыжего раскосого котяру. Тот шипел на проходящих мимо пожарных. «Ах! Не фолнуйтэс, он отшень трушелюпный!» – говорила Сью с преувеличенным немецким акцентом.

Помимо трёх пожарных машин я заметил два полицейских автомобиля, машину пожарного обеспечения и жёлтую «Скорую помощь». Затем появилась ещё одна машина. Из неё выскочили две женщины. Одна несла кинокамеру и переносную лампу. Женщина тут же начала снимать машины и толпившихся соседей. Я переминался с ноги на ногу в своих шлёпанцах и просто смотрел на это странное сборище.

Сью и Пру давали интервью.

– Наши кошки отшень бэспокоюца, да, Пруданция? – произнесла Сью, и Пру согласно закивала. – Томас уже опорожнил свой мочевого пузырь там, где нэ полошен, так ли, Томас, нехороший старый мурлыка?

Томас зевнул.

И тут я услышал голос, который выделялся из общего шума.

– Поставьте меня! ПОСТАВЬТЕ, чёрт возьми. Со мной всё в порядке – просто ОТПУСТИТЕ меня!

Как и остальные, я повернулся на этот голос. Он раздавался из дома Рокси. Двое пожарных спускали по лестнице нечто, похожее на огромный стул, задрапированный одеялами, над которыми торчала голова с покрытыми сеточкой волосами.

– Здесь! Поставьте меня здесь! Не ЗДЕСЬ, идиоты! Вы что, ГЛУХИЕ?

Из одеял высунулась рука и принялась бить одного из пожарных по золотой каске. Удары сопровождались словами. «Стоп!» Удар. «Стоп!» Удар. «Стоп!» Удар.

Пожарные дошли до конца дорожки и опустили кресло. Только тогда я сообразил, что это была инвалидная коляска.

– Вы с ума тут посходили, что ли? – сказала владелица коляски, подбирая одеяла.

Выйдя из зоны досягаемости, пожарный, которого она колотила, выдавил кривую улыбку:

– На здоровье, мадам. Рады быть к вашим услугам и спасти вас от огненной гибели.

– Огненная погибель, какого чёрта! Со мной всё в порядке! Что за... УБЕРИТЕ ЭТУ ГАДОСТЬ ОТ МОЕГО ЛИЦА! КАК ВЫ СМЕЕТЕ?

Последние слова были обращены к женщине-оператору, которая, заметив суматоху, подбежала и начала снимать, как владелица коляски кричит на пожарного.

– Извините, – не смутилась оператор, – я только хотела спросить: не могли бы вы сказать несколько слов для программы новостей?

– Да, могла бы, – ответила женщина. – Эта штука включена? Отлично, вот вам несколько слов для программы новостей.

После чего обрушила каскад ругательств, начинавшихся на «ч» и «д», и снова на «ч», а также слов, значения которых я не знал. Ругань была такой злобной и громкой, что пожарный, которого женщина побила, захохотал.

Оператор произнесла:

– Э... спасибо, – и слиняла.

Рядом со мной возникла Рокси.

– Познакомился с моей мамой, да? – сказала она, показывая на женщину в инвалидной коляске.

– При-привет! – я начал заикаться. – Как у вас дела?

Она даже не взглянула на меня.

– Да пошёл ты!

Глава 17

Нас так и не эвакуировали. Потихоньку суматоха на улице улеглась. Одна за другой уехали машины. Пожарные сложили свою длинную лестницу.

В воздухе стоял запах горелого дерева – пахло остатками костра в честь Гая Фокса.

Когда небо на востоке посветлело, начальник пожарной службы (у него на каске было две полосы – единственное, что я помнил после экскурсии на пожарную станцию в подготовительном классе) обошёл людей, которые ещё оставались на /лице.

Рокси уже закатали свою маму в дом. Я с ней больше не разговаривал (да и не хотел).

Отец пил чай из высокой чашки. Такую же он предложил пожарному, который руководил спасательными работами с лестницы. Они не заметили, как я сел на ступеньках позади них.

– ...очень легко может начаться, приятель, – говорил пожарный, жадно отхлёбывая чай. – Одна искра, сухая погода, немного ветра – и видишь?

– Кто-нибудь пострадал? – спросил отец, словно прочитав мои мысли.

Пожарный, задумавшись, сделал ещё глоток.

– Я не должен рассказывать до официального объявления, но уж ладно... – он помолчал, и отец не торопил его. – Ему ведь уже не поможет, верно?

Ему? Он сказал – ему? Моё сердце упало.

– Или, может быть, ей, – продолжил пожарный. – В любом случае... нам известно об одном теле. Мы пока не знаем, кто там жил. Машины не смогли проехать по тропинке, а шланги не такие длинные. У них не было шансов.

У них? Это означало «у него и неё» или... Я перенервничал, устал и не знал, что и думать.

Папа фыркнул и покачал головой:

– Страшная смерть.

– Она всегда страшная, если ты не готов. Но такая, возможно, быстрее, чем другие. Ты задыхаешься намного раньше, чем начинаешь гореть.

Пожарный улыбнулся, словно сказал нечто вдохновляющее, но меня всё равно охватила печаль. Я ткнулся носом в колени и понял, что вот-вот зареву. Видимо, несколько раз я всхлипнул, потому что отец и пожарный обернулись. Пожарный заговорил, и его мягкий акцент уроженца Ньюкасла прозвучал успокаивающе.

– Ничего, сынок. Отправляйся-ка спать. Ночка была чертовская!

Я встал и неловко кивнул, чувствуя, что по щекам моим катятся слёзы. Пришлось вытереть их рукавом.

– Это... это дым. Он попал в глаза, – зачем-то сказал я.

– Ну да. Бывает. Он всем попал, – ответил пожарный и похлопал меня по плечу. – Прими душ, сынок. Тебе станет лучше, когда ты избавишься от этого запаха.

Глава 18

Я проснулся в десять и несколько минут смотрел в окно. Небо было светло-голубое и безоблачное, кое-где поднимались струйки дыма. Я приоткрыл окно и почувствовал лёгкий запах горелого дерева.

Внизу местный телевизионный канал показывал пожарных и людей в белом. Они стояли возле обгоревшего остова здания. Сохранились лишь несколько почерневших стен, дверной проём и половина перекрытий, на которых лежали фрагменты крыши. Я разглядел остатки стола и ещё кое-какой мебели. Потом камера крупно показала несколько обгорелых книг, каменную раковину, книжный шкаф и картину, криво висящую на стене.

Пламя сильно разошлось к тому времени, когда прибыли пожарные. Одинокий дом, скорее всего построенный в восемнадцатом веке, был почти полностью уничтожен огнём. Представительница пожарной службы признала, что это один из сильнейших пожаров в её практике.

Начальник пожарной службы Харли Оксли: *«Мы обнаружили одно тело и отправили его на криминалистическую экспертизу. Больше пока добавить нечего».*

Журналист: *«Вы можете сказать, как начался пожар?»*

НПС Оксли: *«В настоящий момент мы рассматриваем все возможные причины, но пока ничто не указывает на умышленный поджог».*

Журналист: *«Пламя перекинулось на другие участки леса, и жителей близлежащего микрорайона Делаваль предупредили, что им, возможно, придётся эвакуироваться».*

Тут камера переключилась на нашу улицу, и я увидел на экране себя, глазеющего на пожарного на лестнице. В другое время я бы заорал: «Папа, папа! Меня показывают по телику!» – но не в то утро. В мрачном замешательстве я просто продолжил смотреть репортаж.

«...был окончательно взят под контроль незадолго до рассвета. Территория закрыта, полицейские и пожарные пытаются определить как причину возгорания, так и личность жертвы. Для „Новостей Севера“ – Джейни Калверт из Уитли Бэй».

БУМ-БУМ-БУМ! – заколотили по оконному стеклу, и я вскочил так резко, что пролил молоко на диван.

Это была Рокси.

– Ты ещё в пижаме? – громко возмутилась она, но стекло приглушило её голос. – Через десять минут в гараже. Это очень важно.

Глава 19

С деревьев всё ещё капало после ночного полива, и на земле, превратившейся в мягкую бледную грязь, отпечатались свежие следы. Я полагал, что Рокси уже в гараже, и толкнул дверь. Та легко распахнулась, но внутри никого не было.

И тут через щель в заборе протиснулась Рокси – сначала крошечные ножки, потом взлохмаченная голова.

– Приветики, – сказала Рокси, сразу заметив открытую дверь. – Как тебе удалось войти?

– Было открыто, – ответил я и поднял палец к губам, как бы говоря «шшш». Затем указал на чужие следы на земле. Теперь, приглядевшись, я понял, что они ведут внутрь гаража. Рокси инстинктивно заговорила тише.

– Кто-то был здесь. Думаешь, пожарный? – спросила она.

Я показал на маленькие отпечатки.

– Тогда у него очень изящные ножки.

Рокси издала короткий лающий смешок.

– Отлично, Шерлок! А что с моим ноутбуком?

Я пожал плечами, и она пробралась мимо меня к другой стороне стола, где хранился её ноутбук. И взвизгнула.

Точнее – завизжала.

Для такого маленького тельца это было громко. За визгом последовали ахи:

– Ах-ах-ах! – и затем: – Эйдан!

– Что? – я не знал, как ей помочь, поскольку понятия не имел, почему она начала визжать.

Рокси не отрываясь смотрела под стол, на что-то, чего я не видел.

– Т-т-там... кто-то есть.

Отлично. В такой ситуации мы должны были бы спокойно покинуть помещение-дом-гараж, запереть за собой дверь и вызвать

полицию.

Это было бы разумно. Это то, что следует делать, если вы вдруг обнаружите человека, прячущегося под столом в старой бытовке.

Но я подошёл к столу и, схватившись обеими руками за край, начал наклонять его на себя. Стол повалился, и мы увидели маленькую фигурку, которая свернулась клубком, как испуганный ёж. Она заметно дрожала.

– Что за...

– Какого...

Медленно – так раскрывается молодой листик – фигура подняла голову и распрямила спину. Затем посмотрела на нас, на каждого по очереди.

– Ты! – воскликнули мы с Рокси хором.

Мальчик из лесного дома отчаянно моргал, ослеплённый светом, проникающим в открытую дверь. Он неуклюже поднялся на ноги и сказал:

– Мам... моя ма... моя ма...

Потом замолчал и, моргая, стал переводить взгляд с меня на Рокси и обратно.

Конечно, Рокси первая всё поняла.

– Твоя мама?

Он кивнул.

– Моя мама.

Сглотнув, он снова заморгал.

Глава 20

Последнего моего друга звали Джек МакГонагал. Это из-за него всё изменилось.

Скорее всего, вы не помните 1934 год. Мне он понравился. У меня не было ни телефона, ни холодильника; но их не было у большинства людей. Только-только изобрели телевидение и компьютеры, оставалось ещё больше шестидесяти лет до электронной почты и публичности в Интернете. В которой, кстати, нет ничего хорошего, если вы пытаетесь сохранить что-то в тайне.

К тому времени мы с мамой почти восемьдесят лет прожили в Дубовом хуторе. Мама купила его в 1856 году за триста фунтов

наличными, тогда это было возможно. Купила вполне законно – денег у нас имелось достаточно.

Хутор стоял в стороне, что нас вполне устраивало. Других жилых домов рядом не было. Мы огородничали на небольшом клочке земли, расчищенном от деревьев при постройке дома. У нас были коза Эми и несколько куриц. (Курицам мы не давали имён, потому что иногда съедали их.)

Биффе там нравилось. Перед нами в доме долго никто не жил, и там развелось много мышей. За несколько недель Биффа их переловила.

Мы много читали и – когда его изобрели – слушали радио, которое называли «беспроводным громкоговорителем».

Раз или два в неделю мама ездила в Уитли Бэй на стареньком расшатанном велосипеде. Иногда и я отправлялся за покупками. Я старался не появляться на улице в школьные часы, чтобы никто не подумал, будто я прогуливаю.

В Садах Истбурна была овощная лавка, которая принадлежала семье – мистеру и миссис МакГонагал. Он был длинным и тощим, с большими красными ушами и пронзительными глазками, а она – маленькой и невзрачной. Их сын, Джек, мальчик моего возраста, помогал за прилавком.

В какой-то момент мы с Джеком начали здороваться. Однажды он помог мне поставить на место соскочившую цепь. В благодарность я дал ему прокатиться, и он спросил:

– Где ты живёшь?

– В Хексхаме, – ответил я, следуя нашей с мамой договорённости. – Я гощу у тётки.

Обычно все удовлетворялись таким ответом. Да и вообще нам редко задавали вопросы, поскольку мы почти ни с кем не общались. Хексхам – это город примерно в сорока милях: достаточно близко, чтобы о нём немного знали, и достаточно далеко, чтобы почти не знали его жителей.

– А в школу ты где ходишь? – спросил Джек. Было около четырёх часов вечера, уроки уже закончились.

– В Хексхаме, – ответил я. – На этой неделе наша школа не работает. Местный праздник.

– Круть! – сказал Джек. – Везука!

Вот так оно и было: без лишних вопросов. Джек мне нравился. Я подвёз его до Линкса на багажнике, и мы поиграли, бросая камни в жестяную банку. Джек умел ходить на руках, и когда он начал меня учить, мы хохотали и хохотали. Было весело.

Я уже отвык от друзей, да и Джек казался немного одиноким. Начало темнеть, и мне предстоял обратный путь по неосвещённой дороге (с риском, что меня остановит полицейский, отведёт домой и станет задавать неприятные вопросы). Я сказал Джеку:

– В субботу я снова сюда приеду. Хочешь, встретимся?

Мы встретились. На эстраде наяривал духовой оркестр, мы ели чипсы (которые купил я) и смотрели на белый шатёр Испанского Города^[2]. Джек рассказал мне, как его отец охотился в Канаде на лосей.

Зачем я об этом вспоминаю?

Чтобы вы поняли, как больно мне было, когда мой новый друг Джек – весёлый худенький Джек, с круглыми коленками и в мешковатых шортах – меня предал. Хоть и не по своей вине. Ну то есть не только по своей.

Глава 21

Видите ли, Джек рос, а я нет. С друзьями всегда возникала такая проблема, и я это очень тяжело переживал. Никак не мог привыкнуть.

Через год или два после нашего знакомства Джек начал носить длинные штаны. Ещё через год или два он отрастил небольшие усики и голос его стал низким. До тех пор он считал, что я приезжаю в гости к «тёте» чаще всего по выходным. Иногда я говорил, будто выздоравливаю после таинственных заболеваний и нуждаюсь в целительной близости моря. А ещё были школьные каникулы.

Джек даже приходил в наш домик в лесу. Маме он нравился, но она беспокоилась, поскольку не привыкла так близко общаться с чужими.

– Это закончится плохо, Алве, – предупреждала она.

Я не хотел её слушать – был уверен, что Джек для нас не опасен.

Может, Джеку и казалось странным, что я не становлюсь выше или что у меня на ногах не растут волосы, но он ничего не говорил. Зато его мама вела себя иначе.

– Эх, Альфи Монк, мама тебя не кормит, что ли? – однажды спросила меня в лавке миссис МакГонагал. – Ты посмотри! Плесень на сыре и то быстрее растёт!

– Мам! – сказал Джек, но тоже засмеялся.

Не думаю, что он хотел обидеть меня своим смехом. Но я внутренне задрожал, потому что всё это уже проходил. Подозрение, недоверие, постепенное – иногда резкое – охлаждение к странному мальчику, который не становится старше.

В скором времени я услышал, как они меня обсуждают. Колокольчик в лавке, который звенит, когда покупатель открывает дверь, сломался, и никто не понял, что я вошёл.

Из задней комнаты донёсся голос Джека. Он повторял старую мамину шутку новым, низким голосом.

– ...плесень на сыре растёт быстрее, говорю тебе!

– Не надо, Джек. Нельзя смеяться над убогими. Может, у него для роста чего-то не хватает.

Это был голос девушки, Джин Палмер, за которой Джек начал ухаживать. Я видел её пару раз. Она была симпатичная.

– Альфи не убогий. С ним что-то другое, – сказал Джек. – Он совсем не изменился за пять лет. Пять лет. И ты слышала, как он говорит? Утверждает, будто он из Хексхама. Но я знаю Хексхам. Там говорят иначе.

Я перебрался от прилавка к сложенным коробкам и скорчился за ними. Я не хотел, чтобы кто-то, выйдя, обнаружил, что я подслушиваю.

– Ну да, разговаривает он странно, согласна, – сказала Джин Палмер, – но он мне нравится.

– С ним что-то не так, Джин. И с его тётей тоже. Она не смотрит в глаза, когда с тобой разговаривает. Живёт в лесу одна, с козой, подумать только! Старуха Лиззи Ричардсон говорила маме, что много лет назад они встречались в Норд-Шилдсе. И тогда у неё был сын, которого тоже звали Альфи. Не подозрительно, а?

– Лиззи Ричардсон? Да ей за восемьдесят.

– Вот и я об этом, Джин. Значит, если миссис Ричардсон знала её в Норд-Шилдсе, то миссис Монк сейчас шестьдесят с лишним, не меньше.

– Для такого возраста она хорошо выглядит, скажу я вам.

Тут в лавку вошёл покупатель и закричал:

– Эй! Продавец!

Я незаметно выскользнул и, опечаленный, поехал домой.

Вот так оно происходило – постоянно, снова и снова, хотя в тот раз всё случилось быстрее, чем обычно.

Видите ли, так не бывает: чтобы ты не становился старше, а никто бы этого не замечал. Люди болтают, люди сплетничают. Тебе может сходить это с рук гораздо дольше, чем ты ожидаешь; но в конце концов люди всегда ведут себя как... как люди.

У них были причины для подозрений. А мы с мамой ещё больше всё запутывали. Племянник я или сын? Мама говорила всем, что её собственная мать тоже жила в этом доме.

Старики вроде Лиззи Ричардсон – с хорошей памятью – однажды умирают и забирают свои воспоминания с собой. Живые решают, что это были измышления дряхлого мозга. Ведь в такое и правда невозможно поверить.

Но нельзя обманывать всех и всегда.

Глава 22

В 1939 году Джеку исполнилось шестнадцать. Он превратился в высокого парня с кривой улыбкой. На шестнадцатый день рождения, понимая ожидания Джека, я купил ему пачку сигарет. Он хотел меня угостить, но я ещё год назад попробовал табак и знал, что такое мне не по вкусу. Услышав моё «нет», Джек усмехнулся.

Однажды летом я зашёл в лавку в Садах Истбурна. С подслушанного в задней комнате разговора прошло уже несколько недель. Миссис МакГонагал покачала головой.

– Джека нет дома, сынок. Он в последнее время очень занят. Много помогает в лавке и поэтому не может выходить.

«Где же правда? – подумал я. – Его нет дома, или он не может выйти?»

Было ясно, что она лжёт.

– Может... я завтра зайду?

– Нет, сынок. Думаю, лучше не надо. Говорю же, он очень занят в лавке.

– В-вы скажете ему, что я приходил?

– Ну да.

И она переключилось на другого покупателя.

– Мистер Аберкромби. Как ваша крошка Квини? Вы слышали новости про мистера Гитлера? Вскоре будет об этом передача.

Затем я услышал девичье хихиканье из задней комнаты. Дверь в неё была закрыта, но не плотно, и оттуда доносился шум. И запах сигарет.

Я, как и вы теперь, конечно, догадался, что смеялись надо мной. Джек и Джин смеялись, а я всё понял.

Он не хотел показываться на улице в обществе мальчика, которому на вид было одиннадцать. Мальчика, которого не пускали на танцы, мальчика, который не курил, мальчика, которого не интересовали девочки, который... ну, был ещё мальчиком. Станным мальчиком. Таким мальчиком был я. Это и сейчас я.

Я проглотил комок и глубоко вздохнул. Так уже бывало, но я всё равно злился.

Потом, когда я уже был на улице, Джек и Джин вышли из лавки и разошлись в разные стороны.

Я смотрел, как Джек идёт по улице, и мои щёки горели от стыда. Забыв о столетиях, проведённых в тени, и привычке не поднимать шума, я побежал за ним.

– Эй! – закричал я. – Эй, Джек!

Он обернулся.

– О! Привет, Альфи, – и покраснел.

Что тут можно было сказать? Я не нашёл нужных слов. Мгновение мы стояли лицом к лицу: я, мальчик в коротких шортах, и юноша. Джек втянул в себя сигаретный дым и взглянул на меня сверху вниз. С высоты своего роста. Притворяться было бессмысленно.

– Я слышал, что ты сказал Джин. Несколько недель назад. Будто со мной не всё в порядке.

– Э... Хм-м...

Он пожевал нижнюю губу, посмотрел на меня и выпустил дым изо рта.

– Я думал, ты мне друг.

– Друг, Альфи, друг, только...

Джек отвёл глаза. Он смутился, но мне было всё равно.

– Может, сядем?

Рядом была низенькая стенка, и мы сели на неё. Джек прежде расстегнул пуговицу куртки и поддёрнул брюки у колен. Это было так... по-взрослому.

– Дело в том, Альфи... – он замолчал.

Наверное, он сам себя не понимал. Я прервал паузу.

– Я тебя смутил – так, что ли?

Поколебавшись немного, Джек ответил:

– Нет, Альфи!

Но колебания выдали его. Они рассказали всё, что мне нужно было знать. От избытка эмоций у меня перехватило дыхание.

– Мне, между прочим, не обязательно оставаться таким! – сказал я и продолжил ещё громче. – Я могу всё повернуть вспять!

– Ты можешь всё повернуть вспять? Что повернуть?

Я и так уже сказал больше, чем собирался, поэтому, весь дрожа, замолчал.

– Слушай, Альфи, – Джек поднялся. – Ты хороший парень. Ты был хорошим другом. Но... знаешь, люди меняются.

Он раздавил ногой окурок.

Это был конец. Джек отвернулся и пошёл к Садам Истбурна, а я снова попытался проглотить застрявший в горле ком.

Глава 23

Маме я ничего не рассказал: она бы только расстроилась. Вечером я подоил Эми и, как обычно, перевернул сыры в маленькой кладовке. Всё это время в горле у меня стоял комок, от которого я никак не мог избавиться.

Мы с мамой слушали беспроводной громкоговоритель. Мистер Чемберлен, премьер-министр, объявил, что мы снова находимся в состоянии войны с Германией. Нам же казалось, что предыдущая война с Германией закончилась только вчера.

Наконец я заплакал. Сидя у огня, я вдруг почувствовал, как большая слеза скатилась по моей щеке. Рыдания вырвались из груди, как вода врывается в разбитый корабль.

Мама подумала – я плачу из-за войны. Но причина была другая. Я мечтал – как и бессчётное количество раз прежде – о том, что мог бы

повзрослеть, стать похожим на Джека и остальных ребят, которых я знал и которые выросли.

Прочла ли мама мои мысли? Кажется, иногда ей это удавалось. Она встала, подошла ко мне и, сев на подлокотник кресла, стала гладить меня по спине. Я, как и обычно, нащупал пальцами два шрамика на её плече. Она запела тихую жалостливую песню. Слова были на старом языке, который мы оба знали. Дрожащий мамин голос усугубил мою печаль, и я разрыдался, прижавшись к ней, как ребёнок.

Я думал, что больше не увижу Джека МакГонагала, что новая война уничтожит весь мир.

Но я ошибся по обоим пунктам.

Глава 24

Мы с мамой видели много войн, но эта отличалась от остальных. Раньше поле боя к нам не приближалось. Баталии вели солдаты или моряки, а мы никак в этом не участвовали. Ближе всего к военным действиям я оказался, когда викинги заплыли в устье Тайн и нам пришлось бежать.

Тогда мы с мамой проезжали мимо огромных полей, на которых всего несколько недель назад разразилась битва. Там пахло войной и лежали непогребенные воины.

Но на этой войне бомбы поменяли всё. Теперь враги пришли прямо к нам, и война превратилась в одну непрерывную битву. В 1940 и 1941 годах германские самолёты часто летали над нами. Обычно это было по ночам, иногда – днём.

Бомбили заводы в Ньюкасле, судостроительные верфи в Уолсенде или в Норд-Шилдсе. Но бомбы часто попадали не туда. Однажды мама пришла из магазина и тяжело опустилась на стул в задней комнате.

– Говорят, почти сто человек. Они прятались от бомбёжки. И бомба угодила в их убежище. Мистер МакГонагал из магазина тоже был там.

Бедный Джек. Его отец.

(По точным подсчётам, от одной-единственной бомбы, попавшей в лимонадную фабрику в Норд-Шилдсе, под которой находилось бомбоубежище, погибло сто семь человек.)

Перед войной я боялся, что про нас с мамой поползут слухи. Достаточно было чьей-то болтовни. Но когда военные месяцы

превратились в годы, мы поняли – как неоднократно понимали раньше, – что в это время не слишком трудно оставаться незаметными.

Если вести себя тихо и не создавать проблем, власти не будут обращать на тебя внимание. У них есть другие дела, особенно когда идёт война. Женщина и её племянник, которые никому не мешают, не имеют для них значения.

Так что год или даже больше мы оставались на одном месте. На продукты ввели карточки, и чтобы получить их, нам нужно было заполнить анкеты. Мама хорошо умела это делать: у нас имелись свидетельства о рождении и другие официальные документы, способные убедить почти любого.

Благодаря курятнику мы ели много яиц, мясо же достать было очень трудно. Но иногда мы всё-таки лакомились курятиной: когда птицы переставали нестись, мы их убивали. Обычно это приходилось делать мне.

Именно за таким занятием меня застал Джек, одетый в форму. Правда, не солдатскую – он ещё был слишком молод. Джек стал констеблем военного резерва, относящегося к полиции.

Форма констебля военного резерва выглядела точь-в-точь как полицейская. На Джеке она сидела плохо: рукава доходили до костяшек пальцев, а брюки не прикрывали резинку носков. Но, надо сказать, Джек своей формой очень гордился.

Я не видел его больше года. Он стал ещё выше и выглядел взрослее, чем раньше. Ему было почти восемнадцать, и я ощутил знакомый укол в сердце, который часто испытывал, видя, как мой знакомый вырос и оставил меня позади.

Джек был весел – и даже самоуверен, – когда зашёл на задний двор, где я отлавливал старую курицу.

– Доброе утро! – сказал он.

Мама обернулась первой и увидела его форму и оловянную каску.

– Здравствуй, Джек, солнышко, – ответила она, хотя в её голосе прозвучала озабоченность. – О! Какая у тебя форма! Он так вырос, правда, Альфи?

Я согласно хмыкнул. Встреча с ним меня не обрадовала. Но мама очень хорошо изображала радушную хозяйку.

– Ты приехал на велосипеде? Водички налить?

– Да, пожалуйста, миссис Монк.

Джек старался на меня не смотреть, и я знал, что это неспроста. Он вёл себя чересчур официально.

– Можешь снять свою оловянную каску. Не думаю, что мистер Гитлер будет нас сегодня бомбить.

Мы сидели на заднем дворе и смотрели на плотные заросли деревьев на холме. Джек пил воду, украдкой поглядывая на меня. Напряжённое молчание затянулось, и мама заговорила.

– Что привело тебя сюда, Джек? Ты зашёл просто так? Мы давно тебя не видели.

По маминому тону я понял: она опасается подвоха.

– Ну, собственно говоря, миссис Монк...

В этот момент я напрягся. Никто не использует выражение «собственно говоря» перед сообщением хороших новостей.

– ...собственно говоря, у меня имеются вопросы официального свойства. Вы позволите?

Мама всегда говорила, что форма делает человека лучше или хуже, но прежним он не остаётся. Джек повернулся ко мне и вытащил блокнот из кармана своей слишком большой куртки.

– Сколько тебе лет, Альфи?

И началось: вопросы ко мне, к маме, как долго мы здесь жили, почему официальные сведения (к каковым, по его словам, он получил доступ) не соответствуют нашим ответам.

Мама хранила спокойствие.

– Думаю, это просто неточность в записях, Джек, солнышко. Ты же знаешь, у Альфи дефицит роста. Синдром Маркандеи третьего типа.

Это была ложь, и она хорошо срабатывала в прошлом. Таинственная болезнь, которой «страдали члены нашей семьи», объясняла мою странную внешность. Но с Джеком это не прошло.

– А, да, помню, вы говорили, миссис Монк. Я консультировался с доктором Мензисом из Уитли Бэй, и он сказал, что не знает такой болезни.

– Ну, болезнь редкая, – сказал я, но это прозвучало не убедительно, а так, словно я оправдываюсь.

Джек не удостоил меня вниманием. Тут курица, которую я ловил, когда он явился, подошла ко мне близко и начала клевать землю. Быстрым движением правой руки я схватил её за шею.

– За ноги бери, – прикрикнул я на Джека, держа хлопающую крыльями птицу. – Давай, быстро!

Джек суетился рядом, робко пытаюсь удерживать дёргающиеся ноги курицы.

– Давай, держи крепко и тяни на себя.

Когда он послушался, я резко дёрнул куриную голову и почувствовал, как что-то щёлкнуло. Птица сникла. Её крылья ещё раз вздрогнули и замерли. Всё это заняло несколько секунд.

– Она... она мёртвая? – Джек побледнел и слегка дрожал.

«Не дай бог ему придётся когда-нибудь сражаться», – подумал я и сказал:

– Надеюсь. Мы собираемся её съесть.

Подошла мама, взяла у меня мёртвую птицу и положила её в перевёрнутую каску Джека.

– Нет, Альфи. Это Джеку. Отнеси её домой, маме, солнышко. И приходи через месяц, будет ещё одна, а? Только... не беспокойся больше из-за этих ошибок, ладно? Так часто случается. Я уверена, у констебля военного резерва есть дела поважнее.

Она смахнула куриное пёрышко с плеча Джека и похлопала его по груди.

Потом Джек поехал обратно. На локте его, словно корзина для покупок, висела перевёрнутая каска. А в ней лежала мёртвая курица.

– Это война, Алве, – сказала мама, качая головой, когда Джек уехал. – Она делает странные вещи с людьми. Можно подумать, у нас мало проблем из-за Гитлера.

Следующие полгода Джек появлялся регулярно. Он всегда заходил на задний двор, а один раз мама застала его в доме, где он разглядывал содержимое книжных шкафов. Много лет спустя мы обнаружили, что одна из книг Диккенса с автографом – «Сказка о двух городах» – пропала. Мы решили, что её взял Джек, но проверить этого не могли.

– Он что-то вынюхивает, – сказала мама. – Что-то ищет.

Каждый раз мы давали ему курицу, пока их не осталось всего три.

Тогда он перестал приходить. Мама слышала, что его призвали на военную службу в авиацию и послали на тренировочную базу в Шотландию.

Мы много лет не видели Джека.

Но затем я встретил его сына.

Глава 25

Шёл 1962 год, и воспоминания о войне, погубившей столько людей и вызвавшей столько страданий во всём мире, начали таять.

Прошло больше двадцати лет с нашего последнего разговора с Джеком МакГонагалом. Магазин в Садах Истбурна перешёл в другие руки, и миссис МакГонагал – как говорила мама – уехала из города. Но однажды я увидел Джека на пляже.

Начиналось лето. Пока не было возможности отдохнуть за границей, пляж в Уитли заполнялся и теми, кто приезжал на один день, и работниками судостроительных заводов Шотландии, проводившими здесь отпуск.

Маме нравились переполненные пляжи. Тридцать минут по лесной тропинке, затем по дороге – и мы оказывались в прибрежной полосе, ведущей к маяку. На песке трудно было найти место, чтобы постелить покрывало. Мама сшила себе блузку с короткими рукавами, а мне в тот день доделала шорты из рыжего вельвета с глубокими карманами.

Мы сидели на пляже в тёмных очках и прекрасно смешивались с толпой. Мама называла это «спрятаться у всех на виду». Я читал книгу, которую взял в библиотеке. Мы ели сэндвичи, плескались в море, и мама смеялась, когда я на неё брызгал. После купания ко мне подошёл мужчина.

– Эй, сынок, нам не хватает вратаря. Не хочешь постоять на воротах?

Он смотрел очень приветливо. Штаны у него были закатаны выше колен. Мужчина указывал на отдалённый участок пляжа, где было меньше народу. Там компания из мальчиков и двух пап размечала на песке маленькое футбольное поле.

– О, я не думаю... – начала мама.

– Да! – сказал я и, прежде чем мама успела хоть что-то возразить, пошёл за мужчиной к той компании.

Я сказал ему своё имя, и он представил меня остальным:

– Это Альфи.

Они кивнули и сказали:

– Привет, Альфи, давай.

Игра была короткой и жёсткой. Наша команда («одетые») осталась в рубашках, вторая команда («голые») играла с обнажёнными торсами.

Мальчики постоянно падали в мягкий песок, чаще всего благодаря скорости и силе самого большого игрока «голых». Этот крепкий мускулистый парень лет двенадцати легко пробивался к моим воротам. Я пропускал и пропускал мячи.

Один папа сделал слабую попытку побыть судьёй. Но всё, что я слышал от него, было: «Ох, ну же, Джон. Согласись, это не спортивно?» – после того, как Джон локтем ударил по горлу самого маленького члена команды «одетых». Папа назначил штрафной удар, но Джон проигнорировал его и продолжил игру.

Когда он снова направился ко мне с мячом, я твёрдо решил не пропустить этот гол.

«Самое плохое, что может случиться, – подумал я за секунду до того, как нырнул ему под ноги, – он меня ударит, но я буду героем».

Джон остановился на секунду, готовясь забить гол, а я нырнул ему под ноги головой вниз и выхватил мяч. Я не видел, как Джон перелетел через меня, но слышал удар, с которым он упал на песок, и через мгновение – вопль боли.

– Грубая игра! Это нарушение! – закричали мальчики.

– Нет нарушения! Он поймал мяч!

Я встал на ноги, оглянулся и увидел совсем рядом лицо Джона. Оно было красным от ярости.

– Ты сломал мне чёртово запястье! – орал Джон, размахивая рукой так, что было ясно: она точно не сломана. Затем он с хрипом прочистил горло и харкнул прямо мне в лицо.

Папа, который судья, уже бежал к нам.

– Эй, эй, это слишком, Джон МакГонагал. Где твой отец?

Он стоял на прочерченной в песке боковой линии – Джек МакГонагал, который смотрел на меня, на своего сына и снова на меня. За прошедшие двадцать лет он почти не изменился. По-прежнему худой, копна чёрных волос ещё не тронута сединой.

На мгновение мы впились друг в друга глазами. И когда он шагнул на песчаное поле, я уже медленно двигался прочь.

До меня донёсся голос Джона:

– Ты труп, кто бы ты ни был. Я найду тебя и сотру в порошок.

Джек позвал:

– Альфи?

Но я, не оборачиваясь, убежал – обратно в толпу загорающих, к маме и безопасности. День был испорчен. Немного позже сгустились облака, и это дало мне повод предложить пойти домой, не рассказывая о встрече с Джеком и Джоном МакГонагалами. Мама бы только разволновалась.

И, как выяснилось, причина волноваться имелась. Когда мы подошли к нашему повороту, Джон уже стоял там.

Глава 26

С ним были два мальчика постарше. Все трое сидели рядом с дорожкой, на стволе вывернутого из земли дерева.

Я бы не прожил так долго, если бы не научился предчувствовать большие неприятности – особенно те, что сидят на стволе в тридцати футах от меня.

Большим неприятностям, например, без разницы, есть ли рядом взрослые. Это стало ясно, когда Джон МакГонагал попросту не обратил внимание на судью во время игры. И когда он громко ругался при людях.

Присутствие моей мамы никак не помешало бы Джону избить меня. Ему просто было на это наплевать.

– Мама, зови полицию, – пробормотал я.

– Полицию? – ахнула она. – Что это за мальчики?

– Это неприятности, мам. Давай.

Она повернулась и пошла обратно к дороге. Там стояла телефонная будка.

Желая оставаться незаметными, мы по возможности избегали общения с официальными лицами.

Попросив маму вызвать полицию, я сразу пожалел об этом. Мне надо было смиренно принять побои, и тогда никто не вмешался бы в нашу жизнь.

За прошедшую тысячу лет я ни разу не искал драки. Но что, если кто-то пришёл ко мне сам?

Современные мальчики не учатся драться. И хорошо, наверное. Если люди не умеют драться, они реже это делают. Что само по себе уже неплохо.

А я? Я учился. Не раз обучался боевому искусству.

Меня учил биться короткой деревянной палкой лучший боец Арагона. Он сказал, что это самое благородное оружие, ибо оно не допускает обмана.

Я услышал его голос из глубины веков, когда мальчики медленно поднялись на ноги.

– Что, мамаша твоя сбежала? – спросил самый крупный из них.

На вид ему было лет пятнадцать.

– Она пошла вызывать полицию, – ответил я.

Они усмехнулись.

– Не волнуйся. Мы покончим с тобой задолго до того, как явятся пасечники.

Они медленно, угрожающе приближались. Джон, который был меньше остальных, шёл посередине. Я не шевелился, пока они не оказались в четырёх ярдах.

– Что такое, пацан? Так и будешь стоять, да?

Джон сделал ещё шаг, и тут я начал двигаться. Присел на корточки, правой рукой схватил пригоршню мелких камней и бросил ему в лицо.

Должен сказать, бросаю я метко.

Наёмник Рафель заставлял меня усердно тренировать броски. Камни попали в цель, и Джон взвыл – один из них угодил ему между глаз.

Два других хулигана отвлеклись, и, прежде чем подняться, я схватил толстую ветку. Она была не такой прямой, как мне бы хотелось, но зато – нужной длины и веса: около пяти футов и достаточно тяжёлой, чтобы для её удерживания требовалось небольшое усилие.

«Если тебе легко, ему не больно», – прозвучал у меня в голове голос Рафеля.

Схватив ветку обеими руками, я размахнулся и ударил мальчика справа от Джона. С приятным треском она врезалась ему в колено. Мальчик заорал от боли и отступил.

«Сначала колени, это их замедлит!»

Джон всё ещё тёр глаза, и я изо всей силы ткнул его в живот концом ветки. Он не заметил её приближения и согнулся пополам с криком боли и хрипом.

И тут громила, который стоял слева от Джона, подошёл ко мне и ударил ногой в голень. Было чертовски больно. Я взмахнул веткой, но он уклонился от удара. Я понял, что с этим парнем будут сложности.

«Если придётся драться с несколькими, начни с сильнейшего, пока не растратил силы...»

Мальчик снова двинулся вперёд. Я взял дубину на изготовку и встал, распределив вес поровну на обе ноги. Потом сделал вид, что замахваюсь, и, когда он для защиты поднял руки, поменял

направление и со всей силы ударил сбоку по груди, выбив из мальчика весь воздух.

«Теперь заканчивай свою работу, Альфи», – сказал Рафель.

Дубина отскочила от противника. Я слегка приподнял её и, вложив всю силу, вlepил хулигану деревяшкой по голове. Он потерял сознание и упал на землю, вывалив язык.

У меня не было времени восхищаться содеянным, поскольку Джон и второй парень уже шли на меня. Парень замахнулся кулаком, а я, поставив блок палкой, ударил его в живот. Он отлетел в заросли крапивы и взвыл.

Остался только Джон. Он был намного больше меня и смотрел с ненавистью. А моя старая сухая ветка надломилась – я слышал, как она хрустнула. Я взмахнул веткой, целясь Джону в бедро. Тот увернулся, и ветка, скользя по бедру, сломалась. Я швырнул в него обломок, промазал, и он загоготал.

– Отлично, придурок! Посмотрим, как тебе это понравится.

Не сводя с меня глаз, он наклонился, поднял один из обломков и пошёл ко мне. Против него я был бессилен. Джон замахнулся, а я лишь поднял руки, защищаясь.

И тут мелькнуло нечто чёрно-белое. Я услышал нечеловеческий, высокий визг, а затем – дикий крик Джона.

– А-а-а, убери это! О! А-а-а!

Он отбросил палку и всеми силами старался оторвать от себя Биффу, которая вцепилась когтями ему в голову. Она мяукала, рычала и царапалась, а Джон МакГонагал скакал как ошпаренный, махал руками и орал от боли. Наконец ему удалось сбросить Биффу. Она стояла перед ним, выгнув дугой спину, шипя и плюясь, как кипящий чайник.

– Ты больной, вот кто! Придурок! Чёртов психопат! – кричал Джон, отступая к дороге.

– Тогда убирайся, – я показал на одного из дружков, уже отбежавшего на безопасное расстояние. – Не пора ли присоединиться к нему? Проваливайте, все вы! Не люблю, когда всякая дрянь болтается под ногами.

Джон помог встать своему приятелю, и они пошагали прочь.

– Молодец, Биффа! – пробормотал я, но кошка меня не слушала.

Она пошла на мальчиков, и те пустились наутёк.

Я чувствовал себя победителем. Правда. Именно так. Но я знал, что это не конец.

До конца ещё было далеко.

«В реальной жизни, Альфи, их надо добивать. Иначе они придут за добавкой».

Рафель жил в семнадцатом веке. С тех пор времена изменились.

Глава 27

На следующий день приехала полиция – расследовать избиеение троих малолетних.

Я сказал – полиция. Но это был просто молоденький полицейский на велосипеде. (Форма немного изменилась, однако он всё же напомнил мне Джека в костюме констебля военного резерва.)

Мы с мамой были шапочно знакомы с предыдущим полицейским – дородным нелюбопытным человеком с неправдоподобным именем констебль Сарджент. Он поверил маминым заверениям в том, что я приехал в гости из Хексхама и что у меня нарушение роста. Мы его не интересовали, пока от нас не было проблем, а их не было.

Новый констебль, Армитаж, задавал слишком много вопросов и слишком всем интересовался. Мы сидели на заднем дворе – мама, я и он. Коза Эми (которую мы взяли вместо прежней Эми) бляела, куры разгуливали вокруг. Констебль чувствовал себя неловко: что взять с городского жителя. Он даже вздрогнул, когда Биффа потёрлась о его ногу. Армитаж снял свою заострённую каску, обнажив блестящую лысую голову. А было ему только двадцать пять.

– Сколько тебе лет, сынок?

Все ответы он записывал в маленький блокнот.

– Когда ты родился?

– Ходишь ли в школу?

– Как давно ты здесь живёшь?

– Расскажи мне, что произошло вчера.

Я изложил ему заранее заготовленное враньё. Мне четырнадцать, и я закончил школу. В то время в четырнадцать лет это было возможно.

– Ты маловат для четырнадцатилетнего, а? – сказал он.

Я пожал плечами.

– А что была за драка?

Я рассказал ему правду.

– Так получается, ты был один против троих?

Я кивнул, ничего не сказав про Биффу.

Кажется, полицейский был впечатлён.

– Ты знаешь, что один из них попал в больницу? Трещина в колене.

Я снова пожал плечами.

Ему не о чем было больше спрашивать. Однако удовлетворения он не ощущал. Я понял это по тому, как он смотрел на наш двор, на маму, на меня, и по его словам:

– Здесь есть нечто, не видимое глазам.

Поверьте, я прожил достаточно, чтобы научиться распознавать этот взгляд. Мама тоже его узнала. Такой взгляд всегда означал: будут ещё вопросы.

Иногда официальные лица решали: что-то здесь не так. И начинали копать. Когда это случалось, мы с мамой на некоторое время уезжали.

Так вышло и в тот раз. Через неделю маму уже допрашивала дама из местного отдела образования, а я тем временем прятался наверху. Потом приходили полицейский с каким-то офицером и люди из местного совета по социальному обеспечению.

Но через шесть недель любой, кто явился бы уточнить мой возраст, или отношение к школе, или ещё что-нибудь, обнаружил бы старый запертый дом с закрытыми ставнями. Таким дом и оставался почти тридцать лет.

Затем мы вернулись, и всё пошло прекрасно. Честное слово, именно так: прекрасно. По другую сторону леса, рядом с полем для гольфа, построили жилой район. Летом в Уитли Бэй стало спокойнее – люди начали ездить на отдых в Испанию. Но в целом народу прибавилось, и, кажется, у каждого появилась машина с мотором. Тем не менее нас никто не беспокоил, кроме той девчонки, которая любила всюду совать свой нос. Впрочем, её поведение нельзя было назвать «беспокойством».

А затем... случился пожар, и я узнал, впервые в жизни, каково это – быть абсолютно одиноким.

Глава 28

Мальчик из затерянного лесного домика смотрел на нас круглыми глазами. Он был бледным и испуганным. Стол, который я опрокинул, лежал на боку между нами.

– Я... простите... мне ужасно нужно было где-то спрятаться, – сказал мальчик. – Пожар.

Он быстро задышал и заморгал, словно показывая нам, как плохо действует на него слово «пожар».

Я стоял рядом с Рокси, глядя на это грязное, покрытое копотью, мокрое и дрожащее существо. Непрерывно моргая, мальчик съёжился на коленках возле перевернутого стола. Одна его рука сжимала другую, губы двигались, выбрасывая ошмётки слов, на верхней губе блестели сопли. Зрелище было более чем жалкое.

Рокси заговорила первой.

– Всё нормально. Мы ничего тебе не сделаем.

Слова её повисли в воздухе, а мальчик по-прежнему смотрел на нас. Время от времени с его губ срывались стоны.

– Мо... мам... я... ма... – начал он опять, задыхаясь после каждой гласной.

Рокси села на корточки, чтобы оказаться прямо перед ним. Я последовал её примеру. Она осторожно протянула руку и дотронулась до плеча мальчика. Затем опустила голову и заглянула ему в лицо.

– Ал-ву? – спросила она, а мальчик всхлипнул и кивнул.

Я резко повернулся к Рокси.

– Это твоё имя? Ал-ву? Он снова кивнул.

– Моё... старое имя. А. Л. В. Е. Обычно я... Альфи. Альфи – хорошо.

– Ладно, Альфи. Давай-ка сядь.

Рокси пристально смотрела на мальчика и говорила с исключительной мягкостью и терпением. Она следила за каждым его движением.

По-прежнему прижимая к груди одну руку, мальчик медленно поднялся на ноги. Он доплёлся до дивана из дерматина и сел. Рокси устроилась рядом – так, чтобы видеть мальчика. Я же поставил на место стол и уселся на него.

– Можно взглянуть, что у тебя с рукой? – спросила Рокси и осторожно приподняла вторую руку мальчика. – Болит?

Похоже, болело мучительно. Правый рукав был разорван, и под ним виднелось обожжённое предплечье с глубокими красными рубцами от запястья до локтя и шелушащейся кожей. Мы с Рокси шумно выдохнули.

– Брат, тебе нужен врач, – сказал я.

Сказал не грубо, но мои первые слова, обращённые к нему, оказались неверными. Он посмотрел на меня.

– Нет. Точно нет. Ни при каких обстоятельствах.

Я понял, что он сказал. Это прозвучало достаточно выразительно. Но выражение «ни при каких обстоятельствах» резануло. Слишком уж оно было необычным для ребёнка. Мальчик выглядел не старше нас.

– Но как же, Альфи, – вмешалась Рокси (назвав его по имени – по мне, очень умный ход), – ты сильно обжёгся. Рана может... ну не знаю... загноиться или вроде того.

– Видишь? Ты не уверена, правда?

В его словах был оттенок не то чтобы агрессии – скорее самоуверенности.

– Никаких врачей.

Он поглубже уселся на диван, и на его лицо вернулось прежнее страдальческое выражение.

– Просто... оставьте меня в покое. Со мной всё будет в порядке. И никому ни слова. Со мной всё будет в порядке.

Нет, не будет. Мы понимали: «всё будет в порядке» говорит человек, с которым всё будет не в порядке.

– Что случилось, Алве? Альфи? Там, в огне?

Я подумал, что было бы неплохо его разговорить. Но Рокси затрясла головой, давая понять: ты делаешь не то.

– Послушай меня, Альфи, – сказала она. – Первое, что тебе надо сделать – это вымыться и согреться. Ты дрожишь. Для начала промоем рану. Затем дадим тебе одежду. И может быть, всё образуется.

Рокси внимательно осмотрела рану, касаясь краёв кончиками пальцев.

– Здесь больно? – спросила она, и мальчик сморщился в ответ. – Твой отец дома, Эйдан?

Рокси повернулась ко мне.

– НЕТ! – заявил Альфи.

Его испачканное сажей лицо искажил ужас. Он посмотрел на дверь и попытался встать.

– Всё хорошо, Альфи. Сядь. Можешь нам доверять. Мы никому о тебе не расскажем, если ты не захочешь.

Она повернулась ко мне.

– Тебе надо пробраться домой. Встань рядом с Эйданом, Альфи.

У Рокси проявились такие командирские замашки, что Альфи по её команде тут же встал.

– Хм-м. Эйдан, у тебя сохранилась старая одежда? Ну, знаешь, всякое барахло, из которого ты вырос?

– Нет. Мы всё выбросили во время переезда.

– А твоя сестра?

Либби была примерно одного роста с этим странным грязным мальчиком, стоящим между нами.

– Я посмотрю, что у неё есть. Но одежда может быть розового цвета – ты не против?

Если Альфи и был против, на его лице это не отразилось. На его лице почти ничего не отражалось. Он откинулся на спинку дивана рядом с Рокси и снова начал дрожать, шевеля губами. Ситуация явно осложнялась.

Рокси встала и показала глазами на дверь. Я вышел вслед за ней.

На улице мы отошли от двери на несколько метров.

– Классические признаки, – сказала Рокси. – ПТСР.

– Что?

– Посттравматическое стрессовое расстройство. Он видел, как сгорел его дом. Возможно, видел, как в огне погибла его мать. Слишком много впечатлений, и отсюда... ты понимаешь.

– Странное поведение.

– Ну да. Ему нужно помочь, но сначала Альфи должен довериться нам. Иначе при первом удобном случае он сбежит.

– Откуда ты всё это знаешь? – спросил я.

Прозвучало колко, но её поведение произвело на меня впечатление.

Она пожала плечами.

– Читала много. Теперь иди и раздобудь чистую одежду. Принеси её к моему дому, я тебя встречу. Мама сейчас в своей комнате, работает. Скорее всего, она надела наушники.

– Надеюсь.

Я ещё не забыл её свирепую мамашу.
Рокси метнула в меня испепеляющий взгляд.
– Моя мама – отличная. Она просто...
– Испугалась?
– Рассердилась.
– Испугалась и рассердилась.
– Не важно. Ты должен помочь Альфи помыться. Залезть в ванну, вылезти, вытереться и всё такое.
– Я?
Мне хотелось произнести это нормальным голосом, но получилось какое-то кваканье.
Испепеляющий взгляд вернулся.
– Да, ты. Потому что ты мальчик. Вряд ли он жаждет появиться голым передо мной.
Я тут же решил: если когда-нибудь окажусь в трудной ситуации, то захочу, чтобы её разруливала одиннадцатилетняя Рокси Минто.
И, заглядывая в будущее, скажу: это было мудрое решение.

Глава 29

Меньше чем через час мы снова сидели в гараже. Обнаружилось следующее:

1. Терпение отца истощалось, поскольку я пренебрегал своими домашними обязанностями. Когда я, прокравшись через заднюю дверь, пытался незаметно подняться в комнату Либби, он разбирал малярные кисти внизу. И позвал меня. «Где ты шляется, солнце моё? – он говорил „солнце моё“, только когда сердился. – Мне нужна помощь: надо сделать здесь уборку». Я пообещал, что помогу ему позже, и смылся. Будучи ограниченным во времени, я не мог долго выбирать одежду для Альфи.

2. Мама Рокси занимала нижнюю комнату – ей было сложно подниматься по лестнице. Я решил: потом спрошу у Рокси, что не так с её мамой. (Как правильно говорить? Что не так? Или нечто вроде: «В чём причина нарушения её здоровья?»)

Без понятия. У меня сложилось впечатление, что маму Рокси очень легко вывести из себя.)

3. Альфи – мальчик. Я хочу сказать, он ещё не взрослый. (Это легко определить, когда ты помогаешь голом/ человеку в ванной.) Решив, что он примерно моего возраста, я спросил: «Друг, тебе сколько лет?» Но Альфи не ответил. За время купания он не произнёс ни слова. Я мыл ему голову, а он держал руку над водой.

4. На второй руке Альфи обнаружили два маленьких шрама, каждый сантиметров по пять, вместе похожих на знак равенства. Я не стал о них спрашивать.

5. Я видел у него татуировку! В одиннадцать-то лет! На спине, между лопаток. Квадратный крест, размытый и большой, с трудно различимым узором. Похожую сделал себе дедушка Линклейтер, когда много лет назад служил во флоте. Она такая же потёртая и расплывшаяся.

Когда Альфи вылез из ванны, я помог ему вытереться. Потом дал свои трусы. Они оказались великоваты, но всё же это было лучше, чем панталончики Либби. Её джинсы подошли хорошо, правда, на обеих штанинах вдоль бокового шва блестели стразы. Но Альфи ничего не сказал. Он надел чёрную футболку, а бледно-голубой кардиган, который я принял за свитер, не смог – из-за руки. Пара полосатых резиновых сапожек Либби завершила образ, совершенно нелепый по любым стандартам.

Может, Альфи это и не нравилось, но он ничего не сказал.

Когда мы вернулись в гараж, Рокси подготовила бинты, марлю, которую подкладывают под них, мазь в тубике, вату и чистую воду. Как самая настоящая медсестра она промыла обожжённую руку Альфи. Смазала её мазью, делая паузы, когда мальчик кусал губы от боли. Затем забинтовала руку, не слишком туго, и закрепила бинт английской булавкой.

После Рокси принесла яблоки. Альфи съел три, одно за другим, с огрызком и семечками, дочиста.

В конце концов он прошептал: «Спасибо», а потом – без видимой причины – бурно разрыдался. Всё, что мы с Рокси могли сделать, это

сесть рядом.

Рокси обняла его, сказала: «Шшш», как сделала бы мама, и погладила по голове.

Он плакал и плакал. Так летняя гроза вдруг ослабевает на несколько минут, а потом возвращается с ещё большей силой. Потом Рокси тоже заплакала, и в какой-то момент я подумал, что расклеюсь вместе с ними.

Однако со временем рыдания иссякли, и Альфи в изнеможении откинулся на спинку дивана. Он сидел с приоткрытым ртом, тихонько качая головой. Потом прекратилось и это, Альфи затих.

Глаза его были закрыты, когда я предложил:

– Альфи, хочешь пойти ко мне? Познакомишься с папой. Мы найдём тебе место для сна.

Он открыл глаза, но не шевельнулся. Я опять сказал что-то неправильное.

– Если ты кому-нибудь расскажешь обо мне – кому-нибудь! – то пожалеешь об этом.

И он снова закрыл глаза. Можно было бы подумать, что он заснул – если бы слёзы не текли по его щекам.

Часть вторая

Глава 30

– Быстро, – сказала Рокси, когда мы вышли из гаража. – Какой у тебя номер мобильного?

Она недоверчиво выпучила глаза, когда я ответил, что мобильного у меня нет. Вот честно, если бы я сказал, будто у меня дома ручной крокодил, её это меньше бы удивило. Я не стал рассказывать о наших финансовых проблемах и словах отца, что нам совсем не нужен ещё один ежемесячный расход. Вместо этого я дал ей номер стационарного телефона и сказал:

– Лучше я сам тебе позвоню.

– И запомни: никому ни слова.

– Ты уверена, что это правильно? То есть...

– А ты слышал, что он сказал? Давай сделаем, как он просит, по крайней мере сейчас. Иначе мы можем ему навредить. Я не хочу рисковать, а ты?

Я кивнул, пусть и неохотно, но всё же.

От отца я получил нагоняй. Кратко это звучало бы как «ленивый эгоистичный сачок». Тётя Алиса и дядя Джаспер катались на Джасперовой лодке, поэтому/ весь остаток дня я помогал папе: красил стены в комнате Либби розово-лиловой краской, распаковывал коробки, двигал мебель, протирал и пылесосил. Когда около семи часов мама пришла из своего колл-центра, всё сверкало чистотой, кастрюля стояла в духовке и отец был снова в хорошем настроении.

Разбирая коробки, я нашёл сумку с одеждой, из которой вырос и которая не отправилась в благотворительную организацию. Ещё я обнаружил незнакомое шерстяное одеяло и решил, что его не хватятся. Все эти вещи я спрятал у себя под кроватью.

У отца и правда было хорошее настроение, и я решил – хотя обещал Рокси обратное – рассказать ему про Альфи.

Да, знаю. Но подумайте сами: Альфи был раненый, страдающий, бездомный. Мама его умерла, и потому он скорее всего не мог

соображать нормально. К чёрту обещания: ему требовалась помощь взрослых.

Я даже продумал, как именно буду рассказывать, и уже набрал воздуха, чтобы начать. Но тут мама повернула ключ в замке. Пришлось рассказ отложить.

Кроме того, у отца быстро испортилось настроение. Через десять минут после маминого появления родители начали шипеть друг на друга. Я так и не понял, с чего всё началось. Только слышал, как мама сказала: «Я могу прожить без этого, Бен. Особенно сейчас, когда на меня десять часов подряд орала идиоты...»

Мне не хотелось при этом присутствовать и тем более поднимать тему Альфи.

– Загляну к соседям, – я просунул голову в дверь гостиной. Отец стоял, понурившись, возле каминной полки, на которой лежала стопка вскрытых конвертов.

Счета: что тут ещё скажешь.

Не уверен, что родители меня услышали.

Глава 31

Я остановился на крыльце Рокси и уже приготовился нажать на кнопку звонка, но тут услышал, что в доме поют. Высокий дребезжащий голос громко выкрикивал слова гимна, которые я слышал на школьных собраниях. Только теперь в пении звучал сильный акцент уроженца Вест-Индии.

Да будет слава тебе, воскресший сын-победитель!

Бесконечна победа, которую ты одержал над смертью!

Что-то разбилось, и раздалось: «НЕТ!» Затем последовало нечто, похожее на проклятье, произнесённое на незнакомом мне диалекте. Я стоял в замешательстве и держал палец на звонке. Дверь вдруг распахнулась, и появилась Рокси, глядящая на меня снизу вверх.

– Я видела, что ты пришёл, – произнесла она, указывая на крошечную камеру над дверью.

– Прости, я тут услышал... и хочу сказать...

– А, маму? Да, она что-то уронила. С ней бывает. Давай, заходи.

Рокси развернулась на сто восемьдесят градусов и побежала через прихожую, крича:

– Мам, не волнуйся, я сейчас всё уберу.

В конце коридора из двери высунулась мама Рокси. Она опиралась на костыли и выглядела совсем иначе, чем в тот раз, когда я впервые её увидел. Невысокая, но для своего роста тяжёлая, со складками жира под одеждой и огромными руками в ямочках. Волосы, украшенные лиловой лентой, были короче, чем у Рокси, – укороченный афростиль. Лента по цвету сочеталась с большими круглыми серьгами.

Глаза у мамы Рокси были страдальческие. Так выглядит человек, который «смело сражается» с серьёзной болезнью. Она улыбалась, показывая безупречные зубы. Это была вымученная улыбка, словно попытка поднять уголки рта истощала женщину.

Вроде и похоже на стоваттную улыбку Рокси, но радости никакой.

– Привет, солнышко. Ты, должно быть, Эйдан. Рокси мне про тебя всё рассказала.

– Рассказала? Я только... э... здравствуйте, мадам. Миссис э...

– Зови меня Пресьоза, милэш. Прости, вам же надо пройти. Чёртовы костыли...

Она прижалась к стене, и я прошёл на кухню.

Я боялся, что Пресьоза станет объяснять своё странное поведение прошлой ночью. К счастью, она ничего не сказала.

Рокси собрала осколки разбитой тарелки в мусорный бак. Мама же скрылась за углом, закрыв дверь в кухню с помощью костыля.

– Кажется, она, – я заколебался, и это меня подвело, – милая.

Как напыщенно, Эйдан.

Рокси коротко усмехнулась.

– Ха! Милая! Хорошая попытка, Эйдан. Ты такой неуклюжий лжец!

– Нет, я хотел сказать...

Рокси улыбнулась, но я заметил, что улыбка у неё грустная.

– Мама отличная. Она много работала. И она милая. Внутри.

– Но в чём... я хочу сказать... как... природа... э-э-э...

Рокси – кажется, из удовольствия помучить меня – дала мне всё это прояснить. Наконец она произнесла:

– В основном диабет. Плюс синдром хронической усталости и, возможно, что-то ещё, пока не диагностированное. Лекарства, которые мама принимает, плохо сочетаются с инсулином, и она набирает вес. А

это усиливает проявления диабета и приводит к перепадам настроения. Приходится принимать ещё лекарства, отчего развивается синдром хронической усталости.

Рокси тараторила так, будто выучила всё это наизусть. Помолчав, она ответила на вопрос, готовый сорваться у меня с языка.

– Нет. Это неизлечимо. Во всяком случае, за те деньги, которые есть у нас. Мама в ярости.

– Потому что это неизлечимо?

– Потому что это неизлечимо, потому что она заболела, потому что она не может выйти на улицу, потому что однажды она не сможет встать с кровати, потому что она должна полагаться на меня, потому что мой папа от неё ушёл, потому что она не может подняться по лестнице, потому что ей приходится пользоваться инвалидным креслом... всё это сразу, вот так.

Рокси говорила, склонившись над кухонным столом и сложив перед собой руки. Несмотря на маленький рост, она на пару секунд превратилась в сорокалетнюю женщину, и её неизменная улыбка исчезла. Я вдруг увидел Рокси такой, какой она станет, когда повзрослеет, и это было удивительно и странно.

– Но у неё голос певицы, – сказал я, и Рокси улыбнулась.

– Да. В хорошем настроении она поёт.

– А акцент? – спросил я.

Улыбка Рокси стала ещё шире.

– Этим гимнам её научила бабушка. А она родом с Тринидада. Сегодня мама запела впервые за долгое время и тут же разбила тарелку. Так что...

Рокси пожала плечами.

– Ты навещала его? – спросил я, кивнув в сторону гаража.

Рокси отрицательно покачала головой.

– Мне надо было помочь маме. Но еду я приготовила, – она показала на пластиковый контейнер на столе.

– Тогда пойдём.

– Нет, Эйдан. Сначала я тебе кое-что покажу. Помнишь, я говорила, что у меня есть доказательства?

Она села за стол и открыла свой ноутбук. То, что я увидел в следующие двадцать минут, изменило наши жизни.

Глава 32

– У тебя что, аллергия на гениев? Встречаешь умного человека – и сразу покрываться сыпью?

– Ты так подумал? – сказала Рокси. – Не гениелогия, а ГЕНЕАЛОГИЯ. Это наука об изучении предков. Знаменитости часто говорят об этом по телевизору.

Я пожал плечами – поверил ей на слово – и продолжил размышлять об аллергии на гениев.

– Мама занимается генеалогией, потому что не может больше ходить на работу. Она составляет семейные древа. Смотри.

Рокси открыла веб-страницу под названием «Родственные связи». Там была фотография Прессыозы Минто, с приветливым выражением лица сидящей за столом. Ещё имелись обычные разделы: «О нас», «Цены», «Контакты» и так далее.

– Теперь взгляни сюда, – Рокси одновременно говорила и печатала.

На экране появилась веб-страница с названием «Англия: Регистрация рождений и смертей». Потом ещё – «Регистр Британских земель» и «Указатель по Нортумберленду». Рокси заходила на сайты, меняла масштаб, нажимала на ссылки, прокручивала страницы и блоги. Она словно ушла на время в свой собственный маленький мир.

Минуты три Рокси молчала, и я чувствовал себя странно, будто читал через чьё-то плечо книгу на иностранном языке. Затем Рокси оторвалась от ноутбука, скосила глаза на кухонную дверь и сказала:

– Кстати, мама не в курсе, что я знаю её пароли. У неё даже нет полного доступа к некоторым сайтам. Если она спросит... сам понимаешь...

Я кивнул.

Вдруг Рокси закричала:

– Стой! Стой! Вот оно!

Сайт назывался «Исторические фотографии». На нём было размещено чёрно-белое зернистое фото женщины и мальчика, стоящих возле каменного дома. Подол платья женщины касался земли, а поверх платья был надет фартук. Мальчик носил длинные штаны и рубашку без воротничка.

– Это он, – сказала Рокси. – Дом, который сторел. Но посмотри на дату.

И правда, подпись под фотографией гласила: «Дубовый хутор», окрестности Уитли, приблизительно 1870 год».

Я кивнул:

– И что такого?

– Что такого? Ты посмотри на людей!

– Рокси, фотография нечёткая. Ничего не разобрать, кроме, ну...

– Они в тёмных очках!

А вот это выглядело необычно. Я не помнил, чтобы в викторианскую эпоху люди носили тёмные очки.

– Были тёмные очки в то время в моде?

– Конечно, нет!

– Их ещё не изобрели?

– Ну, до двадцатых годов двадцатого века их почти не использовали. Но уже изобрели. Я изучила тему. Люди носили их при травмах глаз и в прочих похожих случаях.

Я снова посмотрел на фотографию.

– Прости, Рокси. К чему ты клонишь?

– Ты что, не видишь? – её голос звенел от волнения. – Это они!

Рокси увеличила изображение, насколько смогла, но толку от этого почти не было: детали фотографии не читались. Я не хотел её огорчать, поэтому сказал:

– Хмм... Пожалуй, немного похожи.

– Немного? Точь-в-точь.

Рокси нажала несколько клавиш и открыла сайт под названием UK Census Online^[3].

– Смотри, вот перепись жителей Британии от 1861 года.

Некоторые страницы содержали тексты, набранные привычным шрифтом. Другие представляли собой сканы док/ментов, в которых записи были сделаны вручную, старомодными затейливыми буквами.

– Ух ты! – я впечатлился. – Всех?

– Да, всех! И если мы зайдём... сюда, – она щёлкнула по ссылке, – то увидим, что в доме «Под дубом» в Нортумберленде в 1861 году жили...

Монк, Хильда – вдова – 33 года – занятие: белошвейка – супруг: неизвестен

Монк, Альфред – ребёнок, мужского пола – 11 лет.

Глаза Рокси светились энтузиазмом, а пальцы её скользили по клавиатуре. Я чувствовал себя виноватым за то, что не разделял её восторгов.

– А теперь, – произнесла она, – смотрим на перепись 1911 года. Через пятьдесят лет.

Я уставился на экран.

Монк, Хильда С. – вдова – 34 года – профессия: портниха – супруг: скончался

Монк, Альфред – ребёнок (муж.) – 11 лет.

– Практически один в один, – заметил я. – Но кто эти люди? Вообще Альфред, или Альфи, – довольно распространённое имя. И в то время было так же.

– Теперь ещё интереснее. Заглянем на сайт Национальной статистической службы. Там имеются самые свежие переписи – они сделаны одиннадцать лет назад.

Монк, Хильда С. – вдова – 33 года – профессия: дизайнер по костюмам – супруг: неизвестен

Монк, Альфред – ребёнок (муж.) – 11 лет.

– А если вернуться совсем назад? Когда была первая перепись? – спросил я.

Пальцы Рокси быстро-быстро запорхали по клавишам. Она надолго замолчала.

– Рокси?

– Первая перепись... подожди... первая перепись была в 1801 году, и там «Дубовый хутор» не упоминается. Но посмотри.

Она открыла другую страницу.

– Здесь можно искать по именам. Хорошо, что их имена не так уж часто встречаются.

Она набрала: «Монк», и на экране появился длинный список. Я не успел его просмотреть – Рокси снова начала печатать.

– Здесь их нет. Но смотри, что будет, если чуть-чуть изменить имя.

Она ввела «Мунк», и мы увидели список на полстраницы. Рокси указала на одну из строк:

Мунк, миссис, Х. С, вдова, Хексхам, Н'т'берленд
Мунк, мистер, А. (II), Хексхам, Н'т'берленд.

– Видишь? Монк пишется через «о», а Мунк – через «у», имена – Хильда и Альфред! Это те же самые люди!

Рокси была исполнена такого энтузиазма, что я подыграл ей.

– Получается, минимум с шестидесятых годов девятнадцатого века и до вчерашнего дня они там жили. Может, Хильда и правда ведьма?

Было трудно спрятать оттенок сомнения, прозвучавший в моём голосе. Но глаза Рокси радостно просияли, и она широко улыбнулась.

– Ты считаешь это невероятным?

Рокси выбрала правильное слово. Я не допускал и малейшей вероятности, что такое возможно.

– Слушай, – произнёс я и поднялся. – Есть способ проверить твою теорию. Нужно спросить у него.

Пока мы шли через сад, разбитый за домом Рокси, я расспрашивал её про генеалогию.

– Люди правда платят деньги, чтобы узнать о своих предках?

– Ну да. Именно так.

– Почему?

– Почему?! Ты не хочешь знать про своих?

Я задумался на несколько секунд.

– Не очень. Какая мне разница?

– А ты удивишься, если я скажу, что ты потомок Шарлеманя?^[4]

В школе мы изучали Священную Римскую империю. Шарлемань был императором, который правил Европой в девятом веке.

– Думаю, да. Но с чего ты это взяла?

– Мы все – его потомки. Каждый белый европеец, во всяком случае. Кроме недавних иммигрантов.

– Но... но почему?

– Потом расскажу. Тсс.

Я замолчал. Мы подошли к забору, и я услышал, как хлопнула дверь гаража. Затем раздался звук шагов. Он удалялся в сторону леса.

– Давай, – сказала Рокси, – пойдём за ним.

Глава 33

Мы издалека почувствовали запах. Горелое дерево, горелые листья, и всё это – отсыревшее. Когда показался разрушенный дом, мы с Рокси были мокрыми от капель, падающих с деревьев.

Сгущались сумерки. Между ветками просвечивало беловасильковое небо, на котором уже зажглась пара ранних вечерних звёзд. Луна ещё не вышла. Под ногами стояла темень. На прогалины, образовавшиеся после пожара, падал какой-то свет. Но всё было мрачным и чёрным, скорбным и безмолвным. Рокси включила фонарик на телефоне, чтобы видеть дорогу. В итоге вокруг луча света стало ещё чернее.

Сожжённая часть леса была огорожена полиэтиленовой лентой с надписью ПОЛИЦЕЙСКОЕ ОГРАЖДЕНИЕ ВХОД ЗАПРЕЩЁН. Я поколебался, Рокси – нет, и мы, поднырнув под ленту, прошли вперёд.

И услышали:

– Биф-фа, Биф-фа! Идь, идь! Биф-фа!

– О чём это он? – прошептал я, но Рокси лишь пожала плечами.

Мы крались так тихо, как только могли. Старались, чтобы не хрустело под ногами. И, кажется, одновременно увидели его, сидящего возле круглого очага и глядящего на свой обугленный дом. В сумерках светлые волосы Альфи казались белыми.

– Биииф-фа! Биииф-фа!

Вы когда-нибудь видели сгоревший дом? Он выглядит страшно. Этот ещё сохранил признаки дома. Остались чёрные стены и частично лестницы. Но верхняя половина была почти полностью разрушена, и половицы второго этажа свисали вниз.

Странно, но некоторые вещи казались нетронутыми. Огромный кухонный стол, хоть и почерневший от копоти, твёрдо стоял, а на нём громоздились тяжёлые металлические ящики. Каменная раковина в кухне, похоже, не пострадала. В маленькой комнате в книжном шкафу стояли обугленные книги. Ветер носил по полу выпавшие страницы. Балки крыши торчали в небо – мрачный скелет дома.

Всё остальное было почти полностью уничтожено.

– Я знаю, что вы здесь, – произнёс Альфи, и мы с Рокси хором ахнули.

Он не обернулся. Мы же перестали прятаться и выпрямились.

– Шпионы из вас никакие, – сказал Альфи, когда мы подошли к каменному очагу. – Я давно вас слышу.

– Мы... мы вовсе не собирались шпионить за тобой... – начала Рокси, но он её прервал.

– Всё нормально. Я не против. Вы любопытные. Это меня не удивляет.

Он говорил безразличным тоном. И смотрел не нам в глаза, а на руины своего дома.

– Очень жаль, Альфи, – сказал я, – что так получилось. И... и твою маму, и всё остальное.

– Мне тоже жаль, – добавила Рокси.

И тут что-то произошло. Не знаю, были причиной сами слова или момент, или ни то ни другое, или и то и другое. Но, оглядываясь назад, я понимаю: именно тогда началось наше приключение.

Альфи нехотя отвёл взгляд от чёрных развалин. Вздыхнул и посмотрел на нас.

– Спасибо.

И между нами возникла связь.

– Если мы можем что-нибудь сделать... как-то помочь или... – я умолк.

Мне трудно было подобрать слова, и я повторял то, что в таких случаях говорили друг другу взрослые.

– Это правда? – спросил Альфи.

И что я должен был сказать? Нет, не правда, я соврал? Не то чтобы я не хотел ему помочь. Просто я не мог придумать ничего, подходящего для этой ситуации.

Поэтому я решительно кивнул и ответил:

– Чистейшая.

Рокси добавила:

– Да-да!

И закивала изо всех сил.

Альфи тоже кивнул и произнёс:

– Хорошо. Может быть, мне потребуется кое-какая помощь.

Он неуклюже поднялся, отвернулся от нас и направился к останкам дома.

– Я должен знать, могу ли вам доверять.

– Ты можешь доверять нам, Альфи, – сказала Рокси.

Я хотел добавить: «Смотря чего ты хочешь». Но в горле у меня пересохло, и я лишь произнёс:

– Ну да.

Глава 34

Альфи переступил через несколько обугленных балок, лежащих на полу.

– Э... Альфи? Здесь небезопасно, дружище. Слушай... – начал я, но он остановил меня взглядом, говорившим: «Это мой дом, а не твой».

Вслед за ним мы зашли в обгорелые руины, ступая по золе и с опаской поглядывая на свисающие балки. Альфи остановился возле книжных шкафов. Вблизи ущерб был очевиден. Обгорели сотни книг. На каждой имелись следы повреждения. Уцелевшие страницы покрывала жирная копоть.

Всё это были старые книги, с тяжёлыми простыми переплётками, непохожие на привычные книжки с картинками и в суперобложках. Я взял одну из них, показавшуюся мне наименее повреждённой, и открыл. В сумеречном свете я разглядывал страницу, но не мог прочитать ни слова.

– Что это? – спросил я.

Альфи подошёл и заглянул в книгу.

– Это «Исповедь» Августина из Гиппона.

– Кто это – Кристина Гиббон?

– Не Гиббон, а Гиппон – было такое место. В Северной Африке. Августин, Святой Августин, ты разве о нём не знаешь?

Кажется, Альфи считал, что я должен знать про Святого Августина.

– Первый раз слышу. На каком это языке? Альфи прищурился и сказал насмешливо:

– На латыни.

Слово «очевидно» не прозвучало, но явно подразумевалось.

– И о чём эта книга?

Альфи здоровой рукой взял у меня книгу и грустно пролистал закопчённые страницы.

– Возможно, это первая в мире автобиография. Современный человек не всё здесь поймёт, но книга довольно убедительная.

«Довольно убедительная – кто так говорит?» – спросил я себя. Вслух же произнёс:

– Ты это читал? Альфи кивнул.

– По-латыни? – прошептал я, и Альфи, слегка смущённый, снова кивнул.

Подошла Рокси.

– Эй! Мистер компьютер! Прочитай-ка что-нибудь вслух!

С неохотой, как мне показалось, Альфи начал громко читать, а Рокси светила на страницу фонариком телефона. Я не понял ни слова, Рокси же слушала выпучив глаза.

– Да ну! – только и сказала она, когда Альфи замолчал. – Почитай ещё!

Но Альфи вернул книгу на полку.

– Все эти книги были мои, – сказал он, – мои и мамины.

Я выглянул наружу. Курятник в углу двора был разрушен, и несколько обгорелых куриц с почерневшими перьями лежали в золе.

– Кажется, ваша коза убежала, – сказала я Альфи, но ответа не получил.

Я понадеялся, что он меня не услышал. Ведь в моих словах прозвучало: «Здесь есть и хорошее», хотя на самом деле ничего хорошего не было.

Рокси прошла в угол комнаты.

– Что здесь? – спросила она, сбрасывая обугленные деревяшки с толстого металлического короба.

Альфи с придыханием произнёс нечто неразборчивое и опустился возле короба на колени. Крышка короба была металлическая, с отверстиями для навесного замка. Но сам замок отсутствовал. Альфи открыл короб.

– Хм-м. Ещё книги! – сказала Рокси. – Кажется, они в порядке – не горелые.

Альфи закрыл крышку и посмотрел на нас. Впервые в его глазах стало меньше горькой опустошённости. В них появилось что-то вроде надежды.

– Нам надо взять это. Унести отсюда.

За ручку я поднял один край короба. Он оказался тяжёлым.

– Ты шутишь, Альфи. Я не могу это нести. Слишком тяжело. За ним присмотрят, полиция или пожарные. Увезут и поместят в надёжное место.

Альфи решительно покачал головой.

– Нет. Мы заберём это сейчас.

– Альфи, послушай...

– Заберём сейчас!

Мы не стали спорить и всё же потащили короб через тёмный лес. Я постоянно менял руку. Но Альфи не мог этого делать, и нам приходилось часто останавливаться и отдыхать. Рокси изо всех сил старалась быть полезной: освещала землю телефоном и предупреждала о подстерегавших нас ямах и корнях деревьев.

Тонкая металлическая ручка врезалась в ладонь, под весом короба болели плечи. Но в конце концов мы увидели сверкающую неоновую надпись над входом в гараж. Мы втащили короб внутрь и упали на стулья. Наша одежда вся была в пятнах сажи и пота.

Я подумал, что надо будет как-то вымыться, прежде чем идти спать.

– Ну, ты покажешь нам, что внутри? – спросил я, разминая натруженные руки.

Альфи поднял крышку и продемонстрировал стопку из пятнадцати или, может, двадцати книг. Толстых, с прочными кожаными обложками. Я подошёл, чтобы взять одну из них.

– Осторожно! – попросил Альфи. – Пожалуйста.

Я вытер руки о футболку, вытащил одну книгу и повернул её корешком к себе, чтобы прочитать золотые буквы.

– «Барнеби Радж», – я озадаченно посмотрел на Альфи.

– Это не самое известное название. Посмотри. Он протянул мне другую книгу.

– «Большие надежды». Ну да, шёл такой сериал по телевизору. Мама его смотрела. То есть все книги здесь этого, как его...

– Чарлза Диккенса, – вмешалась Рокси. – Он ещё написал «Оливера Твиста».

Альфи улыбнулся.

– Ты читала?

Рокси пожала плечами.

– Типа того. Вот!

Она открыла другую книгу. На первой странице от руки была сделана надпись. Рокси прочла: «Дорогому Алве, с наилучшими пожеланиями, Чарлз Диккенс».

Она тихонько присвистнула.

– Здесь полное собрание сочинений Чарльза Диккенса? И он подписал каждый том? Но кто такой Алве? Это не можешь быть ты!

Она прищурилась, огляделась вокруг. И после длинной паузы протянула:

– Или можешь?

Альфи закашлялся.

– Ну... дальний родственник. И собрание не совсем полное. Одну книгу украли, или она просто потерялась... Не знаю. В общем, «Сказка о двух городах» отсутствует.

– Какая жалость. И всё же, клянусь, это стоит безумных денег!

Альфи кивнул.

– Да. Но, полагаю, стоимость уменьшилась примерно вдвое, когда пропала одна из книг. В любом случае, можно мне...

Он осторожно забрал у нас книги, положил их в короб и закрыл крышку.

– Можно мне оставить их здесь? На некоторое время?

– Ясное дело, – ответила Рокси. Совместными усилиями мы затолкали короб под сломанный диван.

– Альфи, – сказал я. – Что ты собираешься делать? Куда хочешь пойти?

Он не ответил. Рокси бросила на меня предостерегающий взгляд и применила более мягкий подход.

– Кроме мамы, Альфи... с кем ты мог бы посоветоваться?

– Мы жили вдвоём. И ещё с Биффой.

На его лицо вернулось прежнее безразличное выражение. Видимо, наш поход к сожжённому дому и спасение короба с книгами на некоторое время отвлекли его от страданий. Но теперь они снова вернулись. Альфи подошёл к двери, почмокал губами – было похоже на звук поцелуя – и снова позвал:

– Эй, Биффа! Эй, Биффа!

Потом заметил наши взгляды.

– Это кошка.

– Знаешь, тебе придётся поговорить с полицией, – сказал я. – Ты не можешь прятаться вечно.

Он пристально посмотрел на меня. Глаза его были цвета голубого льда.

– Нет. Не сейчас. Я должен кое-что сделать.

– Что?

Альфи потряс головой, словно пытаюсь отогнать вопрос, как назойливую муху.

– Мне нужно остаться. Вы обещали помочь.

– Да, но...

– Разве ты сказал не то, что думал?

– Ну да, но...

– Тогда я останусь здесь, а ты никому ничего не расскажешь.

Я посмотрел на Рокси, та лишь дёрнула плечом.

– Но твоя мама, Альфи... – начал я.

От гнева у него раздулись ноздри.

– Моя мама. Уже. Умерла. Ничего нельзя изменить. И какое тебе дело? Ты считал её странной женщиной, живущей в лесу. И эта странная женщина, моя мать, умерла из-за меня.

– Из-за тебя? Но почему?

– Я СОВЕРШИЛ ПОДЖОГ! – заорал он. – Мне повезёт, если я не сяду в тюрьму!

– Альфи, одиннадцатилетних не сажают в тюрьму, – сказал я, пытаюсь его успокоить, но ничего не вышло.

– Кто сказал, что мне одиннадцать?

– Я полагал, мы ровесники, Альфи. Послушай...

– НЕТ! Это ты послушай. И ты тоже, – добавил он, повернувшись к Рокси, и та вздрогнула. – Мне нужно некоторое время побыть здесь. Помогите! Я сделаю, что должен, и всё будет отлично, обещаю. Обещаю! Пожалуйста, умоляю вас, никому обо мне не говорите.

Последовала долгая пауза – по-настоящему долгая. Мы лишь смотрели друг на друга – каждый на каждого, по очереди. Я уже хотел прервать молчание, но тут Рокси меня опередила. Всё же она проявила некоторую осторожность. Скорее всего, из-за той ведьминской ерунды.

– Ладно. Но ты не будешь втягивать нас. Могут возникнуть неприятности. Если кто-то спросит, ты сам поселился здесь.

– Хорошо. Но мне нужна пища.

– Ладно.

– И вода.

– Ладно. Я сказал:

– Получается, мы всё равно втягиваемся. И довольно сильно.

Альфи пожал плечами.

– Вы обещали помочь. Нужны одеяла. Новая повязка на руку. Парацетамол. И банка крабового мяса.

Он помедлил, осознав, что список его заказов оказался длинным.

– Если вы не против.

– Крабовое мясо?

– Это любимая еда моей кошки. Она унюхает её и придёт. Возможно.

Я вздохнул, начиная сожалеть о своём необдуманном обещании.

Глава 35

Я устроил пожар. Я. Не нарочно, но вина всё равно на мне.

И теперь я лицом к лицу столкнулся с последствиями.

В двадцать первом веке люди говорят странные вещи: «Мне придётся научиться жить с самим собой» или «Мне следует простить себя».

Полнейшая ерунда! Если вы хорошо обдумаете эти слова, то решите больше их не произносить.

У меня нет выбора, кроме как жить с самим собой. И я не могу простить себя. Вряд ли это вообще возможно.

Как начался пожар?

Дрова были свежие. Новые, не отлежавшиеся в поленнице^[5], от которых летят искры. Я смотрел, как Рокси Минто с забинтованной головой идёт по тропинке, и попытался помахать ей на прощание – в надежде, что она ещё вернётся.

Мне было лень идти в сарай за высушенными дровами, и я взял свежесрубленное полено.

Вот.

Это я виноват.

Глава 36

Домой я вернулся поздно. Мама и тётя Алиса уже легли спать, а отец набросился на меня. Обычно он сильно злился после размолвок с мамой.

– Мы с ума сходили от беспокойства... безответственный... эгоистичный... ты подумал, каково твоей матери?

К этим словам я давно привык. Наконец отец замолк и осмотрел меня сверху донизу.

– Ты ведёшь себя отвратительно, – сказал он. – Опять! Скажи, что с тобой? Где ты был?

Я солгал, мол, играл в футбол со Спатчем. Знал: отец не будет проверять. Мне стало окончательно ясно, что про Альфи ему рассказывать не надо. Я принял скорбный вид.

– Прости, пап. Забыл о времени. Я больше не буду.

И тут из гостиной вышел Джаспер.

– А! Наш бродяга вернулся, – сказал он. – Говорил я тебе, Бен, он будет в полном ажуре? Как, хорошо развлёкся?

Он ухмыльнулся, и его верхняя губа поднялась, обнажив десну. В таких случаях мне всегда казалось, что Джаспер нуждается в инструкции о том, как правильно улыбаться. Это пугало.

Попытки Джаспера быть весёлым нарушили отцовский воспитательный процесс. Я должен был бы радоваться, но не радовался. Глядя на отца, я почти проникся к нему сочувствием. Он смотрел на Джаспера с яростью, но тот абсолютно ничего не замечал.

– Не забудь, – сказал Джаспер, потирая костлявые руки, – завтра рано утром матросы смазывают лыжи!

О нет! Я совсем забыл. Джаспер собирался взять нас с отцом на свою лодку «Весёлый Роджер». Перехватив взгляд отца, я понял, что он боится этого не меньше меня.

– Жду – не дождусь, Джаспер, – сказал я и театрально зевнул.

Чем быстрее я отправлюсь в кровать, тем быстрее они займутся своими делами. И тем скорее я смогу вернуться к Альфи и принести ему обещанное.

В своей комнате наверху я включил прикроватное радио.

«...Радио Север, и в эфире новости. Полиция Нортумбрии продолжает поиски мальчика, связанного с пожаром, который произошёл вчера ночью в лесу возле Уитли Бэй и унёс жизнь женщины по имени миссис Хильда Монк.

Предполагается, что она жила со своим одиннадцатилетним сыном Альфредом, который исчез. Детектив – инспектор Максин Форд –

прошлой ночью записал обращение:

Альфред, мы призываем тебя связаться с нами и сообщить, что ты в безопасности. Тебя ни в чём не подозревают. Где бы ты ни был, просто зайди в любой полицейский участок или подойди к любому полицейскому на улице и сообщи своё имя. Это относится к каждому, кто знает о местонахождении мальчика. Мы очень беспокоимся о его безопасности.

Есть опасения, что мальчик ранен или получил психологическую травму из-за пожара, который уничтожил его дом и в какой-то момент угрожал вырваться из-под контроля.

Полицейские продолжают обход соседей, выясняя, не укрывается ли он там.

Следующая новость касается слов премьер-министра...»

Я выключил радио и некоторое время лежал, глядя в потолок. От волнения меня подташнивало.

Глава 37

Ладно, на секунду поставьте себя на моё место. Если вы этого не сделаете, то непременно придёте к выводу, что я или спятил, или дурак, или и то и другое.

- Итак, имеется мальчик примерно моего возраста. Он живёт в старом сарае за нашим домом. Об этом знает ещё один человек – Рокси Минто, моя недавняя знакомая.

- На глазах мальчика сгорел его дом. Он потерял мать и – по словам Рокси, которая говорит так уверенно, будто знает всё на свете, – страдает от ПТ-чего-то там синдрома, что означает психическое расстройство.

- У мальчика сильный ожог на руке. Возможно, его следует положить в больницу, от чего он категорически отказывается.

- Он произносит замысловатые фразы и говорит со странным акцентом, который я не могу идентифицировать.

- Он умолял меня (подкрепив мольбы непонятными угрозами) хранить всё это в секрете.

И я согласился.

«Пожалуйста, очень тебя прошу», – вот что он говорил.

Как долго я смогу хранить эту тайну? И вообще, правильно ли её хранить? Альфи ищет полиция – будут ли у меня неприятности из-за моего молчания?

Всё это и триллион других вещей проносилось у меня в голове, когда я крался в полночь по дому, собирая нужные Альфи вещи. Походные принадлежности я распаковал несколько дней назад, поэтому быстро нашёл спальный мешок – в шкафу на нижней полке. Ещё я подумал, что Альфи может пригодиться надувной матрас. Я нёс мешок и матрас вниз, когда дверь в мою будущую комнату распахнулась и появился Джаспер в пижаме. Он стоял, освещённый тусклой лампой.

– Всё в порядке, сынок, – сказал он сонно. – Иду в сортир. Стариковский мочевого пузыря.

«Большое спасибо за информацию, – подумал я. – Даст ли он мне пройти и заметит ли, что я спустился на две ступеньки со спальником и надувным матрасом?»

Не повезло.

– Какой такой чертовщиной ты тут занимаешься со всем этим барахлом? – спросил Джаспер, почёсывая подбородок.

Быстро, Эйдан. Импровизируй.

– Ну... я не мог заснуть... и подумал, э... что можно попробовать лечь внизу. Новый дом. Я ещё не обвыкся.

Ещё одна бессвязная ложь.

Джаспер ничего не сказал и, окинув меня взглядом, направился в ванную.

Он не поверил. Поверх пижамы на мне была толстовка с капюшоном, а на ногах – уличные ботинки.

Неопределённость мучила меня. Почему он ничего не сказал? Не до конца проснулся? Ему было всё равно? Я решил, что верно последнее: Джаспер никогда мной особо не интересовался, с чего бы сейчас это могло измениться? Так я себя утешал, пока пробирался по заднему двору, лез через щель в заборе и вручал принесённое благодарному Альфи. Я даже добыл банку рыбных консервов, которые посчитал хорошей заменой крабам.

Рокси уже побывала в гараже – снабдила Альфи едой и пообещала утром принести чистые бинты. Так что сейчас мы были здесь вдвоём.

Глаза Альфи, светлые, с воспалёнными веками, обратились ко мне.

– Благодарю тебя, – сказал он, – от всей души.

И добавил:

– Дружище.

Именно. «Дружище». Прозвучало так, словно раньше он никогда не произносил этого слова.

Альфи не бросил его небрежно, как обычно делают другие, – ну вы знаете, «Приветтики, дружище!» – хотя у нас нечасто такое услышишь. Слово было выбрано намеренно и произнесено ясно и чётко – так, как Альфи произносил многие другие слова.

Он улыбнулся, и, несмотря на его ужасные зубы, теплота улыбки тронула моё сердце. Затем улыбка медленно растаяла. И Альфи серьёзно сказал:

– Полагаюсь на тебя.

Я собрался уходить.

– Эйдан, – тихо позвал Альфи.

– Да?

– Я должен кое-что тебе сказать. Не знаю, поверишь ли ты.

Так к моему списку добавился ещё один пункт, из-за которого меня могли бы счесть психом, идиотом или и тем и другим.

Он считает, что ему тысяча лет.

Глава 38

Внутри меня образовалась пустота. И эта пустота была больше меня.

Она могла меня поглотить. Стоило только посмотреть в неё, и я бы упал вниз, в эту пустоту, в пространство, которое не было даже чёрного цвета.

Там не было цветов. Не было звуков. Не было запахов. Оно было ничем.

Я сидел в сарае, который Рокси Минто называла гаражом, и рассматривал стены, пол и потолок. Светящуюся розовую вывеску выключили, внутри стало сумрачно, и мои глаза отдохали. Без тёмных очков всё вокруг казалось слишком ярким. (У нас с мамой – была! –

повышенная светочувствительность; прямой солнечный свет мы воспринимали почти болезненно. У каждого из нас это началось сразу после смешивания мази из жемчужин жизни с нашей кровью. Вероятно, таков, как теперь говорят, «побочный эффект».)

Стоял сильный запах пожара. Я помылся и переоделся, но мои старые, пахнущие дымом вещи кучей лежали в углу. Казалось, запах проник мне под кожу и поселился в моём носу. Мальчик, Друг Рокси, Эйдан, был добрым. Он помог мне вымыться. И не задавал вопросов насчёт моих шрамов и татуировки, хотя наверняка хотел.

Но спроси он меня – что бы я ответил?

«Татуировка сделана пятьсот лет назад. Неудивительно, что она стёрлась от времени».

Может, так и следовало бы сделать. Сказать правду. Однако мама бы этого не одобрила. Имелся план на случай смерти одного из нас, и правда в нём не предполагалась.

Мама.

Мои мысли всё время возвращались к ней. Каждое действие, каждое событие напоминало о ней. Бессчётное количество раз я порывался сказать ей что-то, или искал её глазами, или мечтал о её сильных объятиях.

Мама погладила бы меня и спела песню о старых временах на языке, который мы оба знали.

Здесь, на порванном диване, я обнял себя сам и попытался вообразить, что меня обнимает мама. Я спел мамину песню. Грустные ноты застревали в горле, но всё же мне стало лучше.

Судя по положению Луны, Эйдан вернулся в час ночи. Я дремал, но заснуть не мог – боялся, что внутренняя пустота поглотит меня во время сна.

Эйдан принёс длинный мягкий мешок, чтобы я в нём спал. Спросил, всё ли у меня в порядке. Он сказал: «Оки». «Оки, Альфи?»

– Благодарю, – ответил я. – Оки-оки.

И почувствовал себя странно – таким словом я не пользовался.

Эйдан молча посидел рядом со мной, и это было хорошо. Даже приятно. Затем он спросил:

– Как твоя рука?

– Прекрасно, – солгал я. Рука болела, несмотря на обезболивающее.

Он собрался уходить, и тут это случилось. Само собой.

– Эйдан, – сказал я, – хочу тебе кое-что рассказать.

– Ладно, – ответил он, – валяй.

– Прошу прощения?

– Валяй. Говори.

Я набрал воздуха и закрыл глаза. Вспомнил маму и наш план. А затем просто признался:

– Мне тысяча лет. На самом деле даже больше. И столько же было моей маме.

– Повтори, – сказал он, и я повторил.

Я ждал, что Эйдан обвинит меня во лжи или по меньшей мере рассмеётся. Но он этого не сделал. Напротив, он посмотрел на меня внимательно и спросил:

– Как долго вы жили в этом лесу?

– Около ста пятидесяти лет, с перерывами.

– А до того?

– Мы жили в Хексхаме, на маленьком хуторе. Занимались шитьём, делали одежду, ремонтировали вещи. А до того некоторое время жили в Уэльсе и...

– Шили? – прервал он меня. – Твоя мама – дизайнер по костюмам?

– Это небольшое преувеличение, но да, иногда мама так говорила.

Эйдан посмотрел на меня, нахмутив брови. Потом уселся за стол и, как мне показалось, глубоко задумался.

– И... вы когда-нибудь фотографировались, Альфи? Вместе? Возле своего дома?

– Ну да, а что? Такое не забудешь. Мы тогда впервые увидели фотоаппарат. Приходил мужчина из «Газеты Шилдса», а мы стояли у двери и... подожди минутку. Почему ты спрашиваешь?

Мы говорили, пока не посветлело небо. Я рассказал ему про маму, папу, Биффу и жемжизни. Жемчужины жизни. И почувствовал себя менее опустошённым. Мне показалось даже, что Эйдан может мне поверить.

Я изложил ему наш с мамой план. И начал думать, что он работает. Да, он мог бы сработать, если бы дальше всё пошло по-другому.

Когда Эйдан ушёл, я наконец заснул, без всяких сновидений.

Глава 39

Я улёгся на рассвете и, взволнованный тем, что узнал, так и не смог заснуть. Меньше всего мне хотелось, чтобы через час меня подняли и потащили на лодочную прогулку с Джаспером.

Во время нашей прогулки мама и тётя Алиса собирались забрать Либби из лагеря.

Два года назад, когда мы возвращались на машине со свадьбы тёти Алисы, я услышал разговор мамы и отца. И понял: родители не любят Джаспера. Но они не догадались, что я об этом узнал.

(Вы, наверное, замечали: взрослые иногда притворяются, будто находятся со всеми в хороших отношениях и считают всех, особенно членов семьи, хорошими людьми. Полагаю, таким образом они «подают пример» нам, детям: знаешь, надо любить и доверять, не судить и не обвинять; мир взрослых прекрасен, бла-бла-бла. Но мы-то знаем, когда они лицемерят.)

Наверное, мои родители просто не хотели огорчать тётю Алису, ведь ей Джаспер нравился. Она его даже любила. И потому, когда Джаспер спросил меня: «Пойдёшь со мной на лодке, а, дружище-парнище?» – я посмотрел на папу.

Это было скорее утверждение, чем вопрос, и отец ответил:

– Спасибо, Джаспер, мы пойдём с удовольствием.

Мы.

У меня камень с души свалился. Не знаю, что подумал отец – может, что Джаспер поплывёт навстречу шторму или заставит меня бегать по реям. Не знаю. Но я был рад, что не останусь с Джаспером наедине.

Кто-то боится летать. Кто-то – ездить на машинах. Моя мама всегда отказывается садиться на мотороллер.

А я боюсь лодок. Однажды я пытался внушить это Джасперу, но тот поднял меня на смех. Он сказал, мне следует «возмужать». И даже отец согласился: мол, я не смогу преуспеть в жизни, если буду бояться плавать на лодках. В этом они все, взрослые. Больше нечего добавить.

Если честно, дело не в лодках. Дело в морской болезни. В лодке меня начинает тошнить. (Меня стошнило на водном велосипеде – на Майорке, во время каникул. Но я никому не сказал – так мне было стыдно.)

Джаспер пришвартовал свою лодку у одного из двух длинных бетонных пирсов, которые, как руки, обнимали Кулверкотский залив.

Я ничего не понимаю в лодках, но думаю, у него была яхта. Белая, с высокой мачтой. Свёрнутый парус прятался в синем чехле, закреплённом вдоль палки, болтавшейся из стороны в сторону. Я случайно узнал, что палка называется «гик», – вот, всё-таки я кое-что знаю о лодках!

Там имелся штурвал управления, который обычно именовали просто «штурвалом».

Лодка была около десяти метров длиной. Джаспер называл её тридцатифутовой; а я знаю, что тридцать футов – это десять метров, ну чуть-чуть поменьше.

На борту жёлтыми буквами было написано: «Весёлый Роджер». А на корме развевался небольшой пиратский флаг.

Добравшись до пирса, мы увидели, что трое детей запрыгнули в лодку и дёргают изо всех сил дверь кабины.

Мы заметили это одновременно, но Джаспер отреагировал первым. У него в голове словно взорвалась маленькая бомба, и он из суперспокойного за секунду стал суперзлым.

– Эй! Ой!

Джаспер так быстро побежал по пирсу, чертыхаясь и вопя, что я даже удивился.

– Вы, маленькие дьяволы! Убирайтесь с моей лодки! Живо!

О нет! Это был Иниго Деломбра. Дети совершенно не смутились и устояли на Джаспера. Дверь кабины была открыта, несмотря на кодовый замок.

Но они не стали заходить внутрь. Иниго Деломбра заговорил:

– Ваша лодка?

– Да, чёрт побери! Убирайтесь!

Джаспер протянул руку и схватил за куртку одного из мальчиков, но тот вывернулся.

– Это называется нападение, старик!

Иниго продолжил:

– Знаете, мой отец – начальник порта. И, по его словам, якорная стоянка здесь запрещена с апреля по сентябрь. Так что, технически, сейчас вы нарушаете морские правила. Мы просто проверяли, вдруг вы внутри.

Мальчики уже перебрались на пирс и встали напротив нас.

– На-на-начальник порта? – заикаясь, произнёс Джаспер.

– Угу. И он очень строго следит за соблюдением правил, мой старик.

Двое других собрались уходить, но Иниго не сдвинулся с места, готовясь сделать контрольный выстрел.

– Я окажу вам любезность. Не стану рассказывать, как вы напали на Джонси. Но знайте – нельзя ставить лодку где попало и думать, что власти не обратят на это внимание.

Остальные стояли неподалёку, задыхаясь от смеха. Иниго спрятал руки в карманы и пошёл прочь. В какой-то момент он обернулся и сердито добавил:

– Ещё одно. Код на двери кабины у вас совсем не оригинальный.

Он взглянул на меня и осклабился:

– Долго плёлся, Линклейтер? Из этого – Дампсвиля – где ты теперь живёшь?

Отец к тому времени ушёл вперёд и не слышал его слов, чему я был очень рад. Худшее, что может произойти, когда имеешь дело с кем-то вроде Иниго Деломбры, – вмешательство отца. Это только усугубляет ситуацию.

Глава 40

Наше путешествие вдоль берега до маяка Святой Марии оказалось унылым.

Джаспер был в паршивом настроении после столкновения на пирсе. Он весь сосредоточился на управлении судном. «Подтяни парус!» – лающим голосом скомандовал он.

Я тупо посмотрел на Джаспера, и тот рассердился:

– Парус, парус, парень! Видишь этот канат – потяни за него!

Из-за направления ветра нам пришлось плыть зигзагами (Левитировать? Лавировать? Кто его знает!) И отец всё повторял:

– Успокойся, Джаспер. Он же в первый раз.

Но после разворота, который мы сделали за маяком, настроение Джаспера поменялось – так меняет направление морской ветер. Было странно и страшно видеть, как быстро его поведение сменилось на противоположное. Он сходил в кабину, принёс оттуда белую

капитанскую фуражку с золотым позументом и водрузил её себе на голову. Затем повернул ручку на панели возле штурвала, и зазвучала музыка. Старая музыка – пели, как в церкви или вроде того, – и она была ГРОМКАЯ.

– О, эти старые грегорианские песнопения великолепны, – сказал Джаспер, не обращаясь ни к кому конкретно. – Истинный полёт души!

Он мечтательно закрыл глаза и на несколько секунд подставил лицо ветру.

Затем низким голосом напыщенно произнёс:

– Возьмите её в море, мистер Мердок. Пусть она ноги разомнёт.

Я слабо улыбнулся. Это была цитата из фильма «Титаник», который я видел у Мо.

Мы подняли стаксель – маленький парус впереди, – и лодка сильно накренилась к носу. Папа пошатнулся и схватился за леер.

В тот день не штормило, но зыбь была, и лодка, рассекая блестящую серую воду, тяжело шлёпала по волнам. Меня немного подташнивало с самого начала путешествия, и от нового скачка лучше не стало.

– Ты – возьми штурвал! – сказал Джаспер, отшагнув в сторону.

Штурвал начал угрожающе поворачиваться.

– Давай же! – приказал он. – Бери!

Я повиновался, а он врубил музыку максимально громко.

– Джаспер, ты уверен? – отец пытался перекричать музыку, но Джаспер его не слышал.

– АЙСБЕРГ СПРАВА ПО БОРТУ, МИСТЕР МЕРДОК! – вопил он. – ПРАВО РУЛЯ, МИСТЕР МЕРДОК!

Я не понимал, что это значит.

– Поверни штурвал направо, живо, наПРАВО!

У него был очень взволнованный голос, и я чуть не поверил, что здесь, в километре от берегов Уитли Бэй, плывёт огромный айсберг. Я со всей силы крутанул колесо. Спустя секунду лодка отреагировала и угрожающе накренилась вправо. Отец не был к этому готов: он пошатнулся, ударился головой о низкую дверь и взвыл от боли.

– Пираты атакуют! Лево руля!

В «Титанике» не было никаких пиратов, но я плюнул на всё и ещё раз повернул лодку. Через борт перекатилась волна.

– Достаточно! – прокричал отец, и мы оба повернулись к нему. – Это опасно!

Но Джаспер с ним не согласился. Казалось, он забыл, что мы на яхте новички.

– Мне решать, что опасно и что нет для моего корабля. Видишь это? – он показал на свою капитанскую фуражку. – Я за всё отвечаю!

Джаспер улыбался и говорил негромко, словно они с отцом вовсе не ссорились. Но они ссорились. Отец потянул меня от штурвала.

– В таком случае веди сам, – сказал он с холодной улыбкой.

Отец повернул рукоятку и выключил музыку. Разница в звуке оказалась пугающей. Внезапно остались только ветер и море. Но отец по-прежнему следовал правил/ «взрослые не ссорятся при детях». Он произнёс:

– Всё в порядке, Эйдан. Не о чем беспокоиться. Я просто немного разволновался. Можешь назвать меня старым жалким трусом.

И потрогал ушиб на голове.

Мы молча плыли вдоль берега – обратно в Кулверкотский залив. Потом Джаспер повернулся к отцу и спросил:

– Выпьем?

– Выпьем?

Отец переспросил таким тоном, словно Джаспер предложил ему искупаться голышом.

Джаспер почесал подбородок:

– Ну да. Выпьем.

Он открыл небольшой шкаф и показал на несколько незнакомых мне бутылок.

– Ром, – объяснил он, видимо, прочитав мои мысли. – Лучший друг моряков.

Боковым зрением я заметил, как отец закатил глаза.

– Это, э... слишком рано для меня, Джаспер. – сказал он. – Но ты пей, конечно.

Если бы у бутылки была пробка, то Джаспер непременно вытащил бы её зубами, словно какой-нибудь киногерой. Но ему пришлось отвинтить крышку и снять её обычным образом. Затем он сделал большой глоток, издал звук: «Агхх!» и вытер губы. Выглядел он при этом смешно.

Больше ничего за время нашего плавания сказано не было. Отец, я видел, кипел от возмущения. Джаспер же, сделав ещё пару глотков рома, перестал корчить из себя Джека Воробья. А я незаметно слинял на корму.

Когда мы шли по пирсу, я чувствовал себя сонным и неуклюжим. Отец ответил на звонок мобильного телефона. Его голос звучал встревоженно.

– Она – что? Полиция? Через забор на заднем дворе? Но... Ох. Ой. Ладно.

Отец повернулся к нам и сказал:

– Либби нашла того мальчика.

От этих слов я немедленно проснулся. И пошатнулся. Джаспер схватил меня за руку, не давая упасть.

– Хотя он опять убежал, – добавил отец.

Меня закачало вверх-вниз, словно я ещё был на лодке.

Глава 41

Моя младшая сестричка выполняла упражнение, которое в лагере для скаутов называлось «Изучение своего мира». Предполагалось посещение тех мест рядом с домом, в которых ты ещё не бывал. Новый парк, новый магазин и прочее в том же духе.

Но никто не говорил, что надо перелезть через забор и найти мальчика, спрятавшегося в спальном мешке в старом сарае под сломанной неоновой вывеской «ГАРАЖ».

Однако Либби именно так и поступила.

И вот теперь, уже во второй раз за последние три дня, улица заполнилась людьми в форме – в основном полицейскими, но приехала и «Скорая помощь». Двери её были открыты, и двое врачей с беззаботным видом сидели на задней подножке.

В нашем доме находились посторонние. И напряжённая атмосфера, возникшая между мной, Джаспером и отцом, улетучилась. Происходило нечто более важное.

Тётя Алиса заваривала чай – в третий раз, уточнила она. И проворчала:

– Надень рубашку, ради бога, Джаспер.

Тот по-прежнему был в одной майке, и волосы на его груди торчали, как перья из лопнувшей подушки.

Двое посетителей – мужчина и женщина – оказались полицейскими в штатском. Ещё одна женщина представляла организацию, в названии которой присутствовали слова «ребёнок» и «защита».

Женщина-полицейский разговаривала с Либби, которая, кажется, была напугана.

– Всё нормально, малышка. Ты не сделала ничего плохого, правда не сделала, – говорила женщина ласковым голосом, но Либби, похоже, ей не верила. – Теперь расскажи мне ещё раз, что ты видела.

Либби рассказывала, а женщина делала заметки. В дверь то и дело звонили, по всему дому попискивали и жужжали мобильные телефоны. Чайник свистел, закипая; над лесом кружился вертолёт. В общем, царил полный хаос.

Затем за входной дверью раздался крик:

– Его нашли!

Новость передавали и повторяли. Повсюду звучали лающие и квакающие голоса.

– Его нашли... нашли его... нашли...

– Ведите его сюда, через чёрный ход...

– Обжёг руку, но всё не так страшно...

– Ещё не подтвердил своего имени...

– Предположительно, получил травму. Сарж, обращайся бережно...

На моё плечо легла чья-то рука. Обернувшись, я увидел Рокси.

Она пробормотала:

– Удивительно, да?

Казалось, Рокси совсем не пугали возможные неприятности из-за нашей «помощи преступнику», не знаю как ещё назвать то, что мы сделали. Я не разделял её спокойствия. Мой желудок – и так слегка больной после прогулки по морю – снова скрутило.

Через дыру в заборе пролез полицейский в штатском и поманил к себе даму из «защиты», которая намеренно потопала в другую сторону.

Затем всё стихло минут на двадцать. Полицейский-мужчина негромко говорил с папой, мамой и тётёй Алисой. Напарница его с блокнотом обходила всех присутствующих, записывая их имена, адреса и прочее. Она остановилась возле тётёи Алисы.

– Мадам, вы живёте здесь?

– О нет, офицер, – и тётя Алиса продиктовала свой адрес в Уокворте, дальше по берегу.

– Ваше полное имя?

– Алиса Гук. Миссис. Через «г».

Женщина-полицейский всё записала.

Затем на краю сада что-то задвигалось. Через дыру в заборе протиснулся полицейский, за ним появился очень грязный и насквозь промокший Альфи, а следом – ещё один полицейский в штатском.

Они продефилировали через сад и зашли в кухню. Те, кто был в кухне, отошли в сторону, пропуская их.

Альфи и выглядел так, словно на него навесили плащ несчастья, тяжёлый, как утюг.

Когда он увидел нас с Рокси, глаза его полыхнули яростью. Альфи промолчал, но я знал: он думает, будто мы его предали, рассказав о нём Либби.

Я не мог ничего поделаться. Не скажешь ведь: «Мы про тебя никому не говорили, Альфи». Это показало бы взрослым, суевающимся в кухне, что мы тоже причастны к происходящему. Поэтому мы с Рокси хранили молчание, а Альфи злился.

Секунд десять он стоял, грязный, без рубашки, и все молча на него смотрели.

А посмотреть было на что: слипшиеся волосы, сверкающие блёстки на джинсах, странная расплывшаяся татуировка на спине и шрамы на плече.

Либби оглядела его с ног до головы, но, к счастью, не опознала свои джинсы. Наверное, они были слишком грязные.

Через толпу людей, собравшихся на кухне, пробрался Джаспер. Он повёл себя странно. Наклонился над Альфи и стал изучать его, словно экспонат в музее: чуть опустил тёмные очки, заглянул с левого бока, затем с правого, а после развернул Альфи спиной к себе, чтобы посмотреть на татуировку.

Казалось, Альфи не возражал, что его разглядывают. Думаю, он был просто ошарашен, и это изучение для него составляло неотъемлемую часть поимки.

Джаспер вдруг заморгал и вытаращился на Альфи. Потом заметил, что я на него смотрю, и тут же отвернулся. Альфи, который глядел в пол, ничего не заметил. Джаспер же продолжал поглядывать на одно и то же место. Я понял: он таращится на шрамы. Его обычно румяное лицо стало совсем белым.

Что ни говори, Джаспер вёл себя странно. Да и всё дальнейшее нельзя было назвать нормальным.

Вмешалась женщина-полицейский.

– Простите, сэр?

Джаспер посмотрел так, словно его вырвали из транса. Он оттянул ворот рубашки, и тогда я увидел два горизонтальных шрама на его плече – в том же самом месте, что и у Альфи.

Маленький знак равенства.

«Странно», – подумал я.

Но среди кухонной суматохи не стал на этом заикливаться.

– Простите, сэр? – повторила женщина-полицейский.

– Что? – спросил Джаспер.

– Нам нужно кое-что уточнить у вас, пожалуйста... Она вытащила блокнот.

Я поискал глазами Альфи, надеясь, что смогу отойти с ним в сторонку и всё объяснить. Но его уже увели в ожидавшую полицейскую машину.

Глава 42

Было ли это совпадением?

Двойной шрам, похожий на знак равенства.

Неизвестно.

Я видел его руку лишь мельком. И конечно, мог ошибиться. Стресс, пожар, мама, всё остальное... Я не мог соображать трезво.

Завёрнутый в одеяло, я сидел в полицейской машине. Люди через мою голову переговаривались по телефонам и рации. Голубые вспышки света отражались в зеркале заднего вида. А чересчур надушенная женщина поглаживала мою руку (что, вообще говоря, сильно раздражало).

Когда все, кого ты знал и любил, исчезают за одну ночь, способность выносить суждения может быть утеряна.

Чья способность? Твоя, конечно. Видите, я даже говорю не так, как вы, хотя я пытаюсь. Я очень, очень стараюсь.

Как вам такое?

(Мы с мамой слушали беспроводной громкоговоритель. Люди в нём говорили не так, как живущие рядом с нами. Я пытался повторять за ними, но у меня не получалось. И те, с кем я изредка вступал в беседу, не без оснований считали, что у меня странное произношение.)

Раздался голос, словно издалека:

– Альфи! Ты в порядке, Альфи?

Затем голос стал громче.

– Альфи!

Я повернул голову. Голос на самом деле не был громким. Говорила женщина, сидевшая рядом со мной на заднем сиденье. Она гладила мою руку всё сильнее и сильнее. Я хотел руку убрать, но это могло показаться грубым. Так что я ещё немного потерпел, а потом сказал: «Пожалуйста, перестаньте».

Она взглянула на пальцы, вздрогнула и убрала их.

Всё же вышло грубо? Но ведь я сказал «пожалуйста».

– Мы отвезём тебя в безопасное место, Альфи, – сказала женщина. – Ты вымоешься и поешь. Готова поспорить, ты голоден, дорогой.

Я ничего не ответил. Есть мне совсем не хотелось. Сегодня утром, перед тем как предать меня, Рокси принесла нарезанный хлеб, сыр, два яблока, банан и завернутую в фольгу куриную ножку. Я съел всё, как съедает приговорённый к казни свою последнюю порцию.

Затем маленькая девочка (кажется, Либерти?) сделала за них всю грязную работу.

Я был один в своём убежище, которое Рокси забавно именовала гаражом. Умная девочка. Мама назвала бы её велеумной, что означает: толковая и быстро соображает.

Про Эйдана мама сказала бы: ренегат. Предатель. Я умолял их никому не говорить. Но они выдали меня сестре Эйдана. А она разболтала всем.

И вот я сидел в полицейской машине с одеялом и женщиной по имени Санжита. Она была инспектором Отдела по защите прав ребёнка, что бы это ни значило.

Санжита рассказала о себе певучим голосом и с придыханиями, словно мне было лет шесть.

– Привет, Альфи. Меня зовут Санжита. Я уполномоченный инспектор Отдела по защите прав ребёнка, работаю с полицией. Моя задача – обеспечить твою безопасность. Ты разрешаешь мне вступить с тобой в физический контакт?

Думаю, она говорила это много раз. Заучила нужные фразы наизусть – как актёры, играющие в пьесах, которые мы с мамой очень любили. Вообще я к ней не прислушивался. Мои мысли всё время возвращались к тому человеку на кухне у Эйдана.

Двойной шрам. Точно совпадение, подумал я.

Интересно, что сказала бы мама. Женщина в джинсах и сандалиях будет защищать меня, Алве Эйнарсона, сумевшего спасти свою мать от медведя. Я на него заорал – в те давние, давние времена, когда всё было по-другому. (Во всяком случае, тогда были медведи. Ну хотя бы один.)

Всё вокруг наводило меня на мысли о маме, и я почувствовал, что по щеке моей течёт слеза. Санжита увидела это и снова начала гладить

мою руку. Но я посмотрел на неё, и она перестала.

«Можем мы наконец ехать? Почему на водительском месте никого нет? Давайте же, вы меня нашли, чего теперь ждать?» – думал я.

Вот как всё вышло.

Я сидел в гараже и вдруг услышал чьи-то шаги. Думая, что это возвращается Рокси или Эйдан, я не стал прятаться. И напрасно. Надо было лучше соображать. Дверь открылась, Либби (теперь я вспомнил её имя) вошла и увидела меня.

Маленькая девочка, лет семи-восьми. Я сразу понял: меня предали. Никто не пришёл бы, если бы не знал, что я здесь.

Бросив всё, я побежал в лес. Никто не знал этот лес лучше меня. Я мог бы легко затаиться на некоторое время – пока меня ищут. А затем вернулся бы в гараж и начал воплощать план, придуманный вместе с мамой.

Смешно. Нереально. Фантастика. Да, знаю, но я пребывал в отчаянии.

В северной части леса была яма – углубление под упавшим деревом, которое заросло утёсником и колючим можжевельником. Такое не заметишь, просто проходя мимо.

Услышав, как в небе глухо гудит вертолёт, я должен был понять: мне не позволят просто исчезнуть и спокойно заняться своими делами.

Сначала я услышал голоса, потом шаги. И глубже забился в свою расщелину. Но там были не только люди.

Собака.

Полицейский пёс нашёл меня в яме. Он яростно принялся, потом заскулил. В гараже осталась моя футболка. Видимо, собаке дали её понюхать, и, как говорится, «игра была окончена». Этого и следовало ожидать.

– Выходи, сынок, – сказал кинолог в яркой жёлтой куртке. – Не поцарапайся о колючки.

Я подумал, не стоит ли сбежать. Но смысла явно не было.

Оставалось смириться с судьбой и надеяться, что всё не так плохо, как мне казалось.

Я здорово ошибался!

Водитель сел в машину и задним ходом выехал на улицу. Началось путешествие, куда более ужасное, чем я мог вообразить.

Но в тот момент я пытался ответить на вопрос, который, как таракан, вертелся у меня в голове.

Говорить ли правду?

Глава 43

Конечно, говорить правду не стоило. Я уже рассказал правду Эйдану.

Я ему доверял. И через несколько часов оказался на заднем сиденье полицейской машины. Это доказывало: в подобных ситуациях разглашение правды – по меньшей мере неразумно.

Кроме того, полицейские, возможно, уже знали. С чего бы Эйдан и Рокси – ей он, конечно, всё рассказал – стали скрывать информацию о возрасте? (Ведь они выдали моё местопребывание!) Зачем им это? Скорее всего, было так:

– Мы знаем, где находится мальчик, которого все ищут. И знаете что? Он утверждает, будто ему тысяча лет!

Поэтому я ничего не сказал, вообще ничего. Эта тактика спасала нас с мамой бессчётное количество раз. Если вы молчите, ничто не может быть использовано против вас.

К счастью, женщина по имени Санжита не забрасывала меня вопросами. Она вообще мало говорила, делая исключения лишь для важной информации и инструкций. Таких как:

– Хорошо, Альфи. Сейчас мы поедem в полицейский участок в Норд-Шилдсе, но тебе не о чем волноваться. Ты не сделал ничего плохого. Там есть поликлиника, и мы покажем твою руку доктору, ладно?

Я кивнул. У меня ломило виски. На пожаре я потерял свои тёмные очки, и от солнечного света глазам было больно.

Странные события этого дня ещё не закончились. Едва машину завели, как из дома Эйдана вышел бородатый человек, который находился в кухне, когда меня туда привели. Родственник? Друг?

Двойной шрам.

Он прошёл через толпу и постучал в окно машины. Я вжался в сиденье. В этот момент между человеком и стеклом возникла рука полицейского.

– Прошу прощения, сэр?

– Мне нужно поговорить с Альфи, – ответил человек и наклонился к окну. – Альфи! Альфи!

– Сэр, сэр. Извините, но... вам нельзя...

– Даруйте мне свободу, офицер!

– Сэр, я прошу вас прекратить. Вы родственник?

– Нет. Нет. Просто мне нужно...

– Сэр, если вы будете дальше сопротивляться, то, боюсь, мне придётся...

– Джаспер! Что тут происходит?

Какая-то женщина – наверное, мама Эйдана – возникла в дверях дома и принялась кричать на этого типа, Джаспера.

Тем временем машина задним ходом вырулила на проезжую часть. Когда мы развернулись, я вытянул шею. С тем человеком разговаривали полицейский офицер и женщина. Кажется, он сильно волновался.

– Кто это? – спросила Санжита.

Я покачал головой и ответил:

– Понятия не имею.

Это было правдой.

Сквозь туман в голове я думал о словах, которые произнёс тот человек: «Даруйте мне свободу, офицер!»

Так никто не говорит. Правда же?

Но было и что-то ещё. Какое-то неясное ощущение. Оно длилось всего мгновение, секунду, пока он смотрел мне в глаза через окно машины. Когда я попытался вернуть это ощущение, оно ускользнуло, как живая рыба, которую пытаешься вытащить из бочки с водой голыми руками.

Ощущение, будто я видел его раньше. И от ощущения этого мне не было хорошо.

Глава 44

Остаток дня прошёл так: ко мне снова и снова подходили люди, тихо со мной разговаривали и притворялись моими друзьями, чтобы вытянуть какую-нибудь информацию.

В полицейском участке меня отвели в комнату, на двери которой висела табличка «СЛУЖБА СЕМЬИ». Там были диваны, и телевизор

показывал пустой комнате мультфильм про рыбку. Возле книжного шкафа стояла игрушечная полицейская машина из пластмассы. В шкафу были комиксы, пара стопок детских книг в тонких переплётках и ящик с мягкими игрушками.

Санжита указала на книги и спросила с доброй естественной интонацией, которую она явно долго отработывала:

– Ты хорошо умеешь читать и писать, Альфи?

Сказать правду? А правда была бы такова: «Благодарю вас, мисс Прасад. Я в совершенстве владею старонорвежским, староанглийским, английским средних веков и современным английским, а также французским, латынью и греческим (старым и современным, хотя они не сильно различаются). Знаю также уэльский и кельтско-шотландский диалекты, на базовом уровне».

Конечно, так я не сказал, а всего лишь кивнул. Она не хотела обидеть – просто выполняла свою работу.

Санжита отвела меня в душевую и оставила одного, выдав мыло, полотенце и кучу одежды из магазина «Марк и Спенсер». Одежда была новая, с бумажными бирками, и появилась в раздевалке словно по волшебству. Видимо, у них тут стоял целый одёжный шкаф. Я раньше никогда не носил настоящие джинсы для мальчиков – толстые, жёсткие, с качественной машинной отстрочкой. Белые туфли мне понравились. Кеды? Кроссовки? Скорее всего, это были кеды.

Обед мне принесли в коробочке из Макдоналдса с надписью «Хэппи Мил»; конечно, я о таких слышал, однако никогда не ел. В коробку для чего-то вложили пластмассовую игрушку. Еда была хорошая, но напиток оказался слишком сладким, и я просто выпил воды из-под крана.

Доктор мне попалась неплохая, но она задавала ещё больше вопросов, чем Санжита.

Сняв бинты, которые мне наложила Рокси, доктор сказала:

– Весьма недурно для домашней перевязки. Кто это сделал?

Я ничего не сказал, и она стала промывать ожог. Больно было как в адском пламени, но я стиснул зубы и не кричал.

– Ты крепкий парень, Альфи.

Я хотел, чтобы меня перестали всё время называть по имени. Бесит, когда кто-то таким образом набивается в друзья.

– Как ты получил травму?

Я молчал. «Они не заставят меня говорить».

Доктор изучила меня со всех сторон: поискала вши на голове, проверила давление, взяла образцы слюны, измерила рост, вес и всё такое прочее.

– И сколько, ты говорил, тебе лет, Альфи? – спросила она.

Карандаш замер на отпечатанном бланке, который заполняла доктор.

Я ничего не говорил. А мог бы сказать: тысяча и одиннадцать.

Но даже если сказал бы – что? Всё пошло бы иначе?

– Мне одиннадцать, – ответил я.

– Угу. Ладно. И дата твоего рождения?

Хитрая какая! Я назвал ей год, когда должен был родиться, чтобы сейчас оказаться одиннадцатилетним, и добавил:

– Первое сентября.

Чётко по плану.

Когда перевязка была закончена, а желудок наконец-то наполнен, пошли серьёзные вопросы. Я это предполагал.

Санжита привела в комнату с диванами женщину, которая назвалась Вериккой из Службы социального обеспечения. Она была в возрасте, с короткими седыми волосами и очками на цепочке. С лица её не сходило раздражённое выражение.

У обеих были толстые блокноты и стопки формуляров.

«Кажется, придётся здесь задержаться», – подумал я.

– Ладно, Альфи. Мы зададим тебе несколько вопросов, хорошо?

Я кивнул, и они начали. Сначала спросили безобидное – имя, возраст, а затем:

– Можно ли узнать про твою маму, малыш?

Я снова кивнул и назвал её имя и возраст – всё согласно плану.

Они сделали записи.

– Где ты учился в школе, Альфи?

– Я не ходил в школу. Был на домашнем обучении. На ДО.

Дэ-О – вроде бы так на их сленге?

– Понимаю, – сказала Санжита. – Но тебя нет в списке детей, находящихся на домашнем обучении.

Я пожал плечами, словно говоря: «Это ваша проблема, а не моя».

Санжита и Верикка переглянулись.

– Кто твой семейный врач, Альфи?

Я опять пожал плечами.

– Ты был когда-нибудь у врача?

Я покачал головой.

– Ты никогда не болел? – раздражённо спросила Верикка.

Я ещё раз покачал головой – мой ответ был почти правдивым. Кашель, простуда, боль в животе – да, но ничего такого, чтобы беспокоить доктора. У мамы были лекарства на любой случай.

– У тебя есть родственники, Альфи? Люди, у которых ты мог бы жить?

Я покачал головой. Это была правда. Никого, кроме мамы.

Санжита надавила:

– Совсем никого? Ни тёти, ни дяди? Может, они живут в другом месте? Друзья семьи?

В её голосе прозвучало отчаяние:

– Ну хоть кто-нибудь?

Я пожал плечами. Санжита и Верикка снова переглянулись.

Это продолжалось около часа. Я придерживался плана.

Затем на некоторое время меня наконец-то оставили одного. Но вскоре вернулась Санжита в сопровождении ещё одной женщины – я уже начал путаться в их именах. Имя этой начиналось на «Л». Она работала детским консультантом в тяжёлых жизненных ситуациях. Женщина спросила, не хочу ли я поговорить о своей маме. И когда я ответил «нет», продолжила расспрашивать меня о ней, заставляя вспоминать то, что вызывало слёзы. А я ненавидел плакать.

Женщина сказала, что мы с ней ещё встретимся и что я могу всегда позвонить или попросить о встрече (вот уж вряд ли). И что она сообщит мне, когда состоятся мамины похороны.

Потом она ушла, и появился мужчина. Чуть ли не первый мужчина, с которым я говорил за весь день. Почему-то меня это обрадовало.

Звали его Робби. Он был инспектором пожарной охраны из раздела расследований. Робби хотел узнать про пожар, и я рассказал ему всё, что знал.

Ну почти всё.

Глава 45

В тот вечер, когда это случилось, мама была на взводе – из-за того, что днём к нам во двор заявила Рокси Минто.

Как я и ожидал, вечер выдался прохладный. Мы ушли в дом и развели большой огонь.

– Помнишь, когда ты в первый раз увидел чёрного человека, Алве? – спросила мама.

Думаю, она подняла эту тему из-за Рокси. Мы много раз обсуждали то забавное происшествие, снова и снова возвращаясь к нему.

Это было чуть позже, чем началась моя собственная история, – на шестом или седьмом году правления короля Генриха, или, как сказали бы теперь, в 1107 году. Мы с мамой в то время жили в Джарроу. Некогда там стоял известный монастырь, но мы уже застали его в сильно разрушенном состоянии.

В монастыре жил настоятель – главный монах, а также множество молодых мужчин и мальчиков старшего возраста, включая меня. Они учились читать и готовились стать монахами.

Это было сонное и безлюдное место. Никто не задавал нам с мамой лишних вопросов. Мама проводила много времени с настоятелем, которого звали Поль.

Монахам, конечно, не позволялось заводить жён или любовниц, но многие втайне это себе позволяли. Все знали про маму и Поля, но никому не было до них дела. А если и было, то никто ничего не говорил. Однажды я спросил маму, влюблена ли она в Поля. В ответ она улыбнулась: «Можно сказать и так».

Поль знал наш секрет. В те времена легенду о Бессмертных ещё не забыли. Он хранил наш секрет; мы хранили его.

К тому времени мы уже повидали много разных людей из разных стран. Прежде всего датчан, приплывших сюда из-за моря. Также в наших местах было много шотландцев, которые не пользовались популярностью. Впрочем, это зависело от их диалекта. В какие-то годы встречалось больше людей, говорящих на языке франков – они явились из нынешней Франции со своим королём-завоевателем по имени Вильгельм. Позже в северной части Англии он показал себя жестоким правителем. До наших же мест он так и не дошёл.

В тихом Джарроу иногда по несколько лет не появлялись иноземцы. Но однажды в наш приорат явился Иоханнес.

Он был молод, кожа его цветом и блеском напоминала угольную пыль, разлиновавшую наш берег. Никого похожего на Йоханнеса мы ещё не видели.

Он хотел учиться с нами, молиться с нами и влиться в наше общество.

Йоханнес пришёл пешком из Монквирмута, который находился дальше по берегу. Когда он появился в деревне, люди очень удивились. Они останавливались и глазели на него. Одна пожилая женщина даже вскрикнула от изумления. Вместо монашеского платья он носил обычную одежду: штаны и шерстяную накидку, подвязанную кожаным поясом.

Думаю, это было самое удивительное: он одевался так же, как мы.

Конечно, старый Поль его ждал и вышел поприветствовать. Он улыбнулся, пожал Йоханнесу руку и провёл в монастырь. Там о приезде ничего не слышали.

Конечно, я знал про чёрных людей. Далеко-далеко, в месте, которое теперь называется Африкой, жили мужчины, женщины и дети с чёрной блестящей кожей. Кровь у них была такая же красная, как у меня.

Впрочем, я много чего слышал от путешественников. Мог ли я быть уверен в чём-то, касающемся Йоханнеса? Как Святой Фома, который сомневался в явлении Христа после его смерти на кресте, я нуждался в доказательствах. Однажды я попытался отскрести краску с лица Йоханнеса. Потом долго рассматривал свои пальцы, но следов краски так и не нашёл. Тогда я поскрёб его руку, и он засмеялся. Это был добрый смех, без всякой злобы. «Многие так делают», – сказал Йоханнес.

– *Scholasticus bonus es, o amice!* – добавил он на латыни. – Ты хороший ученик, Друг мой!

И пояснил:

– Учёные должны задавать вопросы и находить ответы!

Все учёные (в то время – одни мужчины) говорили по-латыни. Этот язык использовали для общения образованные люди из разных стран.

Конечно, мы все разговаривали и на наших родных языках. Дома с мамой я по-прежнему говорил на старонорвежском. С монахами в Джарроу – на англосаксонском диалекте, который теперь называется старым нортумбрийским.

Понимали мы и другие виды англосаксонского диалекта. Я осваивал язык франков и овладел греческим – на нём была написана большая часть Святой Библии, которую я, молодой писец, переписывал много раз.

Мы с мамой смеялись, вспоминая Йоханнеса. Он был хорошим другом. Прожив несколько лет в Джарроу, Йоханнес – как часто бывало с монахами – ушёл, вооружённый знаниями и Божьим словом.

Примерно тридцать лет спустя Йоханнес, направляясь в собор в Дареме, снова прошёл через Джарроу. Он превратился в довольно упитанного человека средних лет. Но улыбка у него была такая же тёплая, как и раньше.

Йоханнес присел к нашему очагу, посмотрел на нас и, поколебавшись, спросил:

– Бессмертаны?

Он знал. Мы ему доверяли и потому кивнули. Йоханнес улыбнулся, медленно качая головой:

– Чудны дела твои, Господи!

Мы тоже улыбались, хотя знали, что это не святое чудо, а наука. Ал-Химия, как мы её называли. Алхимия.

В тот вечер в нашем «Дубовом хуторе» я пародировал для мамы голос Йоханнеса. Ей казалось это забавным, и она с удовольствием вспоминала те времена.

– Чудны дела твои, Господи! – говорил я, а мама хихикала, может быть, уже в двухсотый раз.

Я бросил в огонь ещё одно полено. Плохое полено. Весь день я ленился и принёс дрова из ближайшей к дому поленницы – ещё не просушенные должным образом.

Дерево, которое само упало – уже сухое и мёртвое, – обычно сразу годится для очага. Но эти дрова были нарублены из дерева, которое ранней весной сломал ураган. Мама неодобрительно цокнула языком:

– Алве! Кажется, ты принёс новые дрова?

Робби, конечно, всё знал об огне. И я не стал рассказывать ему о дровах, как и о Йоханнесе. Зато рассказал остальное.

Глава 46

Мама отправилась спать, сказал я пожарному инспектору. Я же, как часто бывало, вышел поохотиться на кроликов.

Не торопитесь меня осуждать. Я охотился не для развлечения. Я охотился, чтобы у нас была еда. Говорю об этом, поскольку знаю: в двадцать первом веке некоторые люди, особенно горожане, болезненно относятся к таким вещам.

(Для охоты у меня была праща. Сейчас пращами не пользуются, но это очень действенное оружие. Моя представляла собой длинный кожаный ремень с небольшим мешочком посередине. Я сделал пращу много лет назад и пользовался ею довольно умело. Ещё у меня был отцовский нож. Лезвие его за столько столетий почернело и истончилось от многократных затачиваний.)

Однако об этом я Робби ничего не сообщил. Сказал, что пошёл прогуляться.

– Ночью? – спросил он, стараясь скрыть удивление.

К северу от нашего леса находится большое поле, на которое прохладными весенними ночами приходят кролики. До недавнего времени людей я там не встречал. Но когда построили новые дома, на поле стали выгуливать собак. И мне пришлось охотиться реже. Не хотелось попасть в чью-нибудь собаку или тем более – в человека.

Я взял большой налобный фонарь. Однако луна – почти полная – светила очень ярко, и мне не нужно было освещать дорогу. Поэтому я включил фонарь только на поле, направив луч на землю. Свет фонаря отражается в глазах кролика, и ты сразу видишь свою добычу.

Заметив одного, я медленно достал пращу и вложил в неё шарик примерно полутора дюймов в диаметре. Не отрываясь, я смотрел на блестящие глазки кролика и раскручивал пращу за тонкий ремешок. И тут заметил нечто странное. Какой-то новый свет на юге – очень слабый, серо-оранжевого цвета.

Цвета пожара.

Извините, но, думаю, вам не часто доводилось видеть, как горят дома, города, корабли.

Мне доводилось.

Я сразу понял, что произошло, и побежал в лес, отталкивая ветки, поскользываясь на мху, задыхаясь и кашляя. Внутри меня разрастался ужас. Я чуть не споткнулся о Биффу, выскочившую из леса, и осознал: случилось нечто кошмарное.

– Биффа! Биффа! Иль! Идь! – кричал я, но кошка даже не повернулась в мою сторону.

В панике она бежала по полю, словно за ней гналась собака.

Тогда в моей голове раздался голос Рафеля, учившего меня боевым искусствам: «Успокойся, Алве. Твоё сердце нуждается в свежем воздухе». Я пытался дышать медленнее и глубже, но у меня плохо получалось.

Находясь в чаще леса, я не видел оранжевого зарева и не чувствовал запаха дыма. Но ближе к дому ошибиться было уже невозможно. Ещё несколько ярдов, и я услышал завывание на высокой ноте и треск.

Я стоял, задыхаясь, на лесистом склоне и смотрел на свой дом, наш дом, превратившийся в бушующий, ужасный ад. Жёлто-оранжевое пламя лизало деревья, и они словно съживались от жара.

Мысль у меня была только одна, и я снова и снова кричал изо всех сил, напрягая сожжённые дымом лёгкие:

– МА-А-А-А-АМА-А-А-А! МАМА! МА-АМА-А!

Я даже не мог подойти ближе. Некоторые курицы смогли убежать, одна из них хлопала крыльями у моих ног. Другие остались запертыми в курятнике. Дверь в сарай, где жила коза Эми, была широко открыта.

В бессильном ужасе я смотрел, как стекло в окне трескается, а затем лопается от жара. Может, всё-таки подойти? Понять, что случилось с мамой? Я спрыгнул во двор – туда, где вчера Рокси Минто разбила голову. Спасать маму было опасно, но я, не в силах рассуждать здраво, побежал к углу горящего дома, по дороге прихватив ведро с водой.

Я вылил воду на лестницу позади дома, предполагая, что мне удастся забраться на второй этаж, где уже свирепствовал пожар. Лестница зашипела, и на короткое время у меня вспыхнула надежда. Но уже через секунду вода испарилась и пламя забушевало с новой силой.

Затем здание рухнуло. Деревянная перемычка над уже сгоревшей дверью обвалилась и ударила меня по руке, оставив ожог. Я завопил.

Потом отскочил и снова позвал:

– МАМА! ГДЕ ТЫ?

Меня накрыло облако дыма, и я закашлялся.

Вдруг в голову мне пришла ужасная и уродливая мысль. Странно, но даже в такой жуткий момент некая часть моего мозга была способна спокойно и детально анализировать ситуацию.

Не знаю, может, я на себе прочувствовал, что в минуты величайшей трагедии «всё замедляется». Впрочем, время для меня не замедлилось. Но некоторые вещи стали яснее, словно камера сфокусировалась на деталях обычно смазанной картинки.

И я подумал: «Не пришло ли время воплотить план?»

В дыму, ужасающем жару и грохоте разрушения одна лишь эта мысль была яркой и ясной, как звон монастырского колокола морозной зимней ночью.

Из-за огня и жара мне приходилось отходить всё дальше. Рука болела, а глаза щипало до слёз. Я снова и снова звал маму. Удалось ли ей спастись? Если да, то она, конечно, меня найдёт.

Затем я услышал завывание сирен и побежал вверх по склону. Я мчался в панике и ужасе, пока на глаза мне не попался тот старый сарай. Тогда я открыл дверь ключом, который – я видел – маленькая девочка прятала под камень.

Вот и всё. Вот что было той ночью, когда умерла моя мама.

Я посмотрел на Робби. Тот перестал писать. В глазах его стояли слёзы, что меня немного испугало.

Он громко шмыгнул носом и уставился на свои туфли, качая головой.

– Мне так жаль, так жаль, Альфи. Правда, сынок, очень жаль.

Похоже, его всё это потрясло. Молчать было неудобно, и я спросил:

– Моя мама?..

Он поднял голову:

– Да?

– Она... она...

Я никак не мог сформулировать свой вопрос, и Робби пришёл мне на помощь.

– Хочешь спросить, было ли ей больно? Казалось, он подбирает слова.

– Нет, – произнёс наконец Робби. – Нет, не думаю.

Я сглотнул.

– Спасибо.

И добавил:

– Вы не видели кошку? Чёрно-белую?

Он покачал головой:

– Увы, сынок.

Я уже забыл, что в углу сидит Санжита. Но тут она поднялась и сказала:

– Благодарю вас, Робби. Думаю, на сегодня Альфи достаточно.

В кои-то веки её уверенность, будто она лучше знает, что для меня хорошо, не вызвала раздражения.

Мне правда было достаточно.

Глава 47

Санжита отвезла меня в дом на высоком берегу Кулверкота – большую виллу под названием «Дом графа Грея». По обеим сторонам от входной двери располагались квадратные колонны. В доме были высокие потолки, стояли запахи еды и дешёвого освежителя воздуха.

Детский дом. Мой дом.

Мне тысяча лет, и я живу в детском доме.

Я скучал по маме. Скучал по Биффе. Жизнь кажется намного лучше, чем она есть, если ты можешь погладить кошку.

И всё же в последние несколько часов я думал только о человеке с бородой и шрамами – такими, как у меня. Конечно, они мне привиделись.

Конечно?

Я был уверен, что знаю этого человека. Откуда-то. Но воспоминание раз за разом ускользало от меня.

Глава 48

Пожалуй, это было странно.

Джаспер, выбежавший из дома; мама, которая бросилась за ним и чуть ли не оттащила его от машины – во избежание ареста или чего-то в этом духе.

Отец видел всё из окна.

– Он чокнутый. Честно, Мэри. Я уверен, с ним что-то не в порядке.

– Тсс, Бен, – сказала мама: к нам подходили тётя Алиса, которая ничего не знала, и Либби.

– Бедный мальчик! – произнёс Джаспер, возвращаясь в дом.

Он осклабился, продемонстрировав длинные зубы, затем поднял руку и помахал полицейским, которые всё ещё крутились поблизости.

– Спасибо, земляки! – сказал Джаспер, словно они оказали ему любезность.

По мне, именно это полицейские и сделали, не арестовав его.

Джаспер, кажется, расслабился и успокоился. Но я был уверен: он притворяется. Возможно, чтобы вычислить неопытного лжеца, требуется такой же неопытный лжец.

– Ох, бедный маленький мальчик. Я всего лишь хотел пожелать ему самого лучшего, понимаете?

– Точно? – спросил отец.

Прозвучало немного агрессивно, но Джаспер либо не заметил этого, либо предпочёл не показывать вида.

– Да. Случившееся с ним – немыслимо тухло! Я хотел ему сказать, что ситуация непременно улучшится.

Тётя Алиса всё пропустила, болтая на кухне с женщиной-полицейским, с которой вместе училась в школе.

– Что такое? – невинно спросила она.

Джаспер ответил первым.

– Ничего такого. Я просто пытался ободрить парнишку. Он казался таким потеряннным. Но полицейские сказали, что сейчас не время и не место. И знаете, если рассуждать здраво, возможно, они были правы.

Джаспер развернулся и пошёл наверх.

– В любом случае – посмотрите на часы. Нам пора идти, Алиса, старая моя вкусняшка.

Серьёзно, именно так он и сказал. Через полтора часа они уехали на свою лодку в Кулверкот. Папа предложил их подвезти, но Джаспер отказался. Он вызвал такси по телефону.

Атмосфера была в высшей степени странной. Все выглядели нормально, но при этом чувствовали себя не в своей тарелке. Либби ушла наверх и даже не спустилась попрощаться.

Когда такси отъехало от дома, папа пробормотал:

– Будь я проклят! Век бы его не видеть!

Мама игриво шлёпнула отца по руке:

– Бен! Это мой зять!

– Такой зять – подальше гнать, – недовольно пробормотал отец.

Глава 49

Все эти ночи я спал плохо. Когда вам будет столько лет, сколько мне, у вас накопится много воспоминаний, готовых превратиться в ночные кошмары.

Вновь и вновь я видел лицо бородатого человека – в тот момент, когда он наклонялся к окну автомобиля. И каждый раз я пытался вытащить из памяти нашу с ним прежнюю встречу, но воспоминание ускользало. Я просыпался, весь в поту, в темноте жаркой ночи. Спать приходилось под пуховым одеялом, а я привык к покрывалам и простыням.

Ел я мало. Мы с мамой привыкли к простой пище. Уж не знаю, почему, но в Доме графа Грея нам давали иностранные блюда вроде карри, спагетти или цыплёнка по-итальянски, от которого у меня жгло рот, как огнём.

Нормальной едой была пицца. Против неё я ничего не имел.

Я пробыл в Доме графа Грея неделю, и все, от Санжиты, с которой я встречался ежедневно, до персонала детского дома (им руководила тётушка Рита, дама слегка устрашающей наружности), относились ко мне по-доброму. Кроме меня там было ещё восемь воспитанников разных возрастов. Две девочки мне улыбались, но я не был в настроении разговаривать. Последний человек, которому я рассказал правду, выдал меня полиции. Теперь мне надо было научиться жить в мире лжи.

Вряд ли человек со шрамами Бессмертана знал, куда меня поместили. Плюс я не был уверен в том, что всё это не сочинил.

Думать так было легче. По крайней мере, какое-то время.

Затем встал вопрос о похоронах мамы. Конечно, я знал, что они будут. Санжита спросила меня, хочу ли я пойти. Я сказал «да». Я видел больше похорон, чем кто-либо другой, включая очень старых людей.

За два дня до похорон мне попала на глаза заметка в местной газете:

«Жертва лесного пожара:

"простые" похороны несчастной матери»

Санжита также спросила меня, хочу ли я участвовать в организации похорон, но я ответил «нет».

Субботним утром мы – я и тётушка Рита – стояли возле Дома графа Грея и ждали Санжиту. Она должна была отвезти нас в Крематорий Уитли, где мёртвых сжигали, вместо того чтобы опустить в могилу.

Я думаю, мама бы это одобрила. Однажды мы с ней видели похороны тана (или лорда) викингов. Он был датчанином, но ему нравились старинные традиции викингов, которые являлись частью семейного наследия. К тому времени уже четыре или пять поколений его семьи мирно жили на реке Тайн.

На пляже в Кулверкоте была построена плавучая платформа, хотя тогда там и не было деревни. Тело тана водрузили на неё, обложили дровами и морским углем^[6].

Затем платформу подожгли и столкнули в море.

Мы собрались на пляже, пели старинные песни и ели мясо, которое выставила семья тана. Все знали, что только на похоронах очень важных людей корабль сжигают по-настоящему. Не каждый мог себе это позволить. Илдор Свейн – покойный лорд – определённо не был важен или богат. Но зато он был тем, кого теперь называют снобом. Он приписывал себе больше значимости, чем имел на самом деле. Но никто не возражал: за присутствие на похоронах денег не брали.

Так что платформу подожгли и столкнули в залив, где она медленно дрейфовала по направлению к скалам. Вскоре платформа, в облаке дыма, треснула и зашипела. На следующее утро обугленное тело Илдора Свейна было выброшено на берег. Внук Свейна нашёл его и похоронил в земле.

Всё это пронеслось у меня в голове, пока я стоял возле Дома графа Грея и смотрел на залив. Было тепло, но с моря дул лёгкий ветерок.

Я словно видел то место в глубине залива, где плот Илдора Свейна развалился и затонул, забрав с собой полуобгорелое тело. Я даже слышал печальные песни, которые пели собравшиеся на берегу.

Одну из них сочинил Бэд Достопочтенный:

*Никто, в дорогу собирающийся поневоле,
заиметь не может мудрость большую..?[7]*

– Ты в порядке?

Это был голос Санжиты. Я обернулся. Она повторила:

– Ты в порядке? У тебя совершенно отсутствующий вид, Альфи.

– Извините. Вы что-то говорили?

– Нет. Но ты, ты... ты что-то пел! Что это было?

– Ничего особенного, Санжита. Прошу прощения.

Она, как часто случалось в последние дни, прищурившись посмотрела на меня. И спросила, бывал ли я раньше на похоронах.

Видимо, в тот момент я ещё не до конца пришёл в себя и сказал:

– Слишком много раз.

– Ты говорил, у тебя нет родственников, Альфи. Это потому, что все они умерли?

Санжита говорила без агрессии. Но её слова прозвучали так, будто она хотела меня подловить.

Я начал придумывать ответ, но тут тётушка Рита срочно позвала нас к ожидающей машине.

Не буду подробно описывать похороны – на них ничего такого не происходило.

Народу собралось немного.

Присутствовали я, тётушка Рита и Санжита. Для похорон Санжита купила мне какие-то штаны – не джинсы. Кроме того, на мне был тёмный свитер.

Ещё явились Верикка и пожарный инспектор Робби. Он подмигнул мне и натянуто улыбнулся. Это было любезно с его стороны. Но я бы предпочёл, чтобы пришли те, кого я знал. Друзья. Конечно, этого случится не могло. Я потерял даже кошку.

В какой-то момент возникла журналистка с фотоаппаратом. Санжита ей что-то тихо шепнула, и камеру она убрала. Не знаю, что журналистка рассчитывала увидеть. Может, множество людей?

Ещё, разумеется, был священник.

Произнесли все положенные речи, Санжита сдавила моё плечо так сильно, что я был готов просить её прекратить.

Гроб исчез за красным занавесом, словно участвуя в зловещем фокусе. И тогда это случилось. Мы развернулись к выходу, и я их увидел.

Рокси Минто и Эйдан Линклейтер стояли в маленькой часовне позади остальных.

Глава 50

– Кто это? – медленно пробормотала Санжита.

Ну и что я мог сказать? «Не знаю» было бы неправдой. Неправдой было бы и «друзья», ведь я определённо не считал их таковыми. Предательство – поступок не дружеский. Если бы они не сделали то, что сделали, я мог бы действовать согласно нашему с мамой плану.

Мы шли между рядами скамеек и вскоре должны были с поравняться с ними.

– Я, э... отойду на минуточку, ладно, Санжита?

Меня оставили в часовне наедине с Рокси и Эйданом.

– Привет, – сказали они одновременно ровным тоном, подходящим для ситуации.

– Здравствуйте.

– Я... – начал Эйдан, – я думал, что мы – я и Рокси – могли бы заглянуть и...

Мне следовало помочь Эйдану. Догадаться, что он пытается быть любезным, но не может подобрать правильные слова. Сказать нечто вроде: «Всё нормально. Спасибо, что пришли».

Вместо этого я, наклонив голову, ждал, пока он разберётся со своими мыслями.

– Твоя мама... твоя мама... у тебя не было никого, кроме неё, и э...

Рокси набрала воздуха, но я её опередил.

– Слушай. Я понимаю, что ты хочешь сказать, но, честно, я не...

Эйдан меня прервал.

– Альфи, мы тебе верим.

– Что?

– Мы верим тебе, Альфи, и твоей истории про тысячу лет, – пояснила Рокси. – Или как минимум мы тебе не «не верим».

– Какая разница?

– Много у нас пока не складывается. Но если хорошо поискать, то, думаю, можно найти подтверждения – во всяком случае, про последние несколько столетий. Слушай, если вы действительно жили несколько столетий, то почему не могли ещё столько же?

Я смотрел на них и задыхался. Бросил взгляд на Санжиту – та тихо разговаривала со священником, но, как я заметил, продолжала краем глаза следить за мной.

– Спасибо, – произнёс я наконец.

И после долгой паузы добавил:

– Но почему вы сказали полиции, где я?

На лице Эйдана отразился ужас.

– Вот что ты подумал! Альфи, я не рассказывал. Это моя младшая сестра. Честное слово. Ей только... только семь. Клянусь, я никому не говорил.

Рокси тоже была взволнована.

– Ты наш Друг, Альфи. Друзья не...

Она не договорила, потому что в этот момент подошла Санжита – воплощённая улыбка в сочетании с подобающей на похоронах мягкостью.

– Привет, – сказала она Рокси и Эйдану. – Я Санжита, представитель Альфи от социальных служб. Вы знакомы?

– Немного, – ответил Эйдан.

– Очень хорошо. Так где вы познакомились с Альфи?

– Ну, э... в... школе.

Зачем он так сказал? Я зашёл за спину Санжиты и начал делать Эйдану знаки. А в это время слово «друг», сказанное Рокси, эхом отдавалось у меня в голове.

«Можно ли ей верить? То ли она имела в виду?»

– Странно, – протянула Санжита, поворачиваясь ко мне. – Помнится, ты говорил про домашнее обучение, Альфи?

– Не в школе! – выкрикнул Эйдан, уловив мои сигналы. – Нет, не в школе. Нет. Это случилось э...

Эйдан не был ни убедительным лжецом, ни хорошим актёром. В голосе его звучала паника. Он весь был – паника. Казалось, вокруг даже пахнет ею.

Санжита, с искренним, как мне показалось, интересом, спросила:

– Да?

К счастью, вмешалась Рокси Минто.

– Ты хотел сказать, благодаря школьным заданиям, да, Эйдан?

Она растягивала слова, словно говорила с ребёнком, обладающим замедленным восприятием.

– Ты изредка помогал Альфи со школьными заданиями. Был у него всего лишь раз или два. Кажется, в основном вы занимались математикой?

Эйдан не ответил.

– Математикой, не так ли, Эйдан?

– А. Да. Математика. Да, – повторил Эйдан, кивая на каждом слове.

Либо Санжита была легковерной, либо предпочла временно оставить эту тему.

– Что же, очень мило с твоей стороны, – сказала она. – Спасибо, что пришли сегодня. Мудрый поступок.

Мы с Санжитой отправились к машине и на несколько шагов опередили Эйдана и Рокси.

– Почему ты сказал, что у тебя нет друзей, Альфи? – тихонько спросила Санжита.

Я ответил:

– Мне казалось, это правда.

Тут у Санжиты зазвонил мобильник, и она остановилась. И тогда я увидел худого мужчину с густой чёрной бородой и густыми бровями, одетого в тёмное пальто. Когда я приблизился к нему футов на тридцать, он резко развернулся и быстро пошагал в противоположном направлении.

Это точно был он.

Санжита, увлечённая своим телефоном, ничего не заметила.

Я оглянулся: Рокси и Эйдан, болтая, как раз выходили из часовни. Стало ясно: человек шёл ко мне, но потом увидел их и тут же поспешил прочь, лавируя между заросшими кустарником могилами и замшелыми камнями. Через несколько секунд он скрылся за чёрным катафалком, который застыл в ожидании покойника.

Внутри меня что-то шевельнулось. Воспоминание из далёкого-далёкого прошлого будто всплывало на поверхность, чтобы глотнуть воздуха.

Воспоминание, как ко мне приблизилось его лицо и он прорычал по-норвежски:

– Холл мюннен!

Закрой свой рот.

Запах сыра, тюленьей кожи и корабельного дёгтя.

Я смотрел на его угрожающий оскал и понимал, что лучше сидеть тихо, и я оплакивал своего отца.

Этот человек был на корабле, доставившем меня в Англию.

Дядя Эйдана – Джаспер.

Глава 51

Вы знаете, что акула может почуять каплю крови в воде на расстоянии пяти миль? Кажется, у меня то же самое с опасностью: я могу заметить её малейшие признаки. Мой нос уловил запах из прошлого, и я спросил Санжиту:

– Мы можем уехать?

– Да, Альфи, – сказала она, – а как насчёт твоих друзей?

– СЕЙЧАС. Нам надо ехать прямо сейчас.

Опустив голову, я побежал к машине. Санжита трусила позади меня, стараясь не отстать. Оглянувшись, я увидел удивлённых и обиженных Рокси и Эйдана. Мне захотелось вернуться и всё им объяснить, но я не мог, поскольку и сам ничего не понимал.

Уверен, Санжита решила, будто у меня отложенная реакция на мамину смерть и что я хочу поскорее уехать из-за горя. Поэтому по дороге домой она позволила мне предаваться своим мыслям. Но причиной было не горе. Ладно, не только горе.

Причиной был Джаспер.

Плюс осознание того, что Эйдан и Рокси солгали Санжите. Ради меня. Они сделали это ради меня.

Санжита остановила машину возле Дома графа Грея и начала что-то говорить. Я не слушал её, пока она не вытащила из сумочки нечто чёрное и не вложила это мне в руку.

– ...исключительно для безопасности, понимаешь? Я туда занесла свой номер и номер тётушки Риты.

Мобильник. У меня прежде не было мобильного телефона. Я даже никогда по нему не звонил. Я повертел его, разглядывая.

Должно быть, Санжита подумала, что телефон мне не нравится, потому что она сказала:

– Да, понимаю. Прости, что не смартфон, но для своих целей он вполне неплох.

Я не стал спрашивать, как пользоваться телефоном, – это было бы совсем странно. Решил, что разберусь сам.

Потом я лежал на кровати в своей комнате в Доме графа Грея. И смотрел в потолок. Впервые за неделю, думая о маме, я не чувствовал,

как внутри меня разверзается пустота. Но зато я ощущал ледящий, тошнотворный ужас.

Из-за Джаспера.

Я всё обдумал. Он не знал, где я нахожусь, и поэтому дождался маминых похорон, зная – или надеясь, – что я на них буду. Он собирался подойти ко мне.

Зачем, я не понимал, но цели его не могли быть благими. Все эти годы ко мне возвращалось пугающее воспоминание о заросшем бородой лице, которое склонилось надо мной на скрипящем грузовом корабле.

Страх занял место горя – и будущее не сулило ничего хорошего.

Глава 52

Мы с мамой выжили, потому что держались вместе.

В этой странной жизни мы были друг у друга. Ни один из нас не бросил бы второго на произвол судьбы. Видите ли, жемжизнь оставалась только одна. То, кто её использовал бы, смог бы жить и умереть, как обычный человек. Процесс старения запустился бы заново. Но жемжизнь была последняя, и применив её, один покинул бы другого. Ужасная перспектива.

Мама не могла использовать жемчужину и позволить мне стать свидетелем её старения и смерти. Я тоже не мог с ней так поступить. Ни один из нас не оставил бы другого.

Мы уже знали, что на самом деле не являемся бессмертными. Нестарение и бессмертие – разные вещи. Было понятно, что однажды с кем-то из нас может произойти несчастный случай, а другой при этом останется жить.

Никому из нас не хотелось остаться одному. Но мысль о самоубийстве казалась ужасной и отталкивающей.

Вместо самоубийства тому, кто останется жить, следовало воплотить такой план:

- 1. Найти последнюю жемчужину жизни.*
- 2. Немедленно её использовать и тем самым...*
- 3. Запустить прежние процессы и...*
- 4. Снова начать стареть.*

Казалось бы, всё просто. Но нет. Для начала мне надо было получить жемчужину жизни, которую мы с мамой давным-давно спрятали в секретном и труднодоступном месте. Я понимал: сделать это будет не легко, но выбора нет.

Я очень хотел вырасти и стать мужчиной. Я очень хотел, чтобы мне приходилось спешить, пока не ушло время. Я мечтал почувствовать, сколь бесценны минуты жизни, и втискивать как можно больше событий в каждый залитый солнцем день и в каждую полную прохлады ночь. Узнать, что детство – особенное время, ибо оно проходит. И завести друзей, таких как Эйдан и Рокси, которые не посмотрят на меня с удивлением и не отвернутся, увидев, что я не старею вместе с ними.

Короче говоря, я очень хотел стать старше. И, понимая, что однажды придётся умереть, не тратить свою жизнь впустую.

Вот такой получился план.

Оставалось только добраться до жемчужины жизни.

А для этого мне нужна была лодка.

Глава 53

1250 год н. э.

Несколько десятилетий назад мы уехали из монастыря Джарроу. Старый Поль совсем состарился и покинул свой пост. Он накопил достаточно денег – мы не знали как, – чтобы купить маленькую ферму на островке Коккет, рядом с побережьем.

В те времена монастыри – во всяком случае, некоторые из них – были сказочно богаты. Часть их богатств в конечном итоге шла на покупку земель и домов для отошедших от дел монахов.

Поль предложил нам с мамой работать у него: маме – экономкой, а мне – писцом. Предполагалось, что я буду делать для Поля записи, поскольку зрение его стало совсем слабым. Он обожал Биффу, возможно, единственную в мире кошку-Бессмертана. И обещал кормить её местными крабами – сколько она захочет. Ему приходилось выковыривать мясо: зубы Биффы сточились, как у меня и мамы, и она не могла больше прокусывать крабовый панцирь.

Мы с мамой прожили уже более двухсот лет. Всё это время мама хранила последнюю жемчужину жизни. Мы устроили её в маленькой глиняной коробочке размером с современную пачку сигарет и для безопасности обложили овечьей шерстью и мелким песком. На коробочке не было никаких особых знаков. Крышка прилегалась плотно, и мы запечатали её смесью из жира, пчелиного воска и сосновой смолы.

Коробочка словно стала ещё одним членом наглей маленькой семьи. Мама всегда знала, где она лежит. Переезжали мы редко, но при переезде мама бережно отколупывала печать, доставала крошечный шарик и проглатывала его для пущей сохранности. Через день или два жемчужина выходила путём, предписанным природой.

Стекло – если вы этого не знаете – очень устойчиво почти ко всем формам химического воздействия. И потому желудочный сок и процесс пищеварения не причиняли маленькому шарикуну вреда. После переезда мы мыли стеклянный шарик, наполняли коробочку песком и закапывали её в укромном месте, известном только маме и мне.

Именно так глиняная коробочка с жемчужиной жизни оказалась вместе с нами на ферме старого Поля на острове Коккет.

Очень важно было правильно выбрать место – где закопать коробочку. Не слишком влажная земля; не слишком большая глубина, иначе в случае опасности не получится выкопать её быстро. Если по каким-то причинам нам придётся спешно уехать, не забрав коробочку, то она должна лежать, никем не обнаруженная, до тех пор, пока мы за ней не вернёмся.

Место предложил старый Польш – одна из двух пещер над пляжем на восточной стороне острова, которые оставались сухими в течение всего года. Польш знал про нашу жемчужину и понимал, что надо прятать её от посторонних. Пещера была тёмной и глубокой. Позади огромного валуна находилась щель, куда я мог просунуть руку. Внутри щели, недоступная глазу, находилась песчаная площадка. В прошлом там прятали от викингов сокровища, и настоятели рассказывали о тайнике своим преемникам.

Место было идеальным. Оставленное там никто из непосвящённых не смог бы найти. А знали о тайнике только трое: старый Польш, мама и я.

Мы как следует обмазали глиняную коробочку жиром, воском и смолой. Когда смазка затвердела, завернули коробочку в прочную ткань.

В сумраке пещеры мама достала свёрток из своего платка.

Выл ветер, и топорки – некрупные чёрные птицы со смешными клювами – носились то вверх, то вниз. Старый Польш, уже почти слепой, произнёс молитву, составленную им для такого случая.

– Господь, через которого мы все можем обрести вечную жизнь... – начал он.

Голос у него был старческий и скрипучий, и он скорее гундосил, чем говорил. Мы уже начали дрожать на холодном ветру, когда Польш произнёс слова, из-за которых мама – как я заметил через полуприкрытые веки – посмотрела вверх. Она перехватила мой взгляд.

– Господи, – говорил старый Польш, – будь милостив к тем, кто отважился взять в свои руки великую власть над жизнью и смертью. Если грешно пытаться продлить свою жизнь за пределы отведённого промежутка, не прогневайся на тех, кто посмел это сделать.

Понимаете? Старый Польш просил Бога не наказывать нас с мамой за то, что мы стали Бессмертными.

Мама передала мне свёрток, и я зарыл его в трещине между валуном и стеной пещеры.

Предполагалось, что там он вечно будет в безопасности.

– Как давно тебе пришло это в голову? Как давно ты решил, будто Бог может покарать нас за то, что... мы стали теми, кто мы есть? – спрашивала мама Поля по пути домой, на ферму.

Я вёл его за руку.

– Это уже давно беспокоило меня, – сказал Польш. – Я попросил разъяснений у епископа, который всю жизнь наставлял меня своей мудростью.

Повисло молчание. Мама остановилась, ветер выл всё сильнее.

– Ты рассказал епископу? – мама пришла в ужас из-за того, что Польш нарушил наш договор о сохранении тайны.

– Не волнуйся, – попытался успокоить её Польш. – Я ничего не говорил ни про тебя, ни про Алве. Мы ограничились вопросом, что будет, если у кого-то появится такая власть.

– И всё же, – сказал я, – он может решить, что ты поднял странный вопрос. Он может подумать...

– Не страшись, юный Алве, – твёрдо произнёс старый Поль, – у епископа нет никаких подозрений. Ваш секрет останется секретом. Господь любит тех, кто любит его.

У меня такой уверенности не было.

Глава 54

Через некоторое время старый Поль умер и был похоронен в саду возле крошечной часовни. Кости его покоятся там до сих пор. Мама, я и Биффа остались жить в том же доме.

Вскоре Церковь официально попросила нас выехать – освободить жильё для нового священника. И тогда мы решили оставить жемчужину жизни в её укрытии.

– Здесь она в безопасности, – объясняла мама, пока мы карабкались к пещере по крутой каменистой тропинке. – Здесь никто её не найдёт.

Прошло десять лет с тех пор, как ветреным вечером мы проводили маленькую церемонию, а топорки носились у нас над головами. В пещере ничего не изменилось.

– Проверим? – спросил я у мамы. – Ну, что она всё ещё там?

Мама улыбнулась, в её взгляде сквозила мудрость:

– Почему ей не быть там?

– Потому что...

Слова замерли у меня в горле. Жемчужина не могла исчезнуть.

– Вот поэтому лучше оставить её здесь, Алве. Мы оба будем знать, где она. А никто другой знать не будет. С ней ничего случится. И мне спокойнее, когда её нет в нашем доме. Остров никуда не уплывёт, этот камень, – она погладила валун, – тоже никуда не укатится. Если же Господь призовет одного из нас (мама всегда употребляла это выражение вместо «умрёт» – «призовет Господь»), тогда второй придёт сюда, смешает с кровью содержимое жемчужины жизни и начнёт стареть. Если захочет, – добавила она.

Эта мысль наполняла меня благоговением. Невообразимая власть – создавать и разрушать бессмертие – таилась в маленькой глиняной коробочке, зарытой в сухой пещере в утёсе из известняка на открытом всем ветрам острове в Нортумбрии.

Она лежала там столетие за столетием. И никто её не тревожил.

Глава 55

В детском доме меня одолевали вопросы. Они толкались в моей голове, сражаясь за место и требуя ответов, которых у меня не было.

Где жил Джаспер все эти столетия?

Почему он сейчас объявился?

Что ему надо от меня?

Нужна ли ему жемчужина жизни?

Наверняка он, не подверженный старению, искал её. Шрамы на руке не оставляли сомнений на этот счёт. Видимо, как и я, он хотел со всем покончить. Но Джаспер не мог знать, где находится жемчужина жизни. Было и другое подозрение. Возможно, он знал, что я это знаю, и намерен был использовать меня.

Я посмотрел на новую школьную форму, которая висела на двери. Санжита сказала, что завтра отвезёт меня в школу и дальше я пойду своим путём.

Идти своим путём.

Завести друзей. Вырасти вместе с ними. Стать обычным.

Всё это будет возможно, если я добуду жемчужину – первым.

Часть третья

Глава 56

Первый школьный день и летний семестр^[8] начались неудачно. К концу недели всё стало ещё хуже.

Я с нетерпением ждал встречи со Спатчем и Мо, но в них что-то изменилось.

Думаю, это происходило уже некоторое время, просто я не замечал. Зато сейчас заметил. Каникулы, проведённые у дедушки Спатча в Неаполе, сплотили моих друзей, и те стали близки друг с другом куда больше, чем со мной.

Спатч сильно загорел и сделался более коричневым, чем Мо. Хотя утверждалось, что они не ходили на пляж – половину каникул пляж был закрыт из-за переполнения канализации.

– Вот, значит, почему ты такой коричневый? – сказал я, легонько шлёпнув Спатча по руке.

Он не подхватил мою шутку и притворился, что я сделал ему больно (чего на самом деле, конечно, не было).

– Ой! Что ты имеешь в виду?

– Да ладно! Ты коричневый потому, что купался в канализации.

Теперь я понимаю, что такие шутки нельзя назвать изысканными. Но вышло забавно, и я рассмеялся. Только я. Спатч посмотрел на Мо, закатил глаза и сказал:

– Линклейтер, ты безнадёжен.

Тогда я понял: хоть мы и не стали врагами, но наша тройка превратилась в двойку. И за бортом, увы, остался я.

Кроме того, что мог я рассказать о пасхальных каникулах?

«Представляете, что случилось? Я подружился с Рокси Минто. Она живёт в соседнем доме».

«Ничего себе! Круто!»

«Ну да, а вы видели по телеку тот пожар? Так вот, мальчику удалось выбраться. Его зовут Альфи, и он говорит, что ему тысяча лет».

«Как интересно. Познакомишь?»

На самом же деле меня начнут дразнить и спрашивать, не втюрился ли я в Рокси. Станут смеяться над тем, что можно поверить (даже на минутку), будто кто-то прожил тысячу лет.

Поэтому мне пришлось ограничиться рассказами про пожар и пожарные машины. Такие вещи всем нравятся. Об остальном я промолчал.

Альфи я не видел со дня похорон, которые прошли несколько дней назад. Если честно, он был тогда какой-то странный и внезапно смылся, не сказав «до свидания». Думаю, дружить с ним было бы трудно. (Представить не могу, например, что он смеялся бы над шуткой про канализацию.)

Не знаю, понял ли Альфи главное: мы пытались помириться с ним и убедить его, что мы ничего не говорили полиции.

В первый школьный день он появился на дневной линейке – в конце ряда, вместе с крикунами из класса мистера Спрингхама. Он стоял на два ряда впереди и меня не видел. Но я видел его хорошо.

Новая форма, стрижка, очки такие же, как у дяди Джаспера. На солнце они становились чёрными, а сейчас были лишь слегка затемнёнными.

С ним, кажется, никто не общался. Но для новенького это нормально.

Во время обеда по школе разнеслось:

- 1. Новенького зовут Альфи Монк.*
- 2. Это тот самый мальчик, который стал сиротой из-за пожара.*
- 3. Очень тихий.*
- 4. Говорит странно, будто английский для него не родной.*
- 5. Ужасные зубы, словно он никогда не ходил к зубному врачу.*

Ни на перемене, ни во время обеда я с ним не встретился, хоть и пытался. Наши пути пересеклись только на следующий день.

Первая неделя семестра была у нас Неделей истории региона. В письме, которое получили наши родители, сообщалось, что директор школы всю жизнь увлекался историей региона и хотел поделиться своей страстью со всеми остальными – а точнее, навязать её всем. Некоторые пришли от этой идеи в полный восторг. Бывают же такие люди!

В этом году нас ожидало «Приключение в Саксонии». В письме о нём было сказано так:

Яркая реконструкция жизни во времена древних англосаксов. Грандиозные фигуры в аутентичных костюмах. Уникальная возможность испытать, как жили наши предки более тысячи лет назад.

Вот что странно: я, пока не прочитал этого, не понимал, о чём говорил Альфи.

Тысяча лет? Она мало чем отличается от миллиона. Но теперь у меня появилось то, что директор школы мистер Ландрет называл «системой отсчёта». Альфи был из эпохи англосаксов. Представить невозможно!

В глубине души я надеялся, что экскурсия позволит мне восстановить отношения с Мо и Спатчем, но на второй день Мо заболел. (Думаю, он прогуливал. Ему всегда было достаточно чуть-чуть покашлять, и мама оставляла его дома.) Спатч же получил дисциплинарное взыскание за «хроническое невыполнение домашних заданий», и его отстранили от экскурсии. Ему пришлось в кабинете миссис Спетров доделывать проект по биологии за прошлый семестр.

На школьном дворе собралось около сотни ребят, почти все 2007 года рождения. Они ждали посадки в автобусы и шумели.

Кто-то хлопнул меня по спине. Это была Рокси. А рядом с ней стоял Альфи, улыбаясь робкой редкозубой улыбкой.

– Смотри, кого я нашла, – сказала Рокси.

Я хотел ответить, но тут возле нас возник мистер Спрингхам и объявил громче, чем нужно:

– ВЫ ТРОЕ. АВТОБУС НОМЕР ОДИН, МЕСТА 18, 19, 20. ИДИТЕ!

Рассадка по номерам? О, отлично!

До «Приключений в Саксонии» ехать надо было около часа. За это время я узнал:

- 1. Альфи живёт в детском доме в Кулверкоте.*
- 2. Там очень строгие правила и спать укладывают ровно в 9 вечера.*
- 3. Санжита и социальные службы пытаются найти Альфи приёмную семью, но скоро такие дела не делаются.*

Альфи спросил про Джаспера, причём несколько раз, что было странно. Например, он сказал: «Как твой дядя Джаспер?» Меня это

крайне удивило. Ведь если я и упоминал Джаспера, то только вскользь.

– Он э... отлично. Наверное. А что?

– Да ничего. Просто спросил.

Голос Альфи звучал притворно-безразлично, поэтому я поинтересовался:

– Ты что, знаком с ним?

– Нет. Никогда не видел. Никогда в жизни. Вообще никогда.

Хм-м. Не слишком ли много отрицаний? Похоже, плохой лжец снова раскрыл плохого лжеца. Может, в тот день, когда нашли Альфи, Джаспер повёл себя странно? Я решил пока об этом не думать.

Через некоторое время Альфи спросил:

– Как он познакомился с твоей тётей?

– Кто? Джаспер? Чёрт возьми, Альфи! Кажется, по Интернету. Но какая разница? Что тебе до них?

– Ничего, Эйдан. Просто болтаю.

Вскоре мы перестали говорить об этом, потому что произошёл Инцидент с очками.

Впереди нас сидел Иниго Деломбра – человек, от которого следует держаться подальше. Настоящим хулиганом его не назовёшь: Мо ещё в начальной школе выяснил, что, если дать ему отпор, он сразу сдувается. Проблема была в том, что Иниго к тому времени уже перерос наших учительниц (и мистера Грина) и весил около восьмидесяти килограммов. Короче, он был громадный, и, чтобы ему противостоять, требовался запас храбрости.

Когда Иниго обернулся и произнёс: «Привет, новичок», я почувствовал грядущие неприятности.

Рокси и Альфи сидели рядом, а моё место было через проход от них. Я видел, как приспешники Деломбры (оба) давились смехом, предвкушая развитие событий.

– Харибо хочешь? – сказал Иниго, глядя на Альфи.

– Что? – переспросил Альфи.

– Харибо. Один.

– Один из чего?

Боже мой, нет.

Иниго улыбнулся своим хихикающим друзьям.

– Новенький не знает, что такое Харибо.

Повернувшись к Альфи, он сказал:

– Вот! Возьми.

И протянул пакетик мармелада. На лице Альфи отразилось сомнение.

– Давай! Возьми один! Или пару! У меня есть ещё пакет. Откуда ты вообще?

– Я, ну... мой папа родился на острове Готланд, но затем мы жили... э... он, типа, датчанин.

На лице Альфи был написан ужас.

– А! Так ты из этой... как её... Датчати? Будешь печенье? Обожаю его! Поэтому ты так странно говоришь, да? И ладно, дай-ка мне посмотреть твои окуляры!

– Ты про мои очки?

– Фары, стекляшки, окуляры – давай же! Иниго протянул руку и сорвал очки с носа Альфи.

До этого момента Рокси сидела тихо, но тут она не выдержала:

– Эй! Оставьте нас в покое!

– Ух ты, Крошечная Девочка умеет разговаривать, да неужели?

Иниго наклонился к ней.

– Заткнись, спринцовка, не то я превращу твой следующий семестр в АД. Теперь насчёт окуляров. Ну-ка посмотрим, могут они затемняться?

Он надел очки и высунулся в окно.

– Ого! Затемняются. Давай, Джонси, теперь попробуй ты.

Он передал очки своему другу, который подержал их на свету, затем примерил и передал следующему, а тот – ещё кому-то.

Один мальчик спросил:

– Откуда такие очки? Они не сломаются?

Видеть выражение боли на лице Альфи было невыносимо.

Я встал и ушёл в конец автобуса. К этому моменту очки, как игрушку, передавали из рук в руки. Ребята, которые сидели сзади, понятия не имели, чьи это очки и что у Альфи их украли. Я сказал:

– Вы! Дайте подержать!

Пришлось повторить, и тогда очки передали мне. Я надел их, принял картинную позу, улыбнулся и отправился на своё место.

– Эй! Гони очки! – заорал Иниго. – Линклейтер, ты труп! И ты тоже, датчанин!

Это была всего лишь маленькая победа, но сердце у меня бешено колотилось.

Я уже вернулся на место, когда мистер Спрингхам встал и заорал на весь автобус:

– ТИХО! Я СКАЗАЛ: ТИХО! ДЕЛОМБРА – ПОЧЕМУ ТЫ ВСКОЧИЛ? НЕМЕДЛЕННО СЯДЬ. ВЫ ПОЗОР ШКОЛЫ, ВСЕ ВЫ! СЯДЬТЕ И ЛИБО

ЧИТАЙТЕ, ЛИБО ИГРАЙТЕ НА ТЕЛЕФОНАХ В СВОИ ДУРАЦКИЕ ИГРЫ! БЕЗ РАЗНИЦЫ! Я ТРЕБУЮ, ЧТОБЫ БЫЛА ТИШИНА! ЭТО ПОНЯТНО?

Прошелестело: «Да, сэр», и я через проход передал Альфи его очки. Если это не доказало ему, что наше предложение дружбы было искренним, то убедить его не смогло бы вообще ничто.

– Спасибо, – прошептал Альфи.

Он понял важную вещь.

Вы бы не прожили столько лет, сколько он, если бы не понимали сразу: с такими, как Иниго Деломбра, ссориться плохо.

Альфи ещё предстояло узнать, насколько плохо.

Глава 57

Стоит замолвить слово за «Приключение в Саксонии»: музей изо всех сил старались сделать интересным.

Проблема была в том, что именно считалось интересным. Всё в музее словно предназначалось малышам: мультяшные герои и над ними – облачка текста, как в комиксах. Например:

Найди самый большой дом.

Сколько животных на картинке?

И всё такое.

Мы с Рокси и Альфи оказались в одной группе. Нас отвели в образовательную комнату, и человек в старинной саксонской одежде произнёс приветственную речь. Мистеру Спрингхаму пришлось только один раз заорать: УТИХОМИРЬТЕСЬ!

– Салют! Приветствую вас, дети двадцать первого века! – сказал человек в старинной одежде. – Меня зовут Экфрит. У меня есть небольшая ферма на берегу реки Тайн.

И дальше – в том же духе.

Альфи, слушая его, ругался про себя и неодобрительно качал головой. Я надеялся, что никто, кроме меня, этого не видит. Но человек, который произносил речь, заметил недовольство Альфи и прервался:

– Ага! Среди нас есть неверующий! – сказал он вполне добродушно. – Изложите, молодой человек, свои сомнения. Почему вы не верите, что я настоящий англосаксонский фермер?

Не задумываясь ни на секунду, Альфи ответил:

– Вы слишком чистый.

Класс разразился смехом. Экскурсовод, похоже, был не против.

– Ну, молодой человек, вы, возможно, правы. Мыло в те времена стоило очень дорого.

– Скорее, его вообще не делали. И никто не говорил «салют» – это французское слово, которое вошло в употребление много позже 1066 года, – поправил Альфи.

– Ну, гм-м... – попытался выкрутиться экскурсовод.

– И ваша одежда не может быть красного цвета. Человек с удивлением посмотрел на свою простенькую хлопчатобумажную тунику.

– Что, правда?

– Да. Только очень богатый фермер мог позволить себе красную одежду. Красные красители были дорогими.

– Ладно, – улыбнулся человек. – Тогда я – исключительно богатый фермер!

– А почему у вас обувь, как у бедняка?

Класс снова засмеялся, и мистер Спрингхам заорал: ДОВОЛЬНО!

Он злобно посмотрел на Альфи, и тот замолчал.

Я услышал, как позади нас Иниго Деломбра прошептал:

– Считаешь себя умником, да?

Дети продолжали хихикать и перешёптываться, но уже тише. Альфи, безусловно, заметили. Я не знал, хорошо это для него или плохо.

Но произошедшее было пустяком по сравнению с тем, что случилось после.

Глава 58

Потом мы пошли к «аутентичной реконструкции англосаксонской деревни», которая представляла собой несколько круглых хижин с соломенными крышами. Увидев их, Альф и скривился, словно ворчливый взрослый.

– Как реконструкция может быть аутентичной? – спросил он. – Или одно, или другое.

Рокси его успокаивала.

– Перестань, Альфи. Тебе понравится. Ты видел такие же, когда был... э... младше.

Оглядевшись, я заметил, что мы отстали от группы.

– Великие шотландцы? – сказал Альфи. – Кто же это построил? Армия карликов?

Мы пригнулись, чтобы войти в хижину.

– Думаю, они были ниже нас, – предложила своё объяснение Рокси.

– Ненамного, – возразил Альфи.

Он посмотрел на очаг, затем – на потолок.

– Куда будет выходить дым? Здесь нет дымового отверстия. Люди задохнутся.

– Ладно тебе, – сказал я. – Может, это ошибка?

Меня немного раздражало его поведение всезнайки. В оконную щель я указал на соседнюю хижину.

– Смотри. Там есть дымовое отверстие. Дым будет выходить вон оттуда.

Он посмотрел и хмыкнул, неохотно согласившись со мной. Затем его внимание переключилось на очаг, который представлял собой сложенный из камней круг.

– Это неправильный очаг. В большинстве домов очаги были вот такой высоты, не меньше, – он показал на уровень колен.

– Почему?

– Не знаю, – раздражённо ответил он. – Просто так делали. Только у самых бедных людей не было высоких очагов, поскольку надо было покупать камни. Но самые бедные и не жили в таких домах.

– Они покупали камни? Но камни же бесплатные.

– Для очага годится не каждый камень. Камень с пляжа или из реки может расколоться от жара. Холодной зимой, когда очень хочется согреться, это совсем не желательно. Нужны были гранит или известняк, за которые приходилось платить, если их не оказывалось в

природе. А что касается его, – мы уже вышли наружу, и Альф и показывал на небольшой костёр возле хижины, – то он слишком близко к ней.

Он указал на крышу, крытую соломой и тростником.

– В любой момент может вспыхнуть. Никто не стал бы здесь разводить огонь. Пойду предупрежу их!

Он направился к человеку в саксонском костюме, который недавно с нами разговаривал.

– Нет, Альфи! Нет! – сказала Рокси.

Мне стало неловко. Альфи повернулся и посмотрел на нас.

– Почему нет? Это не только исторически неверно, но и представляет серьёзную опасность прямо сейчас.

Ну как тут было оставаться спокойным! Альфи походил на назойливую старую даму, отчитывающую молодого полицейского за то, что его сапоги недостаточно сверкают. Из-за телеги с колёсами, которая показалась (мне) очень аутентичной, мы с Рокси смотрели, как Альфи подошёл к экскурсоводу и дотронулся до его плеча. Экскурсовод в это время что-то рассказывал группе людей, похожих на жителей Китая или чего-то подобного.

Он посмотрел по направлению руки Альфи, смерил его взглядом, покачал головой, веля уходить, и снова обратился к своей группе.

Тогда Альфи потянул его за рукав. Экскурсовод разозлился, но Альфи не отставал, и я почти восхитился упорством своего друга. Группа отвлеклась и начала разбредаться. Это ещё больше разозлило экскурсовода, и он со свирепым выражением лица последовал за Альф и к костру. Я подслушал часть их разговора.

– ...значительный риск возгорания... затушен...

– ...я сообщу об этом руководству...

Человек в саксонском костюме ушёл к информационному центру. Тут же из-за угла выскочили Иниго Деломбра и его приспешники. В руках у них были пучки веток.

– Давайте, пацаны, – сказал Иниго, – кидайте!

Мы не успели им помешать, и они бросили ветки в костёр, который немедленно ожил.

– Ого! Круть! Люблю большой огонь! Вау!

Костёр быстро разгорелся, задымил, пламя стало угрожающе высоким. Когда дым рассеялся, Иниго и его помощников уже не было.

– Смотрите, – сказал Альфи, – одна искра попадёт на солому, и вся крыша вспыхнет. Она сухая как... как...

– Сухая соломенная крыша, – с невозмутимым видом подсказала Рокси.

– Да. И огонь перекинется на другие дома. Вряд ли вы видели, как горит целая деревня.

– Нет, Альфи, – сказал я. – Удивительно, конечно, но не видели. А ты?

Слова слетели с моих губ раньше, чем я понял, что говорю. Альфи – который только неделю назад видел, как сгорел его дом, – лучше многих знал об истинной опасности огня. Я начал извиняться.

– Эй, я сморозил глупость...

Но Альф и исчез. Через несколько секунд он появился с деревянным ведром в руках.

– Вы видели где-нибудь кран? – спросил он, и по его голосу было понятно, насколько этот вопрос срочный.

– Вроде бы есть в центре информации и в кафе.

– Слишком далеко. А у нас только одно ведро. Пламя становилось по-настоящему высоким. Альфи, спиной ко мне, возился с молнией на брюках. Он повернул голову и крикнул через плечо:

– Давай! Чего ты ждёшь? Надо это остановить!

– Альфи, ты спятил! Здесь музей. Ты не можешь взять и... описать экспозицию.

– Если они хотят, чтобы от экспозиции что-нибудь осталось, я сделаю это. И ты тоже, Эйдан. Давай. Рокси, тебе не обязательно.

Он уже начал. Раздалось громкое шипение, и от костра поднялось большое облако жёлто-серого дыма.

– Давай! – он пытался перекричать шипение. – Мне не хватит мочи! Я сходил после обеда.

А я – не сходил. И, если честно, уже давно высматривал туалет. Поэтому, когда начал опустошать мочевой пузырь, ощутил полное блаженство. Дыма и пара стало в два раз больше. Они поднялись выше крыш.

Альфи уже закончил и застёгивал штаны, когда мы заметили, что к нам идёт человек в тунике. Он закричал:

– Эй! Какого чёрта вы тут делаете?

– Бежим! – сказал Альфи.

Я был в середине процесса и не сумел сразу остановить такую мощную струю.

– Никак, – простонал я, но Альфи уже скрылся. Работник музея подошёл ко мне.

– Ты, маленький негодяй! – закричал он.

Группа китайских туристов вернулась, и несколько человек фотографировали меня в клубах дыма и пара. Я никак не мог завершить процесс и проклинал выпитую большую порцию кока-колы.

Единственное, что я мог сделать – это попытаться замедлить поток и натянуть штаны. Я бросился бежать, а из штанин капало. Чтобы скрыться от экскурсовода, нужно было пробраться через группу туристов. Когда я подбежал к ним, они расступились, видимо, не хотели быть забрызганными. И тут я споткнулся. Пытаясь удержать равновесие, я повернулся, но упал спиной в лужу. Ширинка у меня была расстёгнута, вид был совершенно неподобающий (вы понимаете, о чём речь). К тому же я ещё не закончил писать. Это лицезрели китайские туристы, а через несколько секунд к ним присоединился человек в шерстяной тунике и поддельной кольчуге.

– Так, ты, – сказал он, отбрасывая пластмассовый топор и хватая меня за руку, – пойдёшь со мной.

Вспышка фотокамеры завершила моё унижение.

Глава 59

У нас с Альф и были неприятности. Но поскольку Альфи был новенький и много пережил, учителя решили обойтись с ним помягче. Так что мне повезло. Они понимали: будет несправедливо обойтись мягко с ним и сурово – со мной. Поэтому мы оба легко отделались.

Конечно, никто не поверил, что мы пытались спасти крышу хижины от огня. Но я не рассказал, как Иниго и его дружки подбросили хворост в огонь. Ведь худшее, что можно сделать в школе, – наябедничать. Похоже, и Альфи это знал – он тоже промолчал. Рокси очень мудро притворилась, будто вообще ничего не видела.

Нас отчитали и отправили в автобус, сидеть там до окончания экскурсии. Обещали вызвать к директору, написать письмо родителям и социальному работнику, но мы понимали, что это только угрозы.

– В голове не укладывается, – сказал мистер Спрингхам тихо (от чего его голос прозвучал ещё более угрожающе, чем обычно). – Что за рисовка? Вам кажется, это забавно?

Я опустил голову, изображая раскаяние, которого не ощущал.

– Нет, сэр.

– Нет, сэр, – повторил за мной Альфи.

– Именно, – подтвердил мистер Спрингхам.

– Мы ведь предупреждали: огонь может нанести большой урон имуществу и людям, – сказал Альфи.

Мистер Спрингхам сдержался, но с таким усилием, что лицо его приобрело странный багровый оттенок.

Глава 60

Ходить в школу утомительно. Но это одно из самых упоительных занятий в моей длинной жизни.

Раньше я никогда не ходил в школу. Во всяком случае, в такую школу, в какую ходят дети двадцать первого века.

Я был во многих «школах», где научился многим вещам.

Но огромное здание, где детей больше тысячи и все они изучают одно и то же? И им не надо за это платить? Такого я ещё не видел.

К тому времени, когда родителей законодательно обязали отдавать детей в школу (это было в 1880 году), я уже многие столетия прекрасно умел читать и писать.

Тогда образование сделали обязательным для детей до десяти лет. А поскольку я значился одиннадцатилетним, то в школу мог не ходить. Позже возраст подняли до одиннадцати, затем до двенадцати лет, но если ты читал и писал, школу посещать тебя не заставляли.

В 1918-м, в год окончания Великой войны, обязательный возраст снова подняли, до четырнадцати лет. Тогда наша жизнь усложнилась. Нам с мамой приходилось врать властям про мой возраст и причины, по которым я не хожу в школу. У нас получалось, отчасти благодаря тому, что я был неплохо образован.

Теперь я оказался в Академии имени сэра Генри Перси.

Дети здесь были живые и шумные. С учителями они вели себя нахально, и учителя, кажется, не возражали. Хотя один из них всё время громко орал. Ученики смотрели на меня недоверчиво, но никто

не проявлял враждебности, по крайней мере в открытую. Кроме того парня, Иниго Деломбры, который, кажется, не переставая ел сладости. Он отнял у меня очки и передразнивал мою манеру говорить. Иниго делал вид, что шутит по-доброму, но на самом деле он притворялся.

И ещё в школе были Эйдан Линклейтер и Рокси Минто, мои друзья. Очень приятно иметь возможность так сказать.

Всё это отвлекло меня от Джаспера, дяди Эйдана. Я его больше не видел и начал думать, что всё выдумал. Возможно, я просто был не в себе.

Книги в школе выдавали бесплатно. Вы можете в это поверить? Любую книгу я мог получить в библиотеке, и некоторые из них оказались замечательные. В середине дня все ели. Некоторые ходили в клуб «Завтрак», где еду давали бесплатно. Представляете?!

Я не ходил в клуб «Завтрак». Я завтракал в Доме графа Грея. Другие дети ели утром мюсли из разноцветных коробок. Они насыпали мюсли в чашку, доливали молоко и ели ложкой.

(Скорее всего, вы всё это знаете, но я рассказываю на случай, если не знаете.)

Мне мюсли казались слишком сладкими, и тётушка Рита обычно готовила для меня яйца.

В первый понедельник я поехал в школу с Санжитой. Она припарковала машину напротив входа и внимательно посмотрела на меня.

– Всё нормально, Альфи? Ты очень рано пошёл в школу – после всего случившегося.

Тут у меня промелькнула ужасная мысль: Санжита не пустит меня туда. Скажет, будто я не готов или что-нибудь ещё. Долгие годы я смотрел, как дети в форме идут в школу, как они смеются и кричат. Санжита не может мне помешать!

– Есть ведь такой закон, правда? Надо регулярно ходить в школу, – сказал я.

Она ответила с полуулыбкой.

– Ну да. Но знаешь... мы не... то есть можно подождать. Немного.

– Чем тогда мне заниматься?

Она выдохнула через нос и убрала прядь волос за ухо.

– Я понимаю. Послушай, Альфи...

– Да, Санжита?

– Ты что-то от меня скрываешь? Я просто беспокоюсь...
– Нет, Санжита. У меня всё будет отлично. Спасибо, что поехала.
– Альфи, я тебя подвезла. Это называется «подвезти» и к поезду отношения не имеет.

– Подвезла.

Когда я оглянулся, Санжита смотрела мне вслед, закусив нижнюю губу. Она знала, что будут проблемы.

Но эти проблемы появились позже. В тот день мне пришлось узнать нечто более ужасное.

У меня почти не оставалось времени для воплощения плана.

Глава 61

Я никогда не видел, чтобы кто-то по-настоящему побелел. Ведь это просто выражение. Такое же, как «я чуть не умер» или «я описался от смеха» (хотя второе один раз приключилось с Валери Кинг, в 2004 году).

Но в жизни обычно никто не белеет. Кроме Альф и Монка – во время школьного обсуждения Месяца истории региона.

Альф и вообще был бледный. Хотя в последнее время стояли солнечные дни и он сумел немного загореть. Но это было нечто другое.

Женщина, которая руководила обсуждением, что-то сказала, и я, повернувшись к Альфи, увидел, как с его щёк исчезли все краски. Ужасно! Он стал бело-серого цвета. Рот его двигался, словно он говорил, но ничего не было слышно.

Вот что тогда случилось.

Вечер был тёплый, и школьный актовый зал, раскалинный, как печка, всё ещё пах обедом. Все скучали и особо не прислушивались к лекции на тему «Археологические изыскания на северо-востоке: от прошлого к будущему!».

(Название темы оканчивалось знаком восклицания: грустная попытка развеселиться.)

Мистер Спрингхам объявил имя докладчика, доктора Сюзанны Хайнц, и я тут же поискал глазами Рокси. Узнала ли она её? Рокси улыбнулась в ответ.

Это была Сью с нашей улицы. Сью – одна из двух любительниц кошек, которые никогда не разлучались, и все говорили о них «Сью и

Пру».

На этот раз Сью была одета не в джинсы и огромный бесформенный свитер, а в стильный брючный костюм.

До начала лекции мистеру Спрингхаму пришлось дважды крикнуть: «ТИШИНА!» и заставить Иниго Деломбру пересесть, чтобы лучше его контролировать. Шторы были опущены – доктор Хайнц собиралась показывать слайды. Говорила она тихим вкрадчивым голосом с сильным иностранным акцентом.

Я жалел её. Она выглядела как милая старая тётушка.

Хуже всего – для Сью – было то, что она нервничала и ребята это заметили. словно все ученики седьмого года рождения превратились в диких псов и чуяли страх.

– Сдравствуйте, дети, – сказала Сью, а я подумал: «Плохое начало».

– Вы знаете, кто такой археолог? – спросила она.

– Нудная старая дура, – прошептал Иниго Деломбра, но недостаточно тихо.

Я был уверен, что доктор Хайнц услышала его, и мне стало ужасно неудобно.

Не поднялось ни одной руки.

– Ну, э... э... археология это... это изучение истории челофечества с помощью фещей, которые остались с тревних фремен. В семле могут быть фещи или разрушенные сдания и памядники. Я часто коворю сфоей потруге Пруденсии: мне никогда не стать богатой, потому что моя работа фея в руинах.

Она улыбнулась и замолчала в ожидании смеха. Однако к ней были повёрнуты сто двадцать безразличных лиц. Пять секунд спустя Альфи прыснул:

– Руинах! Ха-ха!

Все обернулись и посмотрели на него.

Ужасно.

Альфи определённо был единственным, кого интересовала тема. Он наклонился вперёд и впитывал каждое слово доктора Хайнц, которая всё говорила и говорила о раскопках.

Она показала нам совок. И кисточку, которой смахивала грязь с артефактов.

А затем пошли слайды. Бесконечные слайды. Альфи же так и не заскучал.

– Здесь был раскоп, в котором я работала в 1990 году, в терефне Сакстон, што фосле Таутоне. Примерно тевяносто километров отсюда, не ошень плиско.

Появился слайд с изображением очередной дыры в земле. Возле неё стояла улыбающаяся доктор Хайнц в толстых очках.

– Кто может рассказать, что произошло в Таутоне?

Альфи – единственный – поднял руку.

– Битва при Таутоне, – выкрикнул он.

– Именно – плаготарю фас. Питва при Таутоне. Часто её насыфают самой кровавой питвой в истории Англии. Считается, в отин тень пыло упито тватцать пять тысяч человек. Но, на мой фсгляд, это польшое преувеличение...

– Извините, пожалуйста, – Альфи снова поднял руку.

– Да?

– Убили от сорока до пятидесяти тысяч человек. Это была огромная битва.

Ученики оглянулись, чтобы посмотреть на того, кто посмел спорить с экспертом.

Но Альфи усвоил вчерашний урок на «Приключении в Саксонии», поэтому дал задний ход:

– Э... я это читал.

– Существуют расные саписи, которые тают расные цифры. Но я снаю, что коворю, – отрезала доктор Хайнц.

– А я знаю то, что видел, – сказал Альфи. Дети захихикали, и он добавил:

– По телевизору.

Этот разговор вызвал недовольство мистера Спрингхама. Он поднялся:

– Довольно, Альфи Монк! Замолчи, прояви уважение.

Альфи густо покраснел, что сильно контрастировало с обычным цветом его лица.

Лекция почти закончилась, и доктор Хайнц произнесла:

– В конце...

Часть слушателей с облегчением прошептали: «Да-а-а!» – что Сью наверняка услышала.

– Вы, наверное, хотите узнать, где теперь путут раскопки? Посфольте мне рассказать о новом проекте софсем неталеко отсюда,

на острове Коквет.

И тут Альфи, который съёжился на стуле после окрика мистера Спрингхама, резко выпрямился, словно его ударило током.

«Пауэрпойнт» показал очередную картинку, где была изображена квадратная башня маяка в окружении домиков. Она напоминала замок из мультфильма – белые нарисованные стены с зубцами наверху.

– Это, дети, маяк на острове Коквет, однако мы ферим, что он был построен на месте сретневековой часовни. В те времена остров Коквет претстафлял собой...

Я всё время зевал. Может, Альфи лекция и была интересна, но мне – нет. Лектор ещё пару минут продолжала говорить:

– ...наши раскопки этим летом... мы путем раскапывать территорию от сих и до сих...

Она показала на карте.

– Мы натеемся найти артефакты, сохранившиеся от первых жителей острова и даже, может быть... – она сделала паузу, чтобы усилить напряжение, и договорила страшным голосом, – скелет или несколько!

Никто не отреагировал. Нам было всё равно. Я посмотрел на Альфи и увидел, как он побледнел. Из-за скелетов, что ли? Наверное, он всё ещё оплакивал свою маму; такие детали могли его расстроить.

То, что Сью сказала сразу после этого, явно вызвало у Альфи сильнейшее потрясение.

– ...А до того я путу лично вести раскопки в некоторых пещерах. Не отрицается, что в пещерах закапывали сокровища, и если вспомнить латинский язык, то глагол *savage*...

Громко хлопнув сиденьем стула, Альфи вскочил и поспешил к двери. Все опять повернулись к нему. Мистер Спрингхам открыл рот, чтобы закричать, но Альфи его опередил:

– Извините, сэр. Мне нехорошо.

Не дожидаясь ответа, он толкнул дверь и вышел. Я отправился за ним, потому что мистер Спрингхам приказал мне:

– Пойди и проверь, всё ли с ним в порядке.

Он не был в порядке. Скорее, наоборот.

Глава 62

Я абсолютно не был готов узнать то, что узнал сегодня в актовом зале.

Сквозь постоянное ёрзанье и бормотание я старался разобрать доклад археолога. Ясно, что не всем это было интересно. И бедную женщину просто не замечали.

Мой комментарий о битве при Таутоне интереса к лекции не добавил. Хотелось сказать: «Я видел своими собственными глазами! Целые поля мёртвых тел, залитый кровью снег – всё это снится мне до сих пор...

Но, конечно, я не мог такого сказать и потому промолчал.

Потом лектор показала фотографию острова Коккет, который теперь почему-то назывался Коквет. Внутри у меня что-то дрогнуло, и сердце забилось быстрее.

В двадцать первом веке трудно хранить тайны. Остров Коквет стал птичьим заповедником. Доктор Хайнц сказала, что люди не могут по собственному желанию туда поехать, ведь они побеспокоят топорков и других морских птиц.

Но люди могут производить там раскопки.

Кто-нибудь найдёт скелет старого Поля и скажет что-то вроде: «Без сомнения, принадлежал семидесятилетнему мужчине... отправить кости на анализ ДНК... возможно, это был фермер...»

А я закричал бы: «Нет! Это старый Поля, настоятель! Он заменил мне отца! Ему было восемьдесят два, но по нынешним меркам это как сто и двадцать!»

Однако не скелет беспокоил меня больше всего.

Глубоко в пещере была спрятана единственная возможность покинуть тюрьму моего бессмертия.

Могу себе представить сообщения по беспроводному громкоговорителю: «Таинственный артефакт из стекла... предполагается, был закопан специально... радиоуглеродный анализ показывает... эксперт утверждает...».

Когда Эйдан догнал меня, я был весь в поту и сильно дрожал. Но я знал, что надо делать, и протолкался обратно в зал через толпу выходящих учеников.

– Альфи! Какого чёрта? – закричал Эйдан, но не побежал за мной.

Археолог ещё не ушла, она стояла перед кафедрой и укладывала свои вещи, в том числе совок и маленький компьютер.

– Доктор Хайнц! Можно вас спросить?

Она подняла голову и удивлённо улыбнулась.

– Ах, молотой челофек, сдравствуйте. Кажется, это вы – эксперт по питве при Таутоне.

Меня обрадовала её любезность.

– Скажите, когда вы начнёте раскопки на острове Коккет?

Говорил я жадно и отчаянно, но ничего не мог с этим поделать.

– Ну, сейчас посмотрю, – сказала она, достала мобильный телефон и несколько раз нажала на экран. – Основные раскопки нашнутся не раньше, чем через месяц или два. Хотя я уже была там и сделала нашальную...

– Да, да, но пещеры?

– Господи боже, юноша! Вы энтузиаст? Как мне приятно встретить человека с искренним интересом к археологическим исследованиям. Я помню...

– Так что насчёт пещер?

Прозвучало грубо, согласен, но я был в панике.

– Я имею в виду... что вы там ищите?

Доктор Хайнц перестала собирать вещи, обошла стол и села на его край. Затем поправила очки и наклонилась ко мне. Она так внимательно смотрела, что я немного отодвинулся.

– Существует легенда. О ней есть упоминания во всех европейских летописях, хотя эта тема почти не исучалась. Легенда о расе бессмертных людей. Они исфестны под расными именами. Одно из них: Презревшие смерть. Они преодолели смерть, расфе нет?

Я кивнул. Во рту у меня пересохло, сердце колотилось.

– Гофорят даже, что эта легенда породила истории о вампирах, ночных существах, которые не умирают. Есть по меньшей мере тфе ссылки на место, называемое Карпаты, это Карпатские горы в Румынии. Оттуда пошла история графа Дракулы. О, прости, у тебя такой испуганный фит!

– Нет, нет, продолжайте!

– В любом случае, есть старинный токумент, написанный Уолтером, епископом из Нортумбрии. Этот токумент теперь находится в Британском мусее. Из него я поняла, что некий артефакт, связанный с легендой о бессмертных, может быть зарыт или спрятан на Коквете.

Возможно, это предмет полурелигиозного культа. Епископ Уолтер не дал внятного описания. Или, может быть...

Она сделала паузу и подмигнула мне.

– Может быть, всё это прафта? Как ты тумаешь, молотой челофек?

Я лишился дара речи. В прямом смысле. И едва выдавил из себя:

– С-с-пассибо.

Затем в полуобморочном состоянии вышел из зала на солнечный свет. Там я стоял, прикрыв рукой глаза, пока мои очки не затемнились.

Месяц, сказала она. Это много, – думал я, – достаточно для того, чтобы найти выход.

Как же я ошибался!

Глава 63

Сегодня я его видел.

Напротив Дома графа Грея, на набережной, стоят скамейки, с которых открывается вид на залив. И там сидел он – Джаспер.

Было поздно, около десяти часов, уже почти стемнело. Уличные лампы горели слабо и почти не освещали скамейки. Джаспер сидел, сгорбившись, и время от времени поглядывал на моё окно.

Ну, мне так казалось, хотя он вряд ли знал, где находится моя комната. И шторы были задёрнуты, поэтому видеть меня он не мог. Но я испугался и запаниковал.

Предположим, я сказал бы Эйдану: «Слушай, твой дядя Джаспер преследует меня».

Вряд ли ему бы это понравилось.

Можно было бы обратиться к тётушке Рите или Санжете: «На скамейке на набережной сидит мужчина».

Но ведь это не преступление – сидеть на скамейке вечером?

Я продолжал следить за Джаспером, выключив свет и чуть-чуть приоткрыв шторы. В какой-то момент он встал и пересёк улицу. Я подумал, что он собирается постучать в дверь, но этого не произошло. Джаспер сел в свою машину и уехал.

Меня подташнивало. Я не мог уснуть. Но теперь я хотя бы знал, что ничего не выдумал. Джаспер следил за мной, шёл за мной по пятам.

Иногда, узнав худшее, вздыхаешь с облегчением.

Глава 64

Альфи вёл себя странно. Что это было – на лекции по археологии? Если человек хочет держаться в тени, то так себя не ведёт. Надо ему это объяснить.

Я подходил к дому, и тут моё сердце радостно забилося – у дверей стояла машина тёти Алисы и Джаспера.

Я всегда был рад видеть тётю Алису, и вовсе не потому, что она часто привозила домашнее печенье. Джасперу же я радовался гораздо меньше, особенно после той странной прогулки на лодке.

Войдя в дом, я почувствовал: что-то не так. Тётя Алиса сидела на кухне. Она обняла меня. Как и обычно, тётя пахла прачечной и фруктовой жевательной резинкой, но глаза у неё были красными. Она отвернулась, чтобы я этого не заметил.

Терпеть не могу, когда плачут взрослые. Это категорически неправильно.

Мама так быстро велела мне уйти из кухни, что я даже не успел снять куртку. В коридоре мама сказала:

- Иди к соседям пить чай.
- К Рокси? Но её мама...
- Всё в порядке с её мамой. Либби уже там. Дело в тёте Алисе, она...
- Что случилось? – искренне забеспокоился я.
- Джаспер её выгнал.
- Выгнал? Ты хочешь сказать, ну... она уехала из их дома?
- Да... но не по своему желанию. Он поменял замки и объявил, что не желает больше жить с ней.

Я оторопел.

- Но они ведь... женаты.
- Какая разница. Некоторое время тётя Алиса будет жить здесь. А сейчас нам нужно побыть вдвоём, поэтому иди к соседям. Миссис Минто ждёт тебя.

Когда я пришёл, Пресьоза Минто стояла у плиты, жарила рыбные палочки и дрожащим фальцетом тихонько напевала гимн. Мы ели почти молча, наш разговор не шёл дальше, чем «Пожалуйста, передайте мне кетчуп».

Потом Рокси, Либби и я мыли посуду, а миссис Минто отправилась отдыхать. Рокси объяснила, что у её мамы ремиссия: болезнь временно не проявляется. Но это не значит, что она вылечилась.

– Хотя это значит, что она чаще поёт, – добавила Рокси, смешно закатывая глаза.

До того мы не обсуждали тётю Алису и Джаспера, а теперь начали.

– Ненавижу его, – сказала Либби.

Я не стал ей напоминать, что мама просила никогда не говорить слово «ненавижу»: «Это слишком сильное слово, которое оставляет шрамы на твоём сердце».

Либби сказала:

– Он велел уходить, ругался. А потом назвал меня плохим словом.

(Либби иногда бывает слишком стыдливой. Она никогда не произносит ругательств, даже при мне. Даже при мне, представляете?!)

Джаспер так разговаривал с Либби? Мы с Рокси переглянулись.

– Когда? Когда это было? – спросил я.

Либби в этот момент переставляла по своему вкусу посуду в заполненной мною посудомоечной машине. Кто бы подумал, что ей всего семь.

– В тот день, когда я вернулась из лагеря. Когда нашла мальчика...

– Альфи?

– Да. Все были на кухне, кроме Джаспера.

Я и забыл об этом, какая, в сущности, разница. Но теперь, когда Либби напомнила, решил разобраться.

– Тётя Алиса казалась немного расстроенной, поэтому я пошла его искать. Он был в твоей комнате.

– В моей комнате? А, ну да, они с тётей Алисой там жили.

– Знаю, но послушай меня. Он не заметил, как я вошла. Сидел у окна, смотрел на полицейские машины, что-то бубнил и стонал.

Мы с Рокси замерли с тряпками в руках.

– Стонал? – переспросила Рокси.

– Ну да, стонал. Пел на одной ноте и бормотал. Я не поняла, что он говорил. Было похоже на латинский язык. «Акум Тай-ям, Акум Тайям». Затем он увидел моё отражение в окне и рассердился. Сказал... чтобы я уходила.

Рокси прошептала:

– Повтори ещё раз. Слова, которые он говорил.
– Эти – «акум тайям»? Понятия не имею, что они значат.
– Кажется, я имею понятие, – Рокси пожала плечами. – «Акум тэ ам»^[9]. Это румынская народная песня, в прошлом году мы её учили в театральном кружке.

Она сказала это так, словно подразумевала: каждый должен быть знаком с восточноевропейской народной музыкой.

– Что это значит?

– Это значит: «Теперь ты мой».

Я внимательно посмотрел на Либби. Я не верил своим ушам.

– Ты никому не говорила?

Она покачала головой, и я увидел, как задрожал её подбородок.

– Я боялась, Эйдан.

Последнее, что нам было нужно, – это плачущая семилетка.

Рокси сделала шаг и – к моему изумлению – обняла Либби (которая была выше неё):

– Это нормально. Я бы тоже боялась.

От этих объятий в Либби что-то раскрылось, и она добавила:

– Потом он сделал так...

Либби продемонстрировала на Рокси: приобняла и прошептала в самое ухо:

– Никому не слова. Ни единого, поняла меня?

– Он так сказал? – с удивлением спросил я.

Либби кивнула, и подбородок её снова задрожал.

Мы пошли в комнату Рокси и включили телевизор. Но мне было не до передачи. Думаю, что Рокси тоже: она даже не смотрела на экран. Когда мы с Либби вернулись домой, тётя Алиса уже легла спать.

Acum te am.

Теперь ты мой.

Какого чёрта Джаспер имел в виду?

Глава 65

На следующий день проходила школьная историческая выставка – одно из ключевых событий Недели истории региона. Я был рассеян, поскольку думал о Джаспере и грядущих археологических раскопках – как мне добраться до жемчужины раньше других?

Но вскоре кое-что отвлекло меня от этих мыслей.

Идея мероприятия состояла в следующем: небольшим командам поручили найти дома какой-нибудь старый предмет, узнать, откуда он взялся и каково его значение для нашей местной истории.

Для каждой команды на школьном дворе поставили стол – под сам предмет и пояснение к нему. Затем всех школьников пригласили посмотреть выставку. Многие дети принесли старые фотоальбомы; у одной девочки была крестильная пелёнка её прапрабабушки – и так далее.

Было жарко, и школьное начальство разрешило мальчикам снять галстуки. Один или двое воспользовались случаем и до пояса расстегнули рубашки.

– О времена, – сказала Рокси, которая уже прошла по выставке. – Погоди, ты ещё увидишь Иниго Деломбру.

Долго ждать не пришлось. Экспозиция, которую Иниго сделал вместе с двумя друзьями, находилась неподалёку, и я сразу его заметил. Он интерпретировал идею снять галстук более широко, чем другие. Его голый торс был украшен большим сияющим крестом на толстой цепочке. Тёмные очки дополняли образ мелкого мошенника.

Когда мы протолкались к экспозиции Иниго, мне показалось, что у него хорошее настроение.

– Невиданный гость, – его улыбка походила на волчий оскал, – воистину и взаправду, ты ли это, странно говорящий пижон из пятого класса?

– Ты неправильно употребляешь слово «пижон», Иниго, – сказал я. – На самом деле оно означает человека, злоупотребляющего внешними сторонами жизни и склонного к показной франтоватости. Такой, например, выставляет напоказ фальшивые драгоценности.

Я намекал на крест и цепочку.

Друзья Иниго нашли моё замечание уморительным.

– О! Деломбра, ты спалился! – с американским акцентом произнёс один из них, Джонси, и щёлкнул пальцами.

В ответ Иниго скривил губы.

(Думаю, мои слова можно было бы назвать «добродушной шуткой». Все смеялись, значит, я шучу хорошо. Во всяком случае, в тот раз у меня получилось.)

Тут я бросил взгляд на стол Иниго, на который до того не смотрел. И задохнулся. Мне стало дурно.

Иниго, к счастью, отвлекли друзья. Но кто-то другой мог услышать, как я ахнул. Эйдан сказал:

– Ого! Посмотри сюда, Альфи.

Он протянул руку, чтобы взять со стола книгу.

– Эй! Не трогать! Это ценная штука! – возмутился Иниго Деломбра.

Я с пересохшим горлом смотрел на том «Сказки о двух городах» Чарлза Диккенса. И знал – непонятно откуда, – что скажет Иниго Деломбра в следующую минуту.

– Книжка с автографом, ясно? Гляди!

Он открыл первую страницу и показал надпись – причудливую, с завитушками.

*Моему дорогому читателю Ялве
с наилучшими пожеланиями.*

Чарлз Диккенс

Рокси указала на надпись:

– Эй, здесь написано «Алве». Точно как...

– Да, – прервал я её, – очень редкое имя.

– В жизни такого не читал, – сказал Иниго. – Тоска зелёная, на мой взгляд. Но он, этот Чарлз Диккенс, написал целую кучу всего. А название мне нравится. «Сказка» рифмуется с «отмазка» и...

Я вмешался:

– Где ты это взял?

Спокойная заинтересованность у меня явно не вышла – Рокси и Эйдан тут же повернулись ко мне. Иниго отпустил какую-то шутку, и его друзья загоготали. Пришлось повторить громче:

– Где ТЫ взял ЭТО?

– Ладно, ладно, не лезь в бутылку! Книга у нас в семье уже давно. Я взял её на время у двоюродного дедушки Джона.

– Как его зовут?

– Чувак, я же тебе сказал. Джон. По фамилии Двоюродный Дедушка. Шутю. Ему книга досталась от его отца, и я понятия не имею, где прадед её раздобыл. Это было сто лет назад. Что с тобой?

Я взял себя в руки.

– Да всё в порядке, даже упоительно. Спасибо.

Я ушёл оттуда, как в тумане. Эйдан и Рокси последовали за мной. Позади раздался голос Иниго Деломбры, пародирующего меня:

– Упоительно! Кто теперь говорит «упоительно», чёрт возьми?

Я повернулся к Рокси:

– Ты мне доверяешь?

Она сощурилась:

– А что?

Вокруг нас было полно людей.

– Не задавай вопросов. Просто ответь на мой. Ты мне доверяешь?

– Да, Альфи. Я тебе доверяю.

Эйдан добавил:

– Я тоже. Но к чему ты клонишь?

– Упади в обморок, – попросил я Рокси. – Прямо сейчас. Упади в обморок и лежи столько, сколько сможешь. Клянусь тебе, это важно. Поверь мне.

– Упасть в обморок?

– Да. Представь, что ты ведущая актриса и по сценарию должна упасть в обморок посреди... джунглей или чего-то такого.

Это её заинтересовало.

– Прямо здесь, прямо сейчас?

– Да. Обещаю, ты произведёшь фурор.

– Но зачем?

– Я спросил, доверяешь ли ты мне...

Больше уговаривать её не пришлось. С лёгким стоном она упала прямо в руки Эйдана. Эйдан тоже хорошо сыграл.

– Обморок! – заорал он. – Разойдитесь! Рокси Минто упала в обморок!

Все собрались вокруг Рокси – посмотреть. Я выскользнул из толпы и услышал, как кто-то произнёс:

– Это от жары – она потеряла сознание!

Затем – неизбежно – раздался громовой голос мистера Спрингхама:

– РАЗОЙДИТЕСЬ! ДАЙТЕ ЕЙ ДЫШАТЬ!

Иниго Деломбра с приятелями отправились полюбоваться на жертву обморока и оставили книгу без присмотра.

Мою книгу. Спустя десять секунд она уже лежала у меня в портфеле. А через тридцать секунд я вышел через задние ворота,

пытаясь двигаться быстро, но непринуждённо. Дышал я так, словно пробежал милю.

Глава 66

Положение ухудшалось. Количество неприятностей, которые мы сами себе устраивали, ужасало.

Когда мы с Рокси обещали хранить секрет странного мальчика, утверждавшего, будто ему тысяча лет, всё было нормально. Даже в каком-то смысле весело: понимаете, мы – против целого мира!

Мне даже нравилось дружить в школе с необычным новеньким мальчиком и крошечной девочкой с писклявым голосом. Впрочем, особого выбора у меня не было, ведь Спатч и Мо практически замкнулись друг на друге.

Но теперь мы стали ворами. Несмотря на то, что лично я ничего не крал, да и Рокси тоже. По большому счёту, не крал и Альфи.

Мы сидели в гараже, все втроём. Том «Сказки о двух городах» лежал перед нами на столе, и мы долго-предолго молча на него смотрели. Остальные книги Диккенса по-прежнему хранились в металлическом коробе под сломанным диваном. Неожиданно Альфи сказал:

– Это моё. Вы мне верите?

– Я верю, Альфи. На ней написано твоё имя, – сказала Рокси, глядя в пол.

– Да-да, я тоже верю.

– Расскажите мне ещё раз, – попросил Альфи, – что было после того, как Рокси упала в обморок?

К тому времени когда мистер Спрингхам пробрался сквозь толпу, Рокси ещё не пришла в себя. Я начинал волноваться, не вызовут ли взрослые «скорую». Но через некоторое время Рокси «стало лучше», и мы с мисс Ньютон проводили её в здание школы. Усадили в библиотеке и дали стакан воды.

Мисс Ньютон начала заполнять формуляр по поводу обморока и задавала вопросы типа: «У тебя болит голова?», «Ты ушиблась при падении?»

Школьный день для нас был окончен. Мисс Ньютон предложила подвезти Рокси домой на своей машине, и, поскольку я жил рядом, меня она тоже забрала. Пока мы ехали, мобильник Рокси трезвонил как сумасшедший.

– Ты пользуешься успехом, – улыбнулась мисс Ньютон, но Рокси ей не ответила.

– Боже мой, – сказала она, прочитав сообщения. – В школе произошла кража. Вроде бы стащили какую-то книгу.

Надо отдать Рокси должное. Если бы я не знал, что она притворяется, мне бы и в голову это не пришло. Интонация была идеальной: удивление без личной заинтересованности. Я понимал, что хорошо сыграть не смогу, и потому ограничился лишь восклицаниями:

– Вот это да! Вор! Ужас!

Рокси искоса посмотрела на меня и, улыбнувшись, закатила глаза.

Мисс Ньютон сказала:

– Уверена, книгу просто не туда положили. Такое постоянно происходит. Это твой дом, Рокси?

И вот, час спустя, мы втроём сидели в гараже и смотрели на книгу Альфи.

– Это не воровство, – сказал он, когда мы ввели его в курс событий. – Книга была моей с самого начала. Нельзя украсть то, что тебе уже принадлежит.

– Но как она попала к Иниго? – спросила Рокси, обмахиваясь шляпой от костюма из «Оливера». – Он сказал, что книга уже давно в его семье. Дядя Джон или как его там...

Я начал:

– Не могла бы ты...

Но Рокси вдруг выскочила из гаража.

– Вернись через минуту! – крикнула она.

Мы с Альфи немного помолчали. Потом я взял в руки книгу и спросил:

– Она хорошая?

– Хорошая?! Да это лучшая книга Диккенса! Его любимая – он сам мне говорил.

– О чём она?

– Помнишь Французскую революцию?

– Я нет, но ты, наверное, помнишь.

– Типа того. Напрямую она нас не затронула. Поначалу. Но думаю, в мире нет ни одного человека, до которого она в итоге не добралась. В любом случае, два города из названия – это Лондон и Париж, и там есть человек по имени Сидни Картон, блестящий адвокат...

Альф и прервался, потому что вернулась Рокси с ноутбуком. Мы смотрели через плечо, как она заходит на посвящённые генеалогии сайты – их же мы с Рокси изучали несколько недель назад.

– Как хорошо, что люди выбирают детям редкие имена, – пробормотала Рокси, бегая пальцами по клавишам. – Итак, смотрим: Иниго Деломбра. Вот его день рождения, родился в Муниципальной больнице Северного Тинесайда... отец – Альфонсо Перера Деломбра, родился в Испании... мать – Анна Джанетта Мак... э... МакГонагал...

– Подожди, – остановил её Альфи. – Ты сказала: МакГонагал?

– Да, смотри! А что?

Вместо ответа Альфи попросил:

– Пожалуйста, найди записи о её родителях, можешь?

Пальцы застучали по клавишам.

– Вот они. Анна Джанетта МакГонагал, вторая дочь Джеймса МакГонагала и Кароль Доуни Адамс, которые поженились... подожди...

– Нет, нам нужен не Джеймс, – остановил её Альфи. – Кто такой Джон МакГонагал, двоюродный дед Джон?

Рокси посмотрела на него, словно говоря: «Помедленнее отдавай команды». Но она видела, с каким нетерпением Альфи ждёт результата, поэтому продолжила поиск.

Вскоре всплыла отсканированная страница из старой переписки.

– Вот! Джон МакГонагал, родился в 1951 году в Саут-Шилдсе. Это брат Джеймса.

– Да! – воскликнул Альфи. – Двоюродный дед Джон!

Он почти кричал.

– А почему это так важно? – пробормотала Рокси, явно сбита с толку эмоциональным поведением Альфи.

– Я был с ним знаком!

Мы оба впились в него глазами.

– Ты знал этих людей? – ахнул я.

Альфи медленно кивнул.

– Отец Джона, Джек, украл у меня книгу. Я всегда это подозревал, но доказательств у меня не было. Теперь я знаю точно.

Мы пытались это осмыслить, когда запищал мобильник Рокси.

– Это мама. Хочет, чтобы я шла домой.

Едва она договорила, как раздался оглушительный визг Пресьозы Минто от задней двери:

– Рррр-о-ксиини! Немедленно иди сюда! И друзей своих захвати!
Звучало это не слишком ободряюще.

Глава 67

На айпаде Пресьозы Минто было открыто письмо от директора школы. Мы стояли рядом.

Кому: Родителям детей 2007 года рождения

От: Мистера Д. Дж. Ландрета, директора

Тема: Воровство на выставке

Дорогие родители/законные представители,

с глубокой печалью я вынужден сообщить о краже на территории школы. Скорее всего, кража совершена одним из наших учеников, что крайне меня расстраивает.

Вероятно, вы знаете: сегодня на школьном дворе в рамках Недели истории региона после уроков проводилось мероприятие-выставка. Ученики принесли из дома вещи, представляющие исторический интерес.

Один ценный экспонат – книга, подписанная Чарлзом Диккенсом, – был украден около 4 часов 10 минут со стенда Иниго Деломбры, ученика 2007 года рождения.

Завтра утром состоится общешкольное собрание, на котором я лично выступлю перед учениками. Буду признателен, если до этого вы опросите своих детей, владеют ли они сведениями, которые помогут найти упомянутую вещь.

Полиция проинформирована. Они работают в тесном контакте со мной и школьной администрацией.

Разумеется, я предпочёл бы найти решение без дальнейшего привлечения полиции. Уверяю вас, если вещь будет найдена, всё

останется в стенах школы и будут применены исключительно внутренние дисциплинарные меры.

С благодарностью, Д. Дж. Ландрет (г-н) Директор

Глава 68

Общешкольное собрание обычно устраивали только в первый день учебного года, в сентябре, поскольку физически невозможно было вместить в актовЫй зал всех учеников, включая шестой класс.

Почти летняя жара сделала собрание мучительным. В зале и так плохо пахло, а в давке запахи смешивались и усиливались.

Я не буду пересказывать вам всю речь мистера Ландрета: наверняка вы сами можете додумать большую её часть.

– Серьёзная кража... репутация школы... репутация учеников... бездумный поступок... полиция проинформирована... анонимно поделиться сведениями...

И всё такое.

Рокси, Альфи и я смотрели исключительно на сцену, где выступал мистер Ландрет. Мы не осмеливались даже переглянуться, чтобы не выдать себя.

Затем мистер Ландрет сказал:

– Конечно, всем вам известно, что в школе установлены камеры внутреннего наблюдения. Мы изучим видеозаписи. Поверьте, если виновник не объявится добровольно, мы его найдём, и последствия будут гораздо хуже.

Здесь мы потеряли самообладание и переглянулись.

Камеры? Никто из нас об этом не подумал. Могли ли они зафиксировать, как Альф и украл книгу? Конечно, нет.

Конечно, да.

Глава 69

Я даже не подумал о камерах видеонаблюдения, когда сочинял свой умный план – как получить обратно книгу, много десятилетий назад украденную моим бывшим другом.

Но кто бы подумал? Кто бы подумал, что в школе есть камеры на воротах, в коридорах и на лестницах?

По пути в естественно-научный корпус на сдвоенный урок по биологии я посмотрел на стену, где могли бы висеть камеры, наблюдающие за школьным двором и конкретно за «местом преступления».

Там ничего не было. Я немного расслабился – достаточно, чтобы воспринимать материал. Биология была моим любимым предметом. На многих других уроках я сильно опережал своих одноклассников. Мне приходилось стараться, чтобы не выглядеть слишком умным и не спорить с учителями, которые иногда несли полную чушь. Например: «Зрители пьес Уильяма Шекспира были в восторге от его шуток». Да ладно, я вот такого не помню. Мы с мамой любили пьесы, но у Шекспира шутки часто выходили плоскими. Долгие годы женщинам не разрешалось играть в спектаклях (не помню почему – возможно, очередной приказ короля), поэтому женские роли исполняли молодые (и не слишком) мужчины. Иногда получалось очень забавно, но, возможно, совсем не так, как желал мистер Шекспир.

Современную же науку я знал не слишком глубоко.

В общем, началась биология с миссис Мёрфи. Я сосредоточился, поскольку решил стать врачом, когда вырасту. В смысле, по-настоящему вырасту.

Раздался стук в дверь, и вошла миссис Фарроу, глава административного совета. Её появление означало что-то очень важное, судя по взглядам, которыми обменялись мои одноклассники.

Она посмотрела на меня и сказала:

– Альфи Монк, пожалуйста, пройди со мной.

По классу пробежало тихое «Ох!».

В кабинете директора меня ждали сам мистер Ландрет, Санжита (которую я несколько дней не видел) и женщина – офицер полиции.

Я понял, что мне потребуется всё моё хладнокровие.

Глава 70

Мистер Ландрет встал, когда я вошёл в его кабинет. Санжита кивнула мне и нервно улыбнулась. Женщина-полицейский завертела в руках блокнот.

– Садитесь, мистер Монк, – сказал мистер Ландрет и указал на стул, расположенный напротив его стола, словно для допроса.

Видимо, место подготовили.

Затем директор повернулся на каблуках и сцепил руки.

– С Санжитой Прасад вы уже знакомы. А это офицер полиции Гейл. Вам известно, почему вы здесь?

Конечно, мне было известно. Но я не собирался ничего признавать, пока не пойму, что известно им. Поэтому ответил:

– Нет, сэр.

– Тогда попрошу вас взглянуть.

Он повернул ко мне компьютерный монитор. Картинка была зернистой, но на ней явно был я. Камера видеоблюдения зафиксировала, как в течение десяти секунд я быстро выходил из школы через задние ворота. Таймер внизу показывал время: «16:12:30».

Собственно, и всё. Книгу, которую я НЕ УКРАЛ, а ВЕРНУЛ, не было видно, поскольку она лежала в портфеле. Сначала я отнёс её в гараж Рокси, а потом забрал в Дом графа Грея – хотел перечитать.

– Прежде чем ты что-то скажешь, Альфи, – произнесла Санжита, – я должна посоветовать тебе ничего не скрывать.

– Непременно, – буркнул я.

– Итак? – спросил мистер Ландрет.

Я безразлично посмотрел на них:

– Что?

– На этой записи видно, как вы уходите из школы примерно в то же время, когда пропала книга Иниго Деломбры.

Они были в отчаянии, я это видел. И понимал: нужно сохранять спокойствие.

– Да, ушёл, и что?

Не так! Слишком дерзко. Я добавил:

– Ну... в общем, да, сэр.

– Почему вы так рано покинули выставку?

– Извините, сэр, но я не счёл её заслуживающей интереса.

– А почему вы ушли через задние ворота? Ваш дом находится в противоположной стороне.

Чёрт возьми! Надо было очень быстро соображать.

– Я... э...

Скорее, Альфи!

– Я хотел избежать встречи с ребятами, которые мне угрожали. Из другой школы. Из Монкситон-Хай.

Мне кажется, это была блестящая идея. Я недолго ходил в школу, но успел заметить: все сотрудники до смерти боялись травли, обвинений в травле и особенно – обвинений в попустительстве на этот счёт. На стене в коридоре даже висела табличка, гласящая, что школа с гордостью поддерживает Межшкольный форум противодействия травле.

– Тебя травили, Альфи? – спросила Санжита.

– Не совсем так. Но я не хотел с ними встречаться.

Я смотрел в пол, но боковым зрением заметил, как взрослые переглянулись. Мои слова отвлекли их внимание от главной темы. Вовлечь в дело другую школу было гениальным решением, и я мысленно себя хвалил.

Слишком рано.

Женщина-полицейский перелистала свой блокнот на несколько страниц назад и в первый раз за всё время произнесла:

– Как твоё полное имя, Альфи?

Она держала наготове карандаш., чтобы записать ответ. Я решил – она уточняет какие-то подробности.

– Алве. А. Л. В. Е. Это была мамина идея.

(Прости, мама. Я подумал, что упоминание о моём сиротстве поможет мне. Не помогло.)

Женщина-полицейский обратилась к мистеру Ландрету:

– Кому адресовано посвящение на книге, сэр?

Она знала. Ей и спрашивать было не надо. Мистер Ландрет сыграл отведённую ему роль.

– Там написано: «Моему дорогому читателю Алве с наилучшими пожеланиями, Чарлз Диккенс».

– Удивительное совпадение, как ты считаешь, Альфи? – спросила женщина.

Я промолчал. Без книги они ничего не могли доказать. Кроме того, совпадение имен – это тоже не доказательство.

– Вы хотите ещё что-нибудь сказать, мистер Монк? – спросил мистер Ландрет уже более жёстко. Он сощурился и закусил губу.

– Нет, сэр, – я постарался изобразить обиду и недоумение.

Директор повернулся к Санжете.

– Очень хорошо. Мисс Прасад?

Санжита с грустью посмотрела на меня, наклонилась и вынула из своей сумки «Сказку о двух городах».

– Она находилась в твоей комнате в Доме графа Грея, Альфи. Её было легко найти.

Что же, это всё меняло.

Глава 71

Я сидел возле кабинета мистера Ландрета. Оттуда доносились голоса, но слов я не мог разобрать.

Рядом со мной сидел отец. Дальше – Рокси и её мама. Напротив нас с каменным лицом восседал мистер Спрингхам.

Все было суперсерьёзно, и я здорово боялся.

Пятнадцать минут назад миссис Фарроу вызвала нас с Рокси с уроков и, ни слова не говоря, отвела к директору. Там уже ждали отец, Пресьоза Минто и мистер Спрингхам.

Когда мистер Спрингхам отвернулся, отец беззвучно спросил меня: «В чём дело?»

Я пожал плечами и принял удивленный вид, хотя прекрасно знал, в чём дело. Затем из кабинета директора вышел Альф и в сопровождении социального работника и женщины-полицейского. Альф и не поднимал головы.

Я посмотрел на Рокси. Та, слегка бледная, глядела прямо перед собой и не обращала на меня внимания.

Затем нас пригласили в кабинет.

Изложу краткую версию произошедшего. Длинная версия слишком ужасна, чтобы её запоминать.

Мы были потрясены.

Если хотите правильно разыграть потерю сознания, не делайте как Рокси Минто.

1. Не падайте назад. Это как раз то, что её выдало. Мистер Спрингхам не видел падения, но ему всё подробно рассказали. Когда теряют сознание, почти всегда падают на бок или вперёд.

2. Берегитесь теста с рукой. Врач (или, как в нашем случае, мистер Спрингхам) поднимает руку лежащего без сознания над его лицом и затем отпускает. Если человек по-настоящему в обмороке, то рука

упадёт и ударит его по лицу. Симулянт вроде Рокси сделает так, чтобы рука не задела лицо.

Я ничего этого не знал – до рассказа мистера Спрингхама.

– Сначала я подумал, что девочка просто ищет внимания. Такое уже бывало, – говорил мистер Спрингхам. – Но потом я понял, что произошло это одновременно с кражей. И тогда стало ясно, что они с Альфи Монком были заодно.

– Соучастие – тоже преступление, вам это известно? – спросил мистер Ландрет.

– Мы не знали, что он собирается взять книгу, – запротестовал я.

Кстати, это так и было.

– Но зачем тогда вы это сделали? – бросил отец.

У нас не было наготове хорошего ответа. Такого, в котором бы не прозвучало: «Эту книгу в 1940 году прадед Иниго Деломбра украл у Альфи».

Конечно, то была правда, но пользы она бы нам не принесла.

Однако Рокси нашлась и вытащила нас из беды. После очень длинной паузы, во время которой мистер Спрингхам трижды сказал: «Ну?» – каждый раз повышая громкость, она посмотрела на свои туфли и произнесла:

– Я думаю, это была месть.

После чего рассказала, как Иниго Деломбра дразнил Альф и в поездке на «Приключение в Саксонии» и отнял очки. Она блестяще всё преувеличила. Сказала, что Иниго называл Альфи «четырёхглазым» и «зомби-ртом», намекая на его плохие зубы. «Альф даже плакал втайне от всех», – посетовала она.

Четверо взрослых в комнате молчали. Затем мистер Ландрет сказал:

– Понимаю. Наверное, Альфи об этом умолчал, потому что боялся, что к нему приклеится звание «ябеды». Так?

Мы оба закивали. Я тоже смотрел в пол, но видел, как мистер Ландрет и мистер Спрингхам обменялись выразительными взглядами.

Это сработало. И я ещё раз отдал должное способности Рокси Минто быстро находить выход из сложной ситуации.

Глава 72

Вскоре после этого отец и миссис Минто уехали.

Рокси и меня оставили ждать возле кабинета директора, а внутрь пригласили Альф и Иниго Деломбру. Я хотел приложить ухо к двери и подслушать, но миссис Фарроу всё время ходила туда-сюда. Думаю, она угадала мои намерения, поскольку велела мне сесть.

Потом нас с Рокси позвали внутрь.

По подсказке мистера Ландрета мы с Рокси извинились за то, что разыграли обморок.

Альфи извинился за то, что взял книгу.

Наконец, Иниго Деломбра извинился перед Альфи за то, что взял его очки.

(Кстати, я никогда не слышал более неискренних извинений. Особенно отличился Иниго, который монотонно пробубнил: «Я-прошу-прощения-за-то-что-взял-твои-очки-я-больше-так-не-буду-можно-мне-теперь-идти?» На самом деле конец фразы он не произнёс, но сумел на него намекнуть.)

Когда мы пошли к выходу, Иниго пробормотал в адрес Альфи ругательство и победно помахал у него перед носом «Сказкой о двух городах». Альфи стиснул зубы и промолчал.

Мы с Альфи возвращались в класс и вдруг услышали голос Санжиты, социального работника:

– Альфи!

Мы обернулись.

– Мне нужно поговорить с Альфи, – сказала Санжита.

Я пошёл дальше, но за углом, откуда мог всё слышать, остановился.

– У тебя здесь остались вещи: в парте, в ящике или где-то ещё? – спросила она.

Должно быть, Альфи покачал головой, потому что я услышал только слова Санжиты:

– Очень хорошо, тогда пойдём со мной. Ты не вернёшься в класс.

В следующий раз я увидел Альфи лишь через несколько часов. И тогда уже всё изменилось.

Глава 73

– Хочешь покататься, Альфи? – спросила меня Санжита, когда я вышел из кабинета директора.

Санжита начинала мне нравиться. Она без обиняков говорила о маме и побуждала меня делать то же самое. Она больше не понижала голос и не склоняла голову с видом «ох, бедный маленький мальчик», от чего раньше мне становилось только хуже.

Мы ехали в её машине и болтали о ерунде: как моя рука (уже почти здоровая, спасибо), как мне Дом графа Грея (нормально, только еда не очень нравится).

Дороги были более-менее пустыми. Ранним утром прошёл дождь – короткий и мощный, он закончился за полчаса. Сухая земля впитала в себя воду, как губка, и лишь в тени осталось несколько луж. Но и они уже почти высохли на солнце.

Мы ехали в Тайнмут: Санжита обещала купить рыбы и чипсов. Я чувствовал: назревает нечто более существенное, чем разбирательство по поводу книги. Это было очевидно. Без важной причины вас не приглашают пообедать вместо школьных занятий.

Мы ели рыбу и картофельные чипсы из пакетиков, сидя бок о бок на огромной каменной плите у подножия монумента Лорду Коллингвуду. Был отлив, и обнажилось дно маленького залива – с плоскими коричневыми камнями, лужицами и водорослями.

Санжита посмотрела в безоблачное небо и пробормотала:

– Дождя бы.

Я знал, что теперь последует вопрос на засыпку. Санжита всегда предваряла сложные разговоры замечаниями о погоде, словно разминаясь.

Как и следовало ожидать:

– Альфи?

– М-м-м, – промычал я с набитым треской ртом.

– Ты знаешь, я всегда старалась говорить с тобой прямо, с нашей первой встречи, правда?

Мне не понравилось, как это прозвучало.

Она продолжила:

– А вот ты, похоже, рассказываешь мне не всё.

Я посмотрел на неё, подняв брови, чтобы изобразить удивление или заинтересованность, но втайне подумал: «Санжита, если бы я рассказал, ты бы мне всё равно не поверила».

– Дело в том, Альфи, что поиски продолжаются. Мы полагаем, у тебя на самом деле есть родственники. Понимаю, вы с мамой вели уединённый образ жизни, и в этом нет ничего постыдного. Но люди рассказывают о мальчиках, похожих на тебя, которые жили в том же самом доме, с твоей же мамой, но ещё до твоего рождения.

– Что за люди?

– Понимаешь, Альфи, никто не может полностью оторваться от общества. Например, есть викарий церкви Святой Марии в Илфракомбе. Он был на похоронах твоей мамы. Викарий переехал сюда двадцать лет назад. Он говорит, что в те времена заходил к твоей маме и с ней жил мальчик примерно одиннадцати лет. Это был двоюродный брат? Или старший брат?

Я ничего не ответил и съел ещё несколько чипсов.

– Ну же, Альфи. Не молчи.

Я молчал.

– Мы изучали гражданские акты, Альфи. Ты знаешь, мы можем это делать. Списки налогоплательщиков, переписи, списки избирателей. В них значатся члены твоей семьи, которые жили в том доме долгие годы. Вас даже можно найти в телефонном справочнике. Монк, Х., Дубовый хутор, Уитли Бэй. Запись относится к пятидесятым годам двадцатого века. Это была твоя бабушка? Или прабабушка? Где другие твои родственники, Альфи? Почему ты их скрываешь? Помоги нам!

Она достала мобильник и несколько раз прикоснулась к экрану. Появилась фотография. Я чуть не ахнул. Это был снимок из «Газеты Шилдса», о котором мне говорил Эйдан. Мы с мамой стояли перед Дубовым хутором, я гладил Биффу и улыбался.

Санжита тихо спросила:

– Кто эти люди, Альфи? Мальчик очень похож на тебя, правда? Смотри – тёмные очки... э... улыбка... отсутствует часть зубов. У него даже кошка на руках. Ты разве не говорил, что твоя кошка сбежала?

– Прости, Санжита. Я не знаю.

Она убрала телефон.

– И ты прости, Альфи. Но я тебе не верю.

Ее голос стал жёстче. Некоторое время мы сидели молча. Внизу, на мокром песке, колли погнался за брошенной в море палкой. Закричали чайки.

– Альфи! Давай поговорим!

Я ничего не ответил.

– У меня есть одна теория, Альфи. Может, на самом деле ты старше, чем говоришь.

Я посмотрел на море и сглотнул возникший в горле комок.

Глава 74

Мы доели рыбу и чипсы, но остались сидеть у подножия монумента, глядя на море.

– Я искала ответ, Альфи, – сказала Санжита. – Сначала подумала, что у тебя с рождения повреждена щитовидка, что ты не смог вырасти из-за болезни. Был такой комик на радио...

Не знаю почему, но я вдруг выпалил его имя:

– Джимми Клитеро.

О нет! Зачем?

– Точно, Альфи. Но...

Она заёрзала и внимательно посмотрела на меня.

– Откуда одиннадцатилетний мальчик знает имя комика, который выступал шестьдесят лет назад?

Я снова пожал плечами.

– Маме он нравился – в молодости.

– В её молодости? Альфи, твоя мама родилась в восьмидесятых годах. Джимми Клитеро был знаменитым в пятидесятые. Опять же – как ты узнал, что я собираюсь назвать имя Джимми Клитеро?

– Я просто предположил. У него были проблемы с ростом, вот и всё.

(Да, правда. Мы с мамой любили Джимми Клитеро. Это был мужчина-мальчик, который никогда не вырастет – родовая травма. Мы считали его потрясающим. Когда что-то шло не так, он произносил: «Ох ты, ёшкин кот!» – и получалось смешно. Он выступал по беспроводному громкоговорителю и на телевидении – ещё когда телевизоры были чёрно-белыми.)

Санжита сощурилась.

– В любом случае, – медленно продолжила она, – выяснилось, что со щитовидкой у тебя порядок. Может, есть что-то ещё?

– Я уже говорил, Санжита, не знаю.

– Понимаешь, если вдруг окажется, что тебе не одиннадцать лет, а намного больше, всё сразу изменится.

Тут я занервничал по-настоящему.

Я ведь немногого хочу. Расти, как остальные. Дружить с ровесниками. Ходить в школу. Это подозрение может всё уничтожить.

И вдруг я увидел его. Он не понимал, что я его вижу, но он был там, на скамейке дальше по набережной. Опять следил за мной?

Джаспер.

Он преследует меня?

– Пожалуйста, Санжита, давай уедем отсюда, – попросил я.

Да, он точно меня преследует.

– Ты не можешь бесконечно уходить от ответа, Альфи.

Но зачем он меня преследует?

– Ты слышишь меня, Альфи?

Я не могу никому рассказать: так я выдам себя.

– Альфи! Вернись с небес на землю, Альфи! А если он хочет причинить мне вред?

– Вон там, Санжита... Там сидит мужчина, который...

Но он уже ушёл.

– Прости, Санжита, я плохо соображаю.

Мы сели в машину, и я пристегнулся. Тогда Санжита резко ко мне повернулась и с мрачным видом произнесла:

– Альфи, должна сообщить. Я отправила запрос главе Службы детства на проведение исследования эпигенетических меток твоего ДНК. Это разрешит все сомнения.

– ДНК? Зачем?

– Этот анализ может определить твой возраст с точностью до года, а может быть – до нескольких месяцев. Это новый метод, для него нужны свежие образцы клеток. Ты знаешь, что такое ДНК?

– Конечно, знаю. Так называется молекула, находящаяся в ядре клетки, которая несёт генетическую информацию в любом живом организме.

Я поймал себя на том, что говорю как знающий, опытный человек, хотя мы лишь недавно проходили это в школе. Поэтому я добавил: «Мне кажется».

Санжита покачала головой и улыбнулась:

– Тебе кажется, да, Альфи? А ты знаешь, что мне сказал зубной врач? Если смотреть по зубам, тебе не одиннадцать лет, а намного больше. Послушав тебя, можно сказать то же самое.

– А если я откажусь делать этот клеточный тест? Он уже завела машину, но теперь выключила двигатель, чтобы подчеркнуть важность своих слов.

– Интересный вопрос. Если бы тебе было больше восемнадцати, ты мог бы отказаться. Мы сумели бы заставить тебя только через суд. А это, если честно, очень большая морока. Да и зачем возиться, раз ты и так признаешь, что ты взрослый. Но поскольку ты утверждаешь, что не достиг совершеннолетия – то есть тебе меньше восемнадцати лет, – мы являемся твоими законными опекунами.

– И?

– И на следующей неделе ты записан на забор образцов клеток. Кстати, тебя отстраняют от занятий в школе – до тех пор, пока твой возраст не будет определен.

Сердце моё упало. Словно всё, к чему я стремился, бесконечно отдалилось от меня.

– Но Санжита...

– Никаких «но», Альфи. Представь, какие у меня будут неприятности, если станет известно, что я отправила взрослого мужчину в класс, где учатся дети.

Глава 75

Увы, я представлял, какие у Санжиты могут быть неприятности, поэтому всю дорогу до Дома графа Грея молчал. А мой старый мозг танцевал, сражался и спорил со стоящей передо мной задачей.

Мне нужна помощь, это точно.

Мне нужно действовать быстро, это тоже точно.

Раньше я думал подождать неделю или две – возможно, целый месяц, – чтобы всё спланировать и обставить археологов с их раскопками на острове Коквет.

Теперь всё изменилось.

Я знал: второй прием жемчужины жизни заново запустит процессы старения. Как только её содержимое смешается с моей кровью, я снова

начну расти. Хотелось надеяться, что жемчужина не испортилась, пролежав под землей несколько столетий.

Чего я НЕ знал: перезапустит ли она мой возраст. Если я её приму, будет ли ДНК-тест, на котором настаивала Санжита, по-прежнему показывать возраст настоящий? Или тест скажет, что мне одиннадцать?

Ещё я знал, что, если не успею проделать необходимое до теста, всё будет напрасно.

Единственный мой шанс – действовать быстро.

И быстро – значит, завтра.

Я посмотрел на отражение в боковом зеркале. Позади нас ехал чёрный «БМВ». Я не видел водителя, поскольку солнце било в лобовое стекло машины. Но я знал, что это Джаспер.

Потом «БМВ» показал поворот налево и свернул на Бич-роад, а мы поехали дальше, в Кулверкот. Видимо, он хотел убедиться, что мы вернёмся домой.

Видимо.

Мне нужны были помощь и друзья, причём и то и другое – срочно.

Глава 76

В половине пятого я был в гараже Рокси. Над входом по-прежнему мигали буквы «АЖ».

С застенчивой улыбкой Рокси открыла ноутбук и пригласила меня взглянуть. Я ожидал увидеть очередной генеалогический сайт из тех, что она так любила. Но увидел другое.

ВЫ ПОТЕРЯЛИ ПИТОМЦА? МЫ НАЙДЁМ ЕГО – ГАРАНТИРУЕМ!

– Насчет Биффы. Твоей кошки, – сказал Эйдан. – Мы, понимаешь ли, думали...

Но я его опередил.

– Это замечательно, спасибо. Только...

Я хотел сказать: «Только сейчас мы не можем этим заняться. Я люблю Биффу, но есть более важное дело».

Однако меня растрогал их дружеский поступок. И они были так воодушевлены!

Я спросил:

– Сколько это стоит?

– Немало, – тихо ответила Рокси. – За полный пакет: постеры, обход домов, интернет-поддержка и прочее... э...

Она закашлялась.

– Две тысячи фунтов.

Мои плечи опустились.

– Откуда я возьму две тысячи фунтов?

Рокси и Эйдан ничего не сказали, но оба посмотрели на сломанный диван, под которым был спрятан короб с моим полным (почти) собранием сочинений Чарлза Диккенса.

Ах.

Без сомнения, книги стоили две тысячи фунтов. Возможно, даже намного больше. Но как я стану их продавать? И удастся ли сделать это быстро? Биффа была для меня важнее, чем любые книги, но пожар случился уже давно. Жива ли она? Чем питается? Нам приходилось давать ей протёртую пищу, ведь зубы у неё были очень плохие. Смогла ли она охотиться?

Вечер стоял жаркий, но влажный. Настоящего дождя не было несколько недель, земля высохла и потрескалась. Даже птицы в лесу притихли, словно чириканье их слишком утомляло.

– Будет дождь, – объявил я, просто чтобы не молчать. Рокси вытащила свой мобильник и ткнула в экран.

– Здесь говорят, что не будет, – она показала мне прогноз погоды в виде графика.

Но прогноз был неверный, и я сказал это Рокси – возможно, излишне резко.

– Эй, Альфи. Ты весь на нервах. Что случилось? – спросил Эйдан.

И тогда я рассказал им о подозрениях Санжиты насчёт моего настоящего возраста и о тесте ДНК, который мне предстояло пройти на следующей неделе.

Рокси и Эйдан помолчали. Потом Эйдан сказал:

– Мне так жаль, Альфи. Это значит...

– Это значит – конец всему. Я не буду ходить в школу. Я не смогу нормально вырасти. Вы должны мне помочь.

Рокси поднялась с дивана, на дерматиновой обивке остались влажные следы её ног.

– Подумай сам, Альфи, что мы можем сделать? Если честно...

Она открыла дверцу маленького холодильника, оттуда повеяло прохладой.

Затем мы сидели, стояли, прохаживались, придумывая и отбрасывая варианты моего путешествия на остров Коквет.

Завтрашнего путешествия.

Даже если мы приедем в Амбл, севернее по берегу, то как доберёмся до острова, который находится в море на расстоянии мили? Теперь там заповедник, и туристическим судам не разрешают швартоваться из-за редких птиц. Сотни лет назад мы с мамой собирали и ели яйца этих птиц.

Мысль о маме лишила меня самообладания. Не добавляло радости и сознание того, что Биффа умирает где-то с голоду. В отчаянии я опустил голову на руки и разрыдался. Рокси подошла и погладила меня по спине.

– Почему ты просто не подождёшь, Альфи? Знаешь, через несколько лет учёные найдут решение, особенно если изучат твой организм. Тогда ты сможешь сам съездить на остров Коквет и найти эту жемчужину. Разве нет?

Я перестал рыдать и поднял голову.

– Ты не понимаешь, да? ЖДАТЬ НЕЛЬЗЯ! Как только начнутся раскопки, жемчужину жизни или сломают, или запрут в музее, или вскроют и отправят на анализ. И на что тогда мне надеяться? Я навечно останусь в этом возрасте!

Я орал и не мог остановиться, особенно после того, как Эйдан заметил:

– Но у тебя же будем мы, Альфи...

– НЕТ, ВАС НЕ БУДЕТ! Вы вырастете, вы уйдёте вперёд. А я останусь: странный ребёнок, который смешно разговаривает, у которого татуировка и который утверждает, что ему тысяча лет. Вы поступите так же, как другие, как Джек, – вы меня бросите.

Я представил себя древним человеком в теле мальчика.

Встал и, больше не сказав ни слова, вышел.

Глава 77

Я явился в Дом графа Грея на сорок минут позже, чем следовало, – просто не мог собраться с силами и идти быстро. Казалось, земля

притягивала мои ноги и не давала шагать. Я полагал, что тётушка Рита будет в ярости, и уже решил – мне на это наплевать.

Однако она сказала:

– Тебя хотят видеть, Альфи.

– Кто?

– Похоже, твои давние знакомые.

Меня чуть не вырвало. Это мог быть только Джаспер.

Руки затряслись, и мне пришлось подержаться за дверную ручку, прежде чем открыть дверь в холл.

Глава 78

Он стоял – тёмный силуэт на фоне окна – и держал руки за широкой спиной.

– Здравствуй, Альфи, – произнёс он, не оборачиваясь.

Когда он повернулся, я несколько секунд осмысливал увиденное, а потом громко ахнул.

Я не видел Джона МакГонагала больше шестидесяти лет. С тех пор, как дрался с ним на улице. Я бы ни с кем его не спутал, хоть волосы у него и стали почти полностью седые, а в глазах поселились такие печаль и пустота, что разрывалось сердце. Он медленно кивнул. Я промолчал.

– Я подумал... это ты, – произнёс он с тем же акцентом джорди^[10], с которым когда-то угрожал нам с мамой.

Я занервничал. Нахлынули воспоминания.

«Ты ненормальный, да?! Долбанутый! Чёртов психопат!»

И затем слова Рафеля: «В реальной жизни, Альфи, их надо добивать. Иначе они придут за добавкой».

Он вернулся за мной? Чего он хочет? Человек – точнее, чёрный силуэт на фоне окна – заговорил, и слова его поплыли у меня в голове...

– Просто... кто ещё, – произнёс Джон. Я собрался с мыслями и вернулся обратно в двадцать первый век. – Когда мой внучатый племянник Иниго – вы знакомы – рассказал мне историю с книгой, я понял: это ты.

Я стоял, моргая от удивления.

– Всё нормально, – потряс головой Джон. – Я прекрасно знаю, что за фрукт этот Иниго. Он хороший мальчик, но его добрые качества спрятаны под слоем лени, глупости и самодовольства.

Он оборвал себя.

– Ладно, это не важно. Здесь я по важной причине.

Я наконец заговорил:

– Догадываюсь. Но... по какой?

Он снова повернулся к окну и посмотрел наружу, подбирая слова.

– Врачи дают мне шесть месяцев – через шесть месяцев меня не станет. Не переживай, – он коротко усмехнулся, – я прекрасно себя чувствую. Тип-топ! По большей части. Но есть кое-какие дела, которые следует закончить, прежде чем я уйду, понимаешь?

Я кивнул, хотя он не мог меня видеть. Сидя на жестком диване, я не сводил с него глаз. Он повернулся и снова посмотрел на меня печальными старческими глазами.

– Я заслужил ту трёпку, которую ты мне задал, Альфи. На сто процентов заслужил. Хотя мне потребовалось время, чтобы это понять. И когда понял, я захотел – не знаю, попросить прощения, что ли. Но вы с мамой уже уехали, так ведь? Полагаю, из-за меня. И следов не оставили. Готов поспорить, вы хорошо умели это делать – уезжать, не оставляя следов.

Я пожал плечами, думая: «Куда он клонит?» Его слова звучали так, будто он знал. Знал мою тайну. Шею неприятно закололо.

– Так что я остался жить с этой идеей. Потом вы вернулись, да? Люди болтают, Альфи. И если ты готов слушать, многое можно узнать. Я написал твоей маме, но не получил ответа. Тогда я подумал: может, лучше оставить вас в покое? А потом услышал про пожар.

Джон замолчал. Думаю, он очень старался говорить взвешенно и спокойно.

– Мне жаль, Альфи. Твою маму. И... знаешь...

Он оглядел скупо меблированную комнату с износостойкой краской на стенах и школьным запахом.

– И... всё остальное.

– Ты... ты знал? Про меня? И маму?

Он улыбнулся и впервые показался мне не таким печальным.

– О да. Я знал. Но твой секрет в безопасности. Кстати, есть ещё один человек, который знает. Он мне и сказал.

– Привет, Альфи, – проскрипел другой голос, и я подскочил на диване.

В углу, в тени, сидел сгорбленный человек, которого я не заметил, когда вошёл. Но этот человек всё время находился в комнате.

Он был очень старый, морщинистый, с растрёпанными седыми волосами и дрожащим подбородком. Но острый взгляд говорил, что ему ещё далеко до старческого слабоумия.

Тряся головой, на меня смотрел тот, кого я некогда считал своим последним другом: Джек МакГонагал.

Глава 79

– Мне очень жаль, Альфи, – еле слышно произнёс Джек.

Я подошёл ближе и пододвинул себе стул.

– Наша семья плохо с тобой поступала, да? Сначала я, потом Джон и теперь этот никчёмный юноша Иниго.

– Ты... ты не сказал ему, нет? – спросил я с ноткой паники в голосе. – Про мой... ну, про историю с возрастом?

Я медленно переводил взгляд с Джека на Джона и обратно.

– Когда тебе девяносто, Альфи, у тебя есть время подумать о вещах, которые ты мог бы сделать лучше. Но времени исправлять их уже нет. Хотя порой это удаётся.

Он замолчал и тяжело закашлялся.

– Впрочем, иногда всё, что ты можешь, это просить прощения. Я украл, я смеялся над тобой, я разболтал твою тайну. И мне очень, очень, очень стыдно.

На несколько секунд повисла такая тишина, что, казалось, её можно потрогать. Потом из офиса внизу донёсся дребезжащий звонок телефона.

Они ждали моего ответа, но я не знал, что сказать. Вместо этого я посмотрел на Джека, и на мгновение мне показалось, что этих восьмидесяти с чем-то лет не было.

– Что случилось с Джин? – спросил я.

Он издал сдавленный полусмешок.

– Джин Палмер? Ха. Сбежала от меня с польским матросом.

Я медленно кивнул. Казалось, Джека это не расстраивало. Он со скрежетом рассмеялся, и я как будто узнал знакомого мне мальчишку.

Я снова увидел его – в шортах, слишком широких для костлявых ног. Я видел его пальцы, перепачканные смазкой для велосипедной цепи, которыми он лезет в наш общий пакетик с чипсами за три пенни...

Затем видение исчезло, и я снова оказался в неудобной комнате Дома графа Грея.

– Скажи мне, сынок, – прошептал он, и я пододвинулся ближе. – Это... то, что у тебя... Оно... я не знаю... это хорошо? Тебе нравится?

Такого вопроса мне ещё не задавали, и я крепко задумался.

– Нравилось, как мне кажется, но недолго. Теперь – нет.

Он кивнул и сказал:

– Старость – это не прогулка по парку, сынок. Но каждый день я благодарю Бога за то, что он позволил мне постареть. Я не хотел бы жить, как ты, Альфи. Не тысячу лет, нет.

Хотел бы я быть таким старым, как он? На тот момент, думаю, не хотел бы. И если бы Джек не сказал ещё кое-что, всё пошло бы иначе.

Он помолчал, задыхаясь. Разговор, даже очень тихий, отнимал у него слишком много сил. Джек сделал хриплый вдох.

– Посмотри на себя, Альфи. Прислушайся к себе. Если ты знаешь способ повернуть произошедшее вспять, обрести настоящую жизнь, настоящих друзей, то послужи себе! Когда-то я был тебе другом. Надеюсь, что так. Но теперь тебе нужны друзья, которые не...

Он замолчал, переводя дыхание.

Подбородок у него перестал дрожать, и он посмотрел мне прямо в глаза.

– ...которые не уйдут от тебя вперёд.

– Спасибо, Джек, – сказал я.

Я протянул руку для рукопожатия, и он в ответ протянул свою. Его рука была мягкой, но не вялой, я почувствовал пальцами движение его пергаментной кожи. Джек улыбнулся, и плечи его слегка расправились, словно часть ноши ему удалось с себя снять.

– И ещё одно... – начал было он, но тут в дверь заглянула Санжита.

– Всё в порядке, Альфи?

Не дожидаясь ответа, она вошла в комнату.

– Ты меня представишь?

Она направилась к Джону, протягивая руку.

– Санжита Прасад, социальный работник, прикрепленный к Альфи. А вы?

– Я, э... здравствуйте. Джон МакГонагал. Это мой отец, Джек. Мы... мы дружили с Хильдой. Мамой Альфи. Просто хотели, понимаете, повидать молодого человека.

Санжита улыбнулась, но я забеспокоился. Сколько времени она была здесь? Вдруг она подслушивала? Тётушка Рита, должно быть, вызвала её, сказав, что у меня два пожилых визитёра. Мне это всё не нравилось.

Какое бы ни создалось настроение в этой душной гостиной, теперь оно было разрушено.

Джон сказал:

– Вставай, папа. Пожалуй, нам пора уходить.

Он помог старому Джеку подняться.

– Рад был познакомиться, – кивнул Джон Санжите, а старый Джек добавил:

– Приветствую.

– Давайте я провожу вас, – я пошёл к выходу, приноравливаясь к их медленным шагам.

Санжита с подозрением смотрела на меня.

В коридоре Джон, понизив голос, спросил:

– У тебя всё в порядке, сынок?

Я кивнул. Конечно, всё было в высшей степени не в порядке, но ему я не мог об этом сказать. Не сейчас, когда Санжита находилась рядом. Джек засунул дрожащую руку в карман пальто и достал пакет с каким-то предметом. Он передал пакет мне и произнёс с улыбкой:

– Пришло время вернуть её, Альфи.

В пакете была моя «Сказка о двух городах» Чарльза Диккенса.

– Спасибо, – сказал я.

– Удачи тебе, Альфи. Ты был хорошим другом. Жаль, что я не мог соответствовать.

Затем Джек и Джон осторожно спустились по стёртым ступенькам и сели в машину Джона, которая стояла на набережной.

Я обернулся и увидел, что Санжита, скрестив руки, стоит в коридоре и смотрит на меня.

Глава 80

– Ты что-то задумал, Альфи Монк, – сказала Санжита.

Тон её был мягким и дружеским, но одновременно резким и острым, как лезвие.

– Я не спущу с тебя глаз, молодой человек. Или не очень молодой. Ты бы лучше...

Её речь прервали Таша и Мелания – девочки из Дома графа Грея. Громко хохоча, они сбежали вниз по лестнице. Одна из них врезалась в Санжиту.

– Извините! Альфи, пойдёшь к заливу?

Некоторые дети любили тёплыми вечерами плескаться и играть в воде. Меня позвали впервые, и втайне я очень заволновался.

– Да, увидимся там, – ответил я.

Девочки захихикали над чем-то, известным только им, и выбежали на улицу.

Санжита кивнула мне:

– Будь осторожен, Альфи, я за тобой слежу.

Затем она ушла, оставив меня в коридоре, где висели доски объявлений, лежал износостойкий ковёр и пахло дезинфекцией.

Джек был прав: надо всё повернуть вспять.

Я вспомнил про пакет, вынул оттуда книгу и нахмурился. В книгу что-то вложили, отчего она стала толще, чем раньше. Это оказался конверт – от Джека.

На конверте было написано: «На всякие мелочи», а внутри лежали две пятидесятифунтовые банкноты.

У меня появилась идея.

Я вернулся в свою комнату, достал мобильный телефон, выданный мне Санжитой, и включил его, чтобы отправить первое в жизни сообщение.

Дорогая Рокси!

У меня есть идея, как попасть в то место, о котором мы говоримы. Давайте встретимся втроем на станции завтра в 8 утра.

Искренне твой, Альфи.

Через несколько секунд телефон звякнул, и я прочитал ответное сообщение: «ЛОЛ ОК».

Ответ получился короткий, но я не сомневался, что он означает «да».

Третью ночь подряд я почти не спал, но на этот раз причиной были не страх или печаль, а предвкушение.

Я разработал план, как вернуть последнюю сохранившуюся на земле жемчужину жизни.

Этот план, безусловно, был отчаянным и дерзким. Но единственным.

Я собирался подкупить кого-то, чтобы тот нарушил закон и отвёз нас на остров Коквет.

Часть четвертая

Глава 81

Дорога до Амбла – поездом до Ньюкасла и затем автобусом – занимает около двух часов. Мы прибываем на место и понимаем, что день намечается холодный.

Часы на церкви бьют десять, и огромная дама в переднике поднимает рольставни в кафе «Нептун».

Амбл – малоэтажный приморский городок с домами песочного цвета. Он словно прижимается спиной к Северному морю. В воздухе всегда стоит лёгкий запах соли, и я слышу, как люди говорят друг другу: «Э, запах меняется, так ведь? Скоро пойдёт дождь».

Остров Коквет находится недалеко в море. Издали, кроме маяка, на нём ничего нельзя разглядеть.

Альф и помалкивает. Он лишь изложил нам свой план, который стал возможным благодаря двум пятидесятифунтовым купюрам. Альфи их нам показал. Я так и не понял, зачем он позвал нас, но Альфи сказал, что для достоверности. Он собирается изображать взрослого и надеется, что присутствие детей усилит эту иллюзию. Не знаю. Думаю, он скорее хочет, чтобы мы были рядом для моральной поддержки. Рокси же планирует сыграть главную роль в своей собственной пьесе – в этом я не сомневаюсь.

Прогноз погоды в её телефоне объявляет, что дождь будет с вероятностью девяносто процентов. Так что Альфи оказался прав. Но мы понимаем: если всё пойдёт по плану, к полудню мы уже закончим.

Нам удалось проделать весь путь без сучка и задоринки, и это, казалось бы, должно поднять настроение. Но мы, наоборот, похожи на погоду: холодные и задумчивые, словно ожидаем чего-то плохого.

Мы сидим в кафе «Нептун» и смотрим в окно на прохожих, одетых в шорты и ветровки. Альфи заказал чашку чая, а мы с Рокси – по банке кока-колы, но никто из нас не пьёт. Хозяйка кафе с подозрением поглядывает на нас, словно ждёт, когда мы что-нибудь украдём.

Молчание нарушает Рокси. Она передает Альфи свой рюкзак и говорит:

– Ну ладно. Пришло время твоей трансформации, Супермен.

Альфи молча берёт сумку и идёт в туалет переодеваться.

Рокси так спокойно относится ко всей этой истории, что я немного злюсь. Она совсем не боится, что дома поднимут тревогу.

– Проще простого, – ответила Рокси в автобусе на вопрос о том, как она объяснила свой ранний уход. – Театральный кружок едет в Йорк.

– И твоя мама не поинтересовалась, почему вы уехали в семь утра в субботу? – спросил я. – Не удивилась, почему нет письма или формуляра, который ей надо подписать?

Рокси пожала плечами.

– У мамы своих проблем хватает. Если я объясню, что расписалась за неё, чтобы избавиться от хлопот, она только спасибо скажет.

Я завидовал лёгкости, с которой Рокси обманула свою маму. Если бы я попытался провернуть что-то подобное, мама с папой сразу бы всё поняли. Они попросили бы письмо или расписание мероприятий. Мама заставила бы отца рано встать и отвезти меня на место сбора. Нет, у меня такое точно бы не сработало.

Мне пришлось оставить записку на подушке, и это меня раздражало.

Ушёл к Мо. Вернусь к чаю.

Существует определённый риск того, что отец заедет к Мо – позвать меня помочь починить трубы в ванной / очистить сточные канавы / отнести коробки на чердак / всё вышеперечисленное. Как раз этим я и должен был сегодня заниматься. Отец наверняка подумает, что я опять увильнул.

Альфи сбежал без особых переживаний. Двери Дома графа Грея запираются на замок, и включается сигнализация. Но он обнаружил, что можно легко уйти через пожарный выход.

– Пойдёмте? – раздаётся сзади.

От неожиданности я подскакиваю. Затем оборачиваюсь и вижу Альфи в длинном пальто и мужской шляпе с полями – costume Рокси из «Оливера». Выглядит довольно убедительно. Женщина за прилавком странно смотрит на нас. А как ещё смотреть, если мальчик в твоём заведении идёт в туалет и возвращается оттуда переодетый стариком?

Мы выходим, и над дверью кафе звякает колокольчик. Дама по-прежнему не сводит с нас глаз. Я замечаю, что она лезет в карман и

достаёт мобильник. У меня сводит живот от предчувствия: что-то пошло не так.

Но я ничего не говорю.

Глава 82

Рокси никак не может успокоиться и всё хихикает над новым костюмом Альфи. При других обстоятельствах я бы тоже посмеялся: получилось очень здорово. Он чуть ссутулился, слегка вытянул шею и надвинул шляпу так глубоко, что глаза оказались скрыты полями. Сутулься Альфи сильнее, он выглядел бы очень маленьким, ведь он и так невысокий.

Альфи почти не сгибает колени и едва шевелит стопами. Ноги опускает осторожно, как будто это причиняет ему боль.

От кафе «Нептун» до гавани – не больше ста метров. На берегу стоит деревянный киоск с большой надписью разноцветными буквами:
ООО «НАБЛЮДАЕМ ЗА ТОПОРКАМИ»
СЛЕДУЮЩИЙ ЗАЕЗД В 12:00

За стеклом в киоске сидит человек с электронной сигаретой в зубах. Увидев нас, он прячет мобильник – я знаю это. Неизвестно откуда, но знаю.

– Ребята, – говорю я. – За такие дела нас по головке не погладят.

Певучим голосом, который меня бесит, Рокси заявляет:

– Ты пораженец!

Она идёт к киоску. Альфи, не отставая, топает рядом с ней.

В стекле имеется прямоугольное окно – для передачи денег и получения билетов. Оттуда выплывает облако дыма. Человек всего-навсего курит электронную сигарету, а дыма столько, словно в киоске пожар.

Альфи наклоняет голову к стеклу и произносит низким голосом:

– Интересно, приятель, могу ли я оправдать твой риск и усилия по высадке на остров?

Одно мгновение – мучительное мгновение – мне кажется, что нам сойдёт это с рук. Человек затягивается и бормочет:

– Что интересно?

Затем он умолкает, выпуская облачко дыма.

Альфи вынимает из кармана две пятидесяти фунтовые банкноты.

– Интересно, могу ли я убедить вас сделать высадку на остров? В восточной части, чтобы никто не видел? Мои дети мечтают посмотреть топорков поближе. Понимаете, что я хочу сказать?

Человек пожирает банкноты глазами. Альфи подталкивает их к нему.

– Это оплата вашего времени.

Человек протягивает руку с обломанными ногтями, сгребает банкноты и убирает их в кошелек. Альфи поворачивается к нам и улыбается.

– Убирайся, – рычит человек. – Во-первых, я останусь без лицензии. Во-вторых, ты что, считаешь, я вчера родился? Минуту назад вы были в кафе «Нептун»! Убирайтесь – и подальше. Наглые маленькие придурки!

– Это означает «нет»?

– А что ещё? Конечно, чёрт возьми, самое-рассамое «нет». Убирайтесь!

У Альфи опускаются плечи. Он отворачивается, затем распрямляется и возвращается к окошку.

– Тогда могу я получить деньги назад?

Повисает неприятное молчание. Человек затягивается и выпускает дым. Затем произносит:

– Какие деньги?

Из Альфи словно выпускают весь воздух. Не глядя на нас, он падает на ближайшую скамейку.

Бедняга Альфи и так всё утро вёл себя очень тихо, но сейчас он впервые выглядит на тысячу лет.

Глава 83

Я сижу на скамейке и смотрю на фиолетово-серое море. Высоко надо мной, в белом небе, плачут одинокие чайки. В открытом море ветер взбивает на волнах крошечные барашки.

Внизу раскачиваются мачты яхт и звенят парусные шкивы.

Это была сумасшедшая идея.

Но я всё испортил и теперь не смогу сделать то, чего дожидался сотни лет.

Вырасти.

Отпраздновать двенадцатый день рождения. По-настоящему.

Завести друзей, который вырастут вместе со мной, влюбиться, жениться, воспитывать детей и смотреть, как они растут и заводят своих детей...

Почувствовать важность жизни. Её ценность. Желать, чтобы каждый день был как можно длиннее – ведь дней впереди конечное число.

Я давно понял – лучше, чем кто-либо другой на земле, – если нет смерти, жизнь превращается в существование.

И сейчас, кажется, в миллионный раз после гибели мамы по моему лицу текут слёзы. От холодного морского ветра начинают мёрзнуть щеки. Сначала я даже не замечаю, что рядом садятся Эйдан и Рокси. Эйдан обнимает меня за плечи, а Рокси кладёт голову мне на руку (как я любил лежать на руке у мамы).

Мы долго так сидим.

Затем позади нас кто-то говорит:

– Ого! Смотри!

Я оборачиваюсь. Люди смотрят на море, где стая птиц то и дело ныряет в воду.

– Это чайки? – спрашивает у мамы девочка.

– Не знаю, крошка. Девочка хихикает.

– Они похожи... на летающие футбольные мячи.

Их голоса, подобно лебёдке, вытягивают меня из отчаяния.

– Это топорки, – говорю я девочке. – Их редко удастся увидеть так близко. Наверное, в воде стая макрели или тюльки. Тюльку они особенно любят.

Мама девочки улыбается.

– Вы много знаете.

Я пожимаю плечами. Надеюсь, скромно. И тут вмешивается Рокси:

– Как ты думаешь, Альфи, какая сейчас вода?

Эйдан усмехается:

– Это Северное море. Вода ледяная.

– Но ведь почти июнь.

– И что?

– А то, что у меня идея.

Глава 84

Идея Рокси такая возмутительная и диковинная, такая дерзкая и смелая, что она совершенно точно не может сработать.

Но это моя единственная – и последняя – надежда.

Мы украдём лодку. Говоря «мы», я в основном имею в виду себя.

В маленькой гавани, где кипит жизнь, летом, среди людей, я намерен украсть маленькую яхту (или любую яхту – возможно, у меня не будет особого выбора) и идти самостоятельно до острова Коквет, который находится на расстоянии мили от берега.

Знаю. Чистейшее безумие.

Другой вариант – ничего не делать, а это вообще ни к чему не приведёт.

Я помню времена, когда люди почти ничего не брали без разрешения. И даже помню времена, когда за кражу корзины с рыбой человека вешали – независимо от возраста.

А теперь вот хочу украсть лодку...

Мы сидим на скамейке, смотрим на гавань и обсуждаем план, который – даже если он сработает – точно принесёт большие неприятности.

Если он не сработает – что более вероятно, – последствия будут слишком печальными, чтобы о них даже думать, и я сообщаю об этом Рокси.

– Значит, не будем о них думать, – отвечает Рокси – на мой взгляд, слишком беспечно. – Всё очень просто: или мы пробуем и, возможно, терпим неудачу. Или мы не пробуем и обязательно терпим неудачу.

Моё будущее зависит от этого крошечного шанса, лежащего между «возможно» и «обязательно».

Рокси тычет пальцами в мобильник и полностью поглощена этим делом. Сейчас с нами «Рокси-главная»: крошечная и очень харизматичная.

– Здесь есть две станции береговой охраны, – говорит она, глядя в экран телефона. – Первая в Амбле, вот здесь.

Рокси указывает на низкое здание в другой части гавани, окна которого выходят на море.

– Вторая – в Сихауссе, дальше к северу. Будем надеяться, что ты доберёшься до острова прежде, чем тебя поймают. С Сихауссом

проблем не будет точно – он слишком далеко. А вот эта... честно, я не знаю.

Это прозвучало обескураживающе.

Я пытаюсь определить, с какими парусными лодками я мог бы справиться сам и какие из них могут развить нужную мне скорость.

Такая в гавани стоит только одна: тридцатифутовая белая одномачтовая яхта. Она пришвартована на последнем причале, ближайшем к выходу из гавани, что хорошо, но до неё надо долго идти мимо остальных яхт, что плохо. Меня заметят. Мне придётся миновать дюжину людей, которые знают и друг друга, и остальных моряков, и остаётся только надеяться, что на меня не обратят внимания.

– Вот эта, – говорю я Эйдану и указываю на яхту, над кормой которой развевается маленький пиратский флаг.

Эйдан не отвечает.

– Ты слышал меня?

– Слышал. Ты уверен, что нужна именно эта?

– А что? С ней что-то не так?

– Это яхта моего дяди Джаспера, – говорит Эйдан.

Глава 85

Единственный наш шанс отплыть из гавани – сделать это в открытую. «Спрятать на виду у всех», – обычно говорила моя мама. Но даже в этом случае нужно будет как-то отвлечь внимание людей.

Вот почему Рокси спрашивала про температуру воды.

Сначала, впрочем, придётся вызвать береговую охрану.

От скамейки мы перешли в тихую безлюдную часть гавани, но мы по-прежнему держим в поле зрения станцию береговой охраны и яхту, которую мне предстоит украсть.

Мы трое стоим лицом к лицу. Я не могу говорить, но сердце у меня грохочет, словно кузнечный молот, а в горле так сухо, что я готов выпить целый залив.

Пожалуй, впервые за свою долгую жизнь я испытываю такую глубокую благодарность – к своим друзьям, но об этом, как выяснилось, не так легко сказать. Я смотрю на Эйдана, он бледный как смерть.

– Что-то не так, Эйдан? – спрашиваю я, но он трясёт головой.

– Всё нормально, – говорит он, – действуем по плану.
– Ты уверен?
Он улыбается:
– Для чего ещё нужны друзья, Альфи?
Так начинается моя новая жизнь.

Глава 86

Рокси отключила на телефоне функцию «идентификации абонента». Она объяснила, что с этой функцией тот, с кем ты разговариваешь, может легко узнать, кто ты.

Она набрала номер береговой охраны и назвала вымышленное имя и (вероятно) вымышленный номер тому, кто ответил на вызов. А теперь она всю причитает:

– Мой папа! Он катался на доске для виндсерфинга, его уносит в море!

Она молодец. У неё выходит очень убедительно. Я смотрю на её лицо, искажённое волнением, словно она на самом деле звонит спасателям насчёт своего папы.

– Мы на пляже в Лоу Хаксли! – говорит она. – Вы должны помочь! Спасибо... Да, я буду здесь.

Долго ждать не пришлось. Несколько минут спустя три фигуры в жёлтых дождевиках выбежали из здания береговой охраны, по металлической лестнице спустились со стены, окружающей гавань, и сели в надувную спасательную лодку – большую, серую, надёжную.

Они заводят мотор, а Рокси, Эйдан и я – мы уже в гавани. От волнения я задыхаюсь, из-за этого кружится голова.

– Пожалуйста, скорее, – лепечет Рокси в телефон. – У меня сейчас сядет батарея. Вы уже едете? Спасибо, мне пора...

И она обрывает разговор на полуслове.

– Ты в порядке? – спрашивает Эйдан.

Я только киваю в ответ.

Он поворачивается к Рокси.

– Всё о'кей. Теперь твой выход.

Она стискивает зубы и уходит за закрытый киоск с мороженым, откуда через минуту возвращается, одетая в футболку и плавки.

На причалах есть люди – в основном яхтсмены, – но никто не обращает на нас особого внимания. По крайней мере, пока.

– Большой тебе удачи, Рокси, – говорю я и протягиваю ладонь для рукопожатия.

Её сжатые губы растягиваются в улыбке.

– Ты, Альфи Монк, – самый странный мальчик в мире! – говорит она. – Иди сюда.

Она обхватывает меня своими крошечными руками и сжимает крепко-крепко.

– Это тебе нужна удача. Я лишь собираюсь притвориться, что тону. Тебе большой удачи.

С этими словами она спускается с причала в воду, даже не ахнув: вода, должно быть, очень холодная.

Она стискивает зубы так сильно, что на шее вздуваются жилы, а глаза становятся такими белыми и круглыми, что я боюсь, как бы они не лопнули.

Я точно знаю: Рокси Минто – самая крутая девчонка из всех, что я встречал.

Она начинает заплыв к центру гавани, и пока ещё никто не замечает, как в волнах мелькает её тёмная голова.

Глава 87

Нам с Эйданом надо действовать быстро.

Я снимаю дурацкое пальто со шляпой и теперь снова выгляжу как мальчик. На причале лежат синий пластмассовый ящик и – кучей – ловушки для омаров. Мы берем ящик и несколько ловушек и направляемся к дальнему краю гавани.

Притворись, что идёшь по делу, и люди не обратят на тебя внимания.

Это один из многих советов, которые помогали мне в течение стольких лет.

Но не сегодня. Худая женщина в толстом свитере и с красным обветренным лицом встаёт у нас на пути.

– В чём дело, мальчики? – нелюбезно спрашивает она. – Куда вы направляетесь со всем этим?

– Я... э... – начинает Эйдан, а я искоса смотрю на него и вижу, что он стал таким же красным, как и эта женщина.

– Ловушки – для его дяди, – отвечаю я.

– Неужели? И кто он? Сегодня я дежурная по гавани и должна за всем присматривать.

– Это... это Джаспер. Джаспер Гук, – наконец отвечает Эйдан.

Лицо женщины смягчается.

– А, капитан Гук? Мы недавно с ним хорошо поговорили. Идёт ловить омаров, да?

Она смотрит на небо, которое из белого стало серым с тёмными фиолетовыми кровоподтёками, движущимися в нашу сторону.

– Хотя я бы сегодня не стала выходить. Скажи Джасперу, что Натали не советует. Гляди – люди возвращаются.

Она показывает на четыре яхты, которые идут к своим местам между двух длинных причалов. Ещё несколько приближаются ко входу в гавань.

Ветер крепчает, и на нас падает пара холодных капель.

Мы с Эйданом быстро идём дальше по причалу, минуя яхтсменов, которые торопливо подготавливают свои корабли к надвигающемуся шторму. Я вижу головку Рокси, которая почти доплыла до середины гавани.

Словно по сигналу, раздаётся её крик: «Помогите! Помогите!».

Только звучит он слишком тихо. В растерянности я оглядываюсь. Никто ничего заметил. Даже Эйдан.

– Ты слышал? – спрашиваю я его.

– Что слышал?

Идея была в том, что Рокси создаст переполох, а мы незаметно выскользнем из гавани. Но это не сработало. Никто не приметил маленькую чёрную точку посреди залива. Крик заглушили шум моторов и хлопанье парусов...

– Помогите! – звучит очень естественно, ведь Рокси прекрасная актриса.

Я бросаю синий ящик и бегу по причалу к краснолицей женщине.

– Человек в беде! – ору я и машу в ту сторону, откуда доносится слабый крик.

– Помогите! – кричит Рокси.

– Э! Там что, кто-то плавает?! Нельзя купаться в гавани! Эй! Эй!

Теперь я напуган по-настоящему, поскольку не могу уже различить в воде головку Рокси. Исчезают и её поднятые руки, беспокойство моё усиливается. Натали достаёт маленький бинокль и осматривает море. Наконец она говорит:

– Вот! Вот!

И мы слышим крик:

– Помогите!

Натали бросается за помощью, её резиновые сапоги стучат по деревянному настилу. Я бегу в противоположном направлении, к Эйдану, который ждёт возле яхты дяди Джаспера.

– Скорее, времени мало, Эйдан!

Лодка привязана к железному кнехту. Эйдан начинает её отвязывать. Заканчивая с последним канатом, он вдруг останавливается и, нахмутив брови, озабоченно смотрит на рулевую рубку.

– Что такое? – спрашиваю я.

– Ключи. Смотри. Они в замке зажигания.

Эйдан вздыхает.

Совершенно верно – в замке торчит ключ, а с него свисает большой пробковый поплавок.

– Почему... – начинаю я, но Эйдан меня опережает.

– ...ключи оставили на лодке? Если только...

– ...хозяин на месте?

Яхта качается на волнах, и с кнехта сползают последние ярды каната.

Лодка начинает отходить от причала. Я упираюсь руками в бедра и, стараясь шуметь как можно меньше, перепрыгиваю на корму. Эйдан тоже прыгает и легко приземляется рядом со мной. Мы крадёмся к рубке.

Возле штурвала – открытая дверь, которая ведёт вниз, в маленькую кухоньку со столом и кроватью.

На кровати лежит дядя Эйдана, Джаспер – глаза закрыты, руки раскиданы в стороны, в ушах наушники, рядом почти пустая бутылка рома. Музыка играет так громко, что её слышно из-под наушников. Старинная церковная музыка – грегорианский хорал, где поют без инструментального сопровождения.

На крюке возле штурвала висит аккуратно свёрнутая верёвка. Кажется, нас с Эйданом посещает одна и та же мысль. Он тихонько закрывает дверь, а я накидываю верёвку на ручку и как можно туже привязываю её к лееру. Потом снова накидываю петлю и делаю ещё один оборот вокруг леера. И, наконец, завязываю самый крепкий узел из всех, что знаю. Эйдан широко улыбается и поднимает руку с раскрытой ладонью. Я делаю то же самое, и он хлопает меня по ладони. Это странно, но здорово.

Нас выносит из гавани – прямо на другое судно.

– Эй! Повнимательнее! – раздаётся крик, и когда до столкновения остается несколько дюймов, судно отворачивает в сторону. – Вы идиоты? Надвигается шторм!

В паре сотен ярдов от нас моторная лодка ползёт к Рокси, а на причале и дамбе кучками стоят люди.

Вряд ли нам удастся уйти далеко, не потревожив Джаспера. Любое движение может его разбудить, и нам остается только смириться с этим.

Мне, например, нечего терять. Если для попадания на остров Коквет нужно держать Джаспера в плену, что ж... я это сделаю.

У меня просто нет выбора.

Мы планировали – если слово «планировать» вообще применимо к нашим действиям – выйти из гавани под парусом. Но ключи в зажигании означают, что можно завести мотор. Я поворачиваю ключ, двигатель начинает работать. Я направляю лодку в открытое море.

И вдруг мы слышим:

– Эй! Какого дьявола тут происходит?

В двери, на которую изо всех сил наваливается Джаспер, нет окна. Он понятия не имеет, кто украл его лодку.

Сколько времени верёвка сможет удерживать дверь? Сумеет ли Джаспер дверь сломать? Долго ли нам плыть до острова? Сначала нужно обогнуть дамбу, а после неё до цели останется не меньше мили. И что потом? Коквет – остров, на котором нет ни гавани, ни причала. Где мы высадимся?

Да, план можно было продумать и получите.

Мы с Эйданом ставим большой парус. Но не успеваем поднять его и до половины – он наполняется ветром и корабль сильно накреняется. Я хватаюсь за штурвал, Эйдан закрепляет шкоты, и через мгновение

мы несёмся по серебряной воде в открытое море с такой скоростью, что захватывает дух.

– Во имя Всевышнего, что вы делаете? Надеюсь, вы понимаете, твари вороватые, какое серьёзное преступление совершаете?!

Не знаю, сколько продержится дверь. Она не кажется надёжной.

Глава 88

Мне почти жалко Джаспера. В его голосе звучит искренняя паника – он очень напуган. Лежал себе человек в каюте, отдыхал, слушал музыку в наушниках, и вдруг оказывается, что он заперт и – как ему кажется – похищен.

А что Альфи? Скажу прямо, Альфи очень крутой. У него есть цель, и ничто – ничто! – не может его остановить. Он управляет лодкой, глядя вперёд сквозь усиливающийся дождь. Челюсти его сжаты, глаза прищурены.

Не знаю, быстро ли мы плывём. Скорость кораблей измеряют в узлах, а я понятия не имею, что означает один узел. Если судить по следу за кормой, скорость нашей лодки не меньше, чем у автомобиля в городе. Ветер оглушительно воет, надувая огромный белый парус. С ветром нам повезло: он дует с берега и несёт нашу яхту прямо к острову. Мы попадём туда за считанные минуты.

– Ответьте, ответьте! Это Дельта Фокстрот Один Девять. Дельта Фокстрот...

Джаспер по радио просит о помощи.

– Алло! Вы меня слышите? Это Дейв? Дейв! Ты на наблюдательном пункте? Это Джаспер Гук. Моя яхта украдена. Похоже, мы плывём к острову. Я на яхте, заперт в каюте. Меня похитили, Дейв. Звони в береговую охрану. Звони в полицию! Звони кому-нибудь! Конец сообщения.

Голос Дейва скрипит в ответ:

– Береговая охрана возвращается после неудачного выезда, Джаспер. Похоже на ложный вызов. Господи – это ты там так летишь? Гуки, да ты выиграешь Американскую регату! Скажи им, чтобы поворачивали – это небезопасно. Конец сообщения.

– Не могу, идиот, я... я похищен. Они не станут поворачивать по моей просьбе. Звони в береговую охрану, пусть отправят на остров

спасательный катер и перехватят их. Конец сообщения.

– Кто тебя похитил, Джаспер?

– Не знаю я, Дейв! Меня заперли, я их не видел!

– Они вооружены, Гуки?

– Да ради бога, Дейв! А ещё у них тигр-людоед! Откуда мне знать?!

Сделай что-нибудь, пока это корыто не перевернулось вместе со мной!
Конец связи!

На лестнице, ведущей к двери, раздаются шаги, за ними следуют громкие удары – Джаспер снова пытается открыть дверь.

– Выпустите меня! У вас будут огромные неприятности! Это пиратский акт! Вас за него повесят!

Затем всё стихает. Но это напряжённая тишина – тишина, в которой что-то назревает. Стального цвета волны бьются о борт, дождь теперь идёт почти горизонтально. Но парус принимает весь ветер на себя, и возле штурвала образуется тихое местечко.

Я искоса смотрю на Альфи и вижу, как по его лицу расплзается улыбка – улыбка человека, уверенного в своей правоте. И это потрясающе! Я понимаю: не важно, что будет с яхтой, Джаспером или даже со мной, – Альфи в любом случае добьётся успеха. Несмотря на ужас происходящего, я протягиваю руку и нажимаю на ту же кнопку, что и Джаспер – когда он катал на яхте нас с отцом.

В тот же миг раздаётся неземная музыка: грегорианские песнопения тысячелетней давности. Несколько секунд, может, даже полминуты мы плывем в восхитительном покое, полностью доверившись ветру, морю и нашей судьбе.

Затем я вижу, как из дверной щели вылезает маленький ножик и нацеливается на верёвку, удерживающую дверь. Ещё чуть-чуть, и он перережет верёвку.

Вдруг, подпрыгивая на волнах, с сумасшедшей скоростью на нас вылетает надувная спасательная лодка. Фигуры в жёлтых дождевиках увеличиваются с каждой секундой.

Остров тоже растёт.

Мы летим прямо к нему. Море такое бурное, что иногда почти не видно скал. Но едва волна отходит, они возникают снова: огромные чёрные камни, которые, словно спины китов, изгибаются над поверхностью моря. И через несколько секунд нас по ним размажет.

Глава 89

– Отпустить грот! Вон тот пар/с! – кричит Альфи.

В его голосе звучит страх, и я так быстро, как только могу, отвязываю канат. Гик тут же начинает раскачиваться, хлопает ненатянутый парус, и скорость яхты падает. Но по инерции она продолжает плыть на скалы. Скалы эти прикрывают вход в бухту, и в любую секунду мы можем налететь на них – подобно волнам, отбрасывающим огромные плюмажи белой пены.

Альфи со всей возможной скоростью крутит штурвал по часовой стрелке; руки его мелькают так быстро, что кажутся смазанными пятнами. Лодка кренится вправо. В это время распадается очередной виток верёвки, которую ожесточённо режет Джаспер.

– Вороватые крысы! – рычит он. – Подождите, я ещё доберусь до вас!

– Держи штурвал! – кричит Альфи. Как только я хватаюсь за штурвал, он стягивает свитер и сбрасывает туфли.

– Какого...

Дальше всё разворачивается очень быстро. Альфи прыгает с борта в бурлящее море и исчезает в глубине. В тот же момент последний кусок верёвки уступает ножу Джаспера, и дверь распахивается.

Я хочу заорать: «Альфи!» – но не успеваю. Первая гласная переходит в бессмысленный вопль.

«Весёлый Роджер» продолжает лететь на скалы. И тут огромная волна поднимает нас и переносит через камни. Вода каскадами обрушивается на палубу. Я вцепляюсь в штурвал, чтобы меня не смыло за борт.

Через несколько секунд яхта выравнивается сама. Но без парусов, наполненных ветром, мы оказываемся в полной власти океана – и тот, без сомнения, бросит нас обратно на грозные камни.

Джаспер, который ещё не сказал ни слова, хватается за канат, прикреплённый к парусу. Рефлекторно, спасая себя и яхту, он изо всех сил тянет за канат. Когда натяжение становится достаточным для того, чтобы парус наполнился ветром, Джаспер привязывает канат к металлическому крюку. Измученный «Весёлый Роджер» медленно, по дуге, уходит прочь от страшных камней. Ветер воет, а дождь с такой силой молотит мне в лицо, что я почти ничего не вижу.

И всё это время из корабельных динамиков, медленное и благозвучное, несется пение монахов.

У меня в голове такая каша, что я не могу рассуждать здраво.

Главный мой вопрос: «Альфи – где он? С ним всё в порядке?»

Стирая с лица морские брызги и капли дождя, я пытаюсь высмотреть его в воде, но не знаю, где мы находимся. Яхта уже отплыла далеко от того места, где Альфи прыгнул в воду.

До земли, похоже, около пятидесяти метров.

Пожалуй, пятьдесят метров я могу проплыть. Столько может проплыть большинство моих сверстников. Это как два бассейна в Тайнмуте. Проще простого.

Но в Северном море, в шторм? Шансов почти нет.

Хотя, кажется, наша яхта пока вне опасности. Скалы и остров удаляются, навязчиво гремит священная музыка.

Джаспер подбегает и кричит мне в лицо:

– КАКОГО ЧЁРТА ТЫ ТВОРИШЬ, ЭЙДАН?

Полный ответ на этот вопрос потребовал бы слишком много времени. К тому же я не способен рассуждать здраво. Поэтому произношу лишь одно слово:

– Альфи.

Джаспер смотрит на меня, потом на остров, потом на лодку береговой охраны, которая находится в паре сотен ярдов от нас. Открыв рот, он часто-часто моргает.

– О нет. О нет, нет, нет, нет!

Глава 90

Теперь, когда яхта снова под контролем, нам уже не угрожает прямая опасность; на несколько мгновений бушующие волны стихают, и шторм берёт передышку.

Надувная лодка спасателей теперь рядом с нами. В ней сидят три человека в жёлтых дождевиках и громоздких оранжевых спасжилетах.

Спасатель, сидящий впереди, бросает канат, я ловлю его и привязываю к крюку на корме яхты. За этот канат он подтягивает надувную лодку достаточно близко, чтобы перейти на маленькую металлическую лестницу, свисающую с кормы яхты. Он поднимается

и оказывается на борту вместе с нами. Он огромный, у него борода с проседью, а на дождевике напечатано имя – «ВЕЙЛАНД Дж.».

– Это вы радировали?

Поскольку ветер воет, а монахи продолжают петь через яхтенные динамики, ему приходится кричать.

– В чём дело? Вы говорили, что вы захвачены? Что происходит?

Затем он смотрит на меня.

– Без спасательного жилета? Совсем с ума сошли? Быстро – бери и надевай!

Он указывает на ящик под бортом яхты.

Очевидно, он понятия не имеет, что здесь происходило.

– Альфи! – ору я. – Он в воде!

На лице Вейланда Дж. отражается чистейший ужас.

– Что? Где?

Он разворачивается, и тут же Джаспер всем весом налетает на него. Вейланд Дж., пошатываясь, спускается по ступенькам обратно на надувную лодку и, ошеломлённый, жёлтой кучей падает на дно лодки. Оттолкнув меня, Джаспер бежит на корму яхты.

Когда Вейланд Дж., пошатываясь, встаёт на ноги, я всё ещё пытаюсь надеть спасжилет, а Джаспер уже успевает отцепить канат, соединяющий яхту и спасательную лодку. Не обременённый дождевиком и спасжилетом Джаспер может двигаться гораздо быстрее, чем любой из спасателей. Он цепляется обеими руками за леер и повисает на нём спиной к яхте, готовый пнуть ногами в грудь ближайшего спасателя. Спасатель лишь успевает произнести: «Оу!» – и тут же падает спиной в воду.

Вейланд Дж. снова поднимается по лестнице. Он грубо отталкивает меня в сторону и уже почти хватает Джаспера, но тот отпускает леер и приземляется на спасательную лодку.

От его веса маленькая надувная лодка сильно накреняется. С криком «Нет!» последний спасатель теряет равновесие и шлёпается в воду. Он лежит на воде, как пробка.

Парус наполнен ветром, поэтому мы уже сильно удалились от того места, где на яхту взошёл первый спасатель. На волнах, хорошо заметный, покачивается спасательный жилет.

Джаспер берёт управление спасательной лодкой и на полной скорости мчится к острову.

Что он делает?

– Умеешь ходить под парусом, сынок? – спрашивает меня Вейланд Дж.

Я молча пожимаю плечами.

– Ладно. Подними грот. Приготовься к повороту. Следи за гиком!

Похоже, мы собираемся развернуться и подобрать Альфи и упавших в воду спасателей.

Я с ужасом представляю, что будет, если Джаспер достигнет Альфи. Я вспоминаю, как он шёл к полицейской машине, делая вид, будто хочет успокоить мальчика, который потерялся. Эта история сложнее, чем кажется. Джаспер знает Альфи и преследует его.

Пение монахов – громкое и печальное – внезапно прекращается, потому что Вейланд Дж. поворачивает выключатель. И снова с нами только шум ветра и моря.

– Где произошёл сброс за борт? – кричит Вейланд Дж. – Падение за борт! Где именно он упал в воду?

Я смотрю на поверхность моря, где недавно плыл Альфи, но не вижу ничего.

Глава 91

Я никогда не боялся холодной воды. Когда я был маленьким – по-настоящему маленьким, много-много лет назад, – у нас не было никакой другой воды, кроме холодной. Ею мы умывались, а если хотелось помыться целиком, то для этого было море.

Зимой же, когда море становилось слишком холодным даже для того, чтобы зайти в воду и побрызгать на себя, мама нагревала мне у огня горшок морской воды...

Видите, мои мысли снова возвращаются к маме, даже сейчас, когда я выбрасываю вперёд одну руку за другой, пытаюсь пробиться сквозь холодную бурную солёную воду, которая постоянно попадает мне в рот.

Мне плыть недалеко, но в бушующем море, чтобы продвинуться на то же самое расстояние, приходится делать на пять гребков больше, чем в спокойном. Море поднимает и опускает меня на огромных волнах и несёт к камням, о которые я разобью голову.

Как испуганный зверь, я отчаянно бью в воде ногами, чтобы увеличить скорость.

«Плыви, Альфи, плыви!»

В голове у меня звучит мамин голос, он поторапливает меня. Но я не могу плыть быстрее или грести сильнее, потому что волны и холод украли мои силы: когда слабею я, они становятся сильнее. Я поднимаю голову, чтобы сделать отчаянный вдох, и тут же мне в лицо ударяет верхушка волны, заставляя набрать полные лёгкие солёной воды. Я задыхаюсь под водой и понимаю, что именно здесь я умру. Меня заберёт океан, как забрал много лет назад моего отца.

Начав тонуть, я перестаю слышать шум волн. Шум ветра тоже исчез; вокруг всё стало тихим, мирным и тёмным. Что-то прикасается к моей руке: это песок, поток воды тащит меня по дну. Совершенно точно через несколько секунд я уже ничего не буду чувствовать.

«Ещё нет, Алве, – говорит мама. – Ещё нет».

Затем мамин голос приобретает низкий тембр, и теперь Рафель, мой учитель боевых искусств, обращается ко мне из глубины веков. Его голос доносится со всех сторон: «Запомни, Альфи: сильнее всего ты тогда, когда ты наиболее слаб. Когда твой враг считает, что ты разбит, – тогда бей. Найти силу в слабости, Альфи. Силу в слабости».

Мои ноги касаются песка, мои колени согнуты, и я знаю, что, если я их выпрямлю, они оттолкнутся от морского дна. Из глубины внутри себя, из того, что было тысячу лет назад, я достаю крошечный, обрывочный остаток силы и с последним толчком прорываюсь сквозь толщу воды вверх, к воздуху. Ещё доля секунды – и мои лёгкие окончательно заполнились бы водой, но мой рот наконец-то оказывается над поверхностью, и я делаю хриплый, отчаянный вдох, от которого зависит моя жизнь. Затем волна толкает меня снова, но на этот раз мои колени задевают песок, и я понимаю, что могу стоять. Я втягиваю в себя воздух и кашляю солёной водой. Затем ещё один вдох, и я уже на песчаном берегу. Не останавливаясь, я ползу, иду, бегу, чтобы любой ценой избежать дьявольских объятий океана.

Вдох.

Кашель.

Бегство.

Вдох.

Кашель.

Бегство.

У меня получилось. Я оглядываюсь, чтобы посмотреть на воду, на могучего врага, которого я победил.

Из-за скал ко мне направляется надувная лодка, в которой сидит один-единственный человек.

Джаспер.

Глава 92

В отчаянии я оглядываю море, мой взгляд мечется из стороны в сторону.

Мы разворачиваем яхту, качка усиливается. Чтобы поймать ветер, мы лавируем. Яхта поднимается на волнах и вновь опускается.

– Вон он! – кричу я.

Я указываю на маленькую полоску песка на острове. По ней, спасаясь от накатывающей волны, бежит крошечная фигурка в одних брюках. Он справился.

Но надувной лодке Джаспера остаётся преодолеть всего пару сотен метров. Волны мешают ему, но всё равно он скоро высадится на сушу.

Вейланд Дж. недоверчиво качает головой.

– С ума сойти, – говорит он. – Просто с ума сойти.

Яхта приближается к одному из упавших в воду спасателей, и Вейланд Дж. бросает ему конец.

Я не могу отвести глаз от Альфи, который, спотыкаясь и шатаясь, бежит по поливаемому дождём песку.

Я когда-то смотрел по телевизору документальный фильм, там львица гналась за маленькой антилопой. Та не могла бежать достаточно быстро, и львица постепенно её настигала.

Глядя, как Альф и спешит прочь от воды, я не перестаю думать: «Беги, антилопа, беги!»

Глава 93

Я отворачиваюсь от Джаспера, который приближается ко мне на своей надувной лодке, и бегу прочь от воды к длинной сухой пещере.

Пещера – та самая, где мы с мамой спрятали жемчужину.

Я краем глаза замечаю другую лодку в дальней части пляжа, которую вытащили на песок подальше от волн. Ещё там есть

несколько маленьких палаток, колышущихся на ветру, и большая зелёная брезентовая палатка в точности тех же формы и цвета, как маленькие пластмассовые домики в игре «Монополия».

Должно быть, это лагерь археологов, но там никого нет. Я делаю вывод, что они оставили палатки и инструменты и вернулись на большую землю.

Спотыкаясь, я бегу. Пещера всё ближе. Я вынужден остановиться: падаю на колени, и меня рвёт солёной водой. Я оглядываюсь на море и вижу, что спасательная лодка уже почти у берега. Я вижу чёрную бороду Джаспера.

Я пробегаю ещё немного и оказываюсь у входа в пещеру. Внутри пахнет старыми сухими водорослями, солью и мёртвыми птицами.

Ещё там темно. Если чуть-чуть отойти от входа, будет почти ничего не видно. Я изо всех сил моргаю, но толку никакого; я спотыкаюсь и ушибаю босые пальцы о выступающие камни.

Я точно знаю, где находится глиняная коробочка. Пещера в самом конце имеет форму двузубой вилки; один туннель не длиннее руки и заканчивается стеной из песчаника. Другой – не такой короткий; это узкий проход высотой с меня и примерно такой же длины, в конце лежит огромный валун.

Валун скрывает нишу в скале, которую невозможно найти, если не знать точно, где она находится.

Старый Поль знал. Мама знала. Я знаю.

Мне удастся почти полностью протиснуться за валун, я вытягиваю левую руку, нащупываю небольшую покрытую песком полочку и затем...

Ничего нет. Дыхание у меня учащается; я шарю рукой по полочке и по скале позади неё. Может, я её толкнул? Её здесь нет, это совершенно точно, и во мне разрастается чудовищный страх.

Затем я чувствую, как ледяная сильная рука хватает меня за другую руку, и дико кричу.

Я оборачиваюсь, ожидая увидеть Джаспера.

Глава 94

Это не Джаспер. В темноте мне удастся различить старое женское лицо, седые волосы. Это лицо мне знакомо.

– Я тумала, это ты, – говорит она, и я узнаю немецкий акцент.
Это доктор Хайнц, старушка-археолог, которая выступала в школе.
– Быстро, – говорит она, – иди за мной.

Глава 95

– Ты вот это искал?

Мы стоим в зелёной палатке. Снаружи ветер бьёт в брезентовые стены, но внутри спокойно, а материал, из которого изготовлена палатка, придаёт всему вокруг зеленоватый оттенок. Длинный стол завален коробками, папками, проводами, приборами с циферблатами, мастерками и щётками. На сложенной ткани лежит глиняная коробочка; смесь жира, воска и смолы, которой она была обмазана, потрескалась от времени.

Я тупо киваю.

– Это мамино. Точнее, моё. Наше.

Я не могу отвести глаз от коробочки. Я протягиваю руку, но доктор Хайнц преграждает мне путь и смотрит на меня сурово.

– Этого не может быть, – говорит она. – Но правда ли это?

Она наклоняет голову вправо и влево, рассматривая меня под разными углами.

– То, как ты тогда коворил, в школе. В этом было что-то... странное.

Я молчу, но я весь дрожу. Зубы у меня стучат.

– Ах, петный малчик, ты весь самёрс! Фот!

Из стопки покрывал она вытаскивает одно и даёт его мне, я плотно в него заворачиваюсь.

– Твои учиделя рассказали мне о тепе и оп той ушасной вещи, которая с тобой произошла... И токда... я провела небольшое исследование, та? Пошар, та? Мне так, так шаль. Я прочитала официальные сообщения, та? Я опнаружила, что ты и твоя мама, упокой Господи её душу, шили в этом томе много-много лет, та?

Я киваю и падаю на походный стул с тканевым сиденьем. Я до смерти устал. Я больше не могу врать.

– Легенда о пессмертных: она почти забыта, да? Но сохранился один ключ. Я нашла его в саписках старого епископа из Дарема.

Я вздыхаю.

– Уолтер.

– Ты его знал?

Я пожимаю плечами и возвращаюсь мыслями к старому Полю.

– Лично не знал. Но, кажется, я знаю, кто ему рассказал.

Издали доносится крик:

– Альфи! Альфи!

Доктор Хайнц ахает:

– Ещё один человек?

– Тсс!

Мы замолкаем.

– Альфи! Я не сделаю тебе ничего плохого! Выходи!

Сквозь затянутый сеткой вход в палатку я вижу насквозь промокшего Джаспера. Он мечется взад и вперед у пещеры и кричит в неё. Из пещеры доносится слабое эхо.

– Альфи! Где ты есть?

Есть... есть...

На секунду он замирает и оглядывается. Его взгляд наконец останавливается на палатках. Я отхожу от входа и поворачиваюсь к доктору Хайнц.

– Он идёт сюда! Прячьте её!

Двигаясь тихо и уверенно, она наклоняется и убирает коробочку под покрывало в углу палатки. Она выпрямляется в тот самый момент, когда сетка на входе в палатку раздвигается в стороны и внутрь просовывается мокрое бородатое лицо Джаспера. Его глаза безумно сверкают в зеленоватом свете, а длинные и неестественно белые зубы оскалены, словно он готов укусить.

– Здравствуй, Альфи! – говорит он.

Глава 96

Кажется, прошло лишь несколько минут, и вот яхта /же идёт обратно к двойному пирсу гавани Амбла. На яхте я, Вейланд Дж. и два других спасателя, которых Джаспер отправил поплавать. За яхтой на привязи следует надувная спасательная лодка.

Стоя у штурвала, Вайланд Дж. приказывает спустить паруса. Потом он запускает мотор, чтобы удобнее было зайти в гавань. Он ведет себя нелюбезно.

– Иди вниз, сынок, и сиди там, пока я не позову, – рычит он, указывая на внутренние помещения яхты.

Кажется, шторм проходит. Во всяком случае, дождя нет.

Я слышу его разговор с остальными спасателями.

– Вызвать вертолет из Бамбурга... Мальчик в опасности... Кража спасательного судна...

Он спускается по ступенькам и смотрит на меня.

– Эта штука работает? – указывает он на радио.

– Я... не знаю.

Он поворачивает выключатель. Играет та же самая музыка.

«Аллилуйя!»

Он чертыхается и выключает радио.

– Нет смысла радировать, – говорит он. – Через две минуты мы будем в гавани.

Он поворачивается ко мне и произносит сквозь зубы:

– Я очень надеюсь, мой дорогой, что у тебя найдётся подходящее объяснение.

Я тяжело сглатываю.

Объяснение у меня есть, но сомневаюсь, что оно для кого-нибудь будет подходящим.

Когда мы швартуемся, на причале ждёт полицейская машина. Собралась небольшая толпа. Я схожу на причал, вперёд выходит женщина в форме полицейского и берёт меня за руку.

– Пойдём, молодой человек, эта машина за тобой.

Глава 97

До полицейского участка в Амбле ехать всего двести метров. Это новое низенькое здание того же цвета, что песок на пляже. Внутри пахнет свежей краской.

Я слышу, как Рокси разговаривает по телефону:

– Не знаю, мама... Мам, я не знаю, это просто... Я думаю, он сейчас здесь. Пока, мам, я тебя люблю.

Меня приводят в комнату, выглядящую очень просто – здесь стол, низкий бежевый диван и стены кремового цвета. На диване ёрзает Рокси. За столом сидит женщина, одетая в штатское. У неё в руках блокнот.

– Эйдан!

Рокси подбегает и крепко меня обнимает. Я этого не ожидал, и я стою, удивлённый, потому что меня крепко-прекрепко стиснула крошечная девочка.

– Я так беспокоилась! Я думала, ты утонул и захлебнулся!

В поведении Рокси есть что-то странное, но пока я не понимаю что.

– Я же говорила тебе – осторожнее, правда? – продолжает Рокси.

И теперь я понимаю: она играет. Опять. Я вынужден наклониться, чтобы обнять её в ответ, и в этот момент она шепчет мне в ухо:

– Ты просто валял дурака на лодке твоего дяди. Всё вышло случайно.

На большее у нас нет времени, иначе женщина за столом может что-то заподозрить. Она встаёт.

– Эйдан! – голос у неё серьезный. – Я детектив сержант Симм, и тебе предстоит дать объяснения.

Похоже, пришло время научиться врать получше. Сейчас я уже понимаю, что офицер полиции – не лучший собеседник для того, чтобы практиковаться во вранье. Во-первых, полицейские очень хорошо умеют отличать ложь от правды, ну и вообще – говорить правду надо всегда.

И всё равно я нагло вру полицейскому.

Я сижу перед полицейским и женщиной по имени детектив сержант Симм.

Очевидно, я не арестован. Я просто «отвечаю на вопросы».

«Мы мечтали о приключениях», – говорю я.

«Мы приехали в Амбл на автобусе».

«Рокси пошла плавать, а мы с Альфи разглядывали яхту дяди Джаспера».

«Мы её отвязали, хотели немного подрейфовать по гавани, но ветер понёс яхту не туда».

«Мы не знали, что дядя Джаспер спит в рубке и что он пьян».

Убедительности – ноль.

Вейланд Дж. и его команда расскажут совершенно другую историю. Настоящую историю – о мальчике, который прыгнул в штормовое море, и о бородатом безумце, напавшем на спасателей и укравшем их лодку...

Затем придётся иметь дело с мамой и папой. Они уже едут сюда вместе с Пресьозой Минто. Это будет сложно. Мне от этого уже нехорошо.

– Можно мне, пожалуйста, стакан воды? – прошу я.

Детектив сержант Симм встаёт и выходит из комнаты. Я остаюсь наедине с полицейским.

Никто из нас не произносит ни слова, и в тишине я слышу шум вертолёта.

– Из Бамбурга летит, – говорит полицейский. – Подберёт твоего приятеля.

Глава 98

Дождь стих и превратился в морось. Доктор Хайнц подняла сетку на входе в палатку, чтобы впустить свет. Втроём – я, она и Джаспер – мы сидим на складных стульях у стола. Выбора у нас нет. Что ещё делать – не сражаться же с ним?

Очень долго все молчат. Потом Джаспер вздыхает и произносит:

– Давно мы с тобой не виделись, Алве.

– Можно и так сказать.

Я притворяюсь «крутым», но внутри меня бушует шторм почти такой же сильный, как тот, что недавно закончился на море.

Джаспер сидит передо мной за деревянным столом в палатке на маленьком, открытом всем ветрам острове.

Он складывает руки, как при молитве, и медленно произносит:

– Долгий путь я прошёл, дабы обрести то, что принадлежит мне по праву.

– Тебе?

Он кивает.

– Так и есть. Твой отец украл их у меня.

Это неожиданное продолжение.

– Он выиграл их в сражении, – с трудом говорю я. Джаспер пожимает плечами.

– Одно и то же. Он и его... *банда* напали на меня и моих людей. Я выжил, но самый большой приз достался ему. Я называю это воровством.

Разве так рассказывала мне мама?

– Ты и твои люди атаковали беззащитную деревню, мой доблестный отец сражался с вами и победил. Раз ты выжил, значит, он проявил к тебе милосердие. Ты должен быть благодарен.

Доктор Хайнц прерывает нас:

– Потоштите! Кокда это пыло?

Мы оба поворачиваемся к ней. Кажется, мы оба забыли, что она тоже здесь.

– Примерно одиннадцать сотен лет назад, – спокойно отвечает Джаспер, и она ахает. – На самом деле немного больше, – продолжает Джаспер. – Я много лет подозревал, что жемчужина жизни здесь, на

острове Коккет. Но я не знал, где именно. Поверь мне, я искал. Я возвращался сюда снова и снова, обычно между этими визитами проходило несколько десятилетий. Я потерял след тебя и твоей матери и боялся, что это навсегда. Может быть, думал я, вы её забрали. Может быть, вы оба умерли.

– И затем ты меня нашёл.

– Я нашёл жену. У неё был племянник. У которого был Друг. Это был ты.

Следует ещё одна длинная пауза, а затем мы все одновременно поворачиваемся ко входу. Сверху доносится еле слышное «чеп-чеп-чеп». Доктор Хайнц объясняет:

– Вертолёт.

Он скоро приземлится. Придёт полиция, и после этого... кто знает?

Это мой единственный шанс, и мои глаза скользят туда, где спрятана глиняная коробочка.

Огромная ошибка.

– Она там, верно? – спрашивает почти шёпотом Джаспер. – Тот комок под покрывалом?

Он встаёт и одним быстрым движением отбрасывает покрывало, открывая для всеобщего обозрения коробочку. Он тут же хватается её обеими руками.

– Полошите или... – Доктор Хайнц вскакивает на ноги.

– Или что, старая госпожа?

Он даже не смотрит на неё; глаза его с жадностью пожирают предмет, который он держит в руках.

– Джаспер, прошу тебя! – говорю я. – Подумай! Ты уже мужчина. А у меня не было даже шанса вырасти.

Голос у меня умоляющий.

– Когда твой отец украл их у меня, жемжизней – так вы их называете – было пять. Одну использовал твой отец, вторую – мать, третью – ты. Это означает, что должно остаться две, ровно две. Как раз по одной тебе и мне.

Я не могу дышать.

– Но ты потратил одну впустую, так ведь? Ты отдал её кошке!

Я ахаю.

– Это вышло случайно! – я готов расплакаться. – Я был маленьким. Я был... я был глупым.

– Да, ты и правда был. В самом деле, Алве.

– Но откуда ты узнал? Про кошку?

Джаспер ухмыляется.

– Я не знал. А ты признался. Я мог только догадываться: я столько раз слышал про мальчика, женщину и их кошку. Я сложил два и два. А ты сам дал мне ответ.

Он молчит, а потом выплевывает следующие слова:

– На кошку потратил? Тот, кто так глуп, заслуживает того, что получил.

В его глазах горит безумная ярость.

Затем, без предупреждения, он швыряет глиняную коробочку на деревянный стол, и та разбивается. Смоляная обмазка разлетается вдребезги.

Доктор Хайнц тихо вскрикивает.

И все видят маленький стеклянный шарик, туго обёрнутый овечьей шерстью. Последняя оставшаяся в мире жемчужина жизни.

– Ты представляешь себе, сколько она стоит? – спрашивает Джаспер, тонкими костлявыми пальцами снимая шерсть. – Я могу сделать на этом состояние.

У меня падает челюсть.

– Ты хочешь сказать, что не будешь её использовать для себя?

Джаспер болезненно ухмыляется:

– Совершенно точно я ею *не* воспользуюсь. Как тебе это только в голову взбрело? Ты совсем спятил, мальчик? Современной науке будет несложно сделать анализ этой жидкости. В ней секрет, который тысячу лет считался утраченным. Тайна победы над смертью, понимаешь? Возможность жить вечно.

Он взволнованно округляет глаза.

Доктор Хайнц качает головой и тихо говорит:

– Мы не созданы для тофо, чтобы жить фечно. Это противоречит... противоречит всему.

Джаспер поворачивается к ней и изображает удивление:

– О! Ты ещё здесь? А зачем?

За долю секунды, на которую он отвлётся от стеклянного шарика, я успеваю его схватить. Рука Джаспера движется недостаточно быстро, а я немедленно сую стеклянный шарик себе в рот. Глаза Джаспера расширяются от ужаса. Я пытаюсь проглотить шарик, но не могу;

солёная вода, рвота и кашель сделали свое дело – горло у меня распухшее и сухое.

– НЕТ! Ты, маленький дьявол!

Он тянет ко мне руки и хватает меня за горло.

– Выплюнь, сын труса! Выплюнь её сейчас же! Боже, помоги мне, я убью тебя, маленький мерзавец, так же, как убил твоего папашу!

Мне больно и страшно, его крепкие руки сильнее сдавливают моё горло. Он правда сказал: «Как убил твоего папашу»?

Я пытаюсь вдохнуть, голова у меня кружится, и в ней пульсируют эти слова. Тут я краем глаза замечаю, как доктор Хайнц поднимает лопату и со всей силы опускает её на затылок Джаспера.

В фильмах в такие моменты раздаётся треск – или металлический звон, если оружие металлическое. В обычной жизни, могу сказать, всё не так. Был просто очень громкий стук.

Опять же, в фильме, получив такой удар, человек немедленно теряет сознание. Он грохается на пол, и дело сделано.

Он не ведёт себя так, как Джаспер, который завопил:

– О! Ты, грязная старая ведьма!

В ярости он разворачивается, но доктор Хайнц, выставив перед собой лопату как копьё, держит его на расстоянии. Я пользуюсь случаем, чтобы выскользнуть из палатки на пляж. Крутая тропинка ведёт на вершину утёса – к большой площадке, покрытой сухой травой. Я карабкаюсь вверх, чтобы убежать от Джаспера, но он преследует меня, выкрикивая проклятия на языке, которого я никогда раньше не слышал.

Это был он. На корабле. Бородатый человек, который накричал на меня. И который столкнул с корабля моего отца.

Каждый вдох, как наждак, раздирает мне горло, но я должен двигаться дальше.

– Я разрежу тебе пасть, если потребуется, чёртов пёс!

Что-то блеснуло – огромный нож в его руке – и у меня нет никаких сомнений, что он выполнит обещанное.

Над нами кружит вертолет. Мне надо держаться подальше от Джаспера до тех пор, пока вертолёт не приземлится на траву. Сколько это займёт? Ещё минуту?

Камни на тропинке лежат неплотно, они осыпаются у меня из-под ног, пока я карабкаюсь всё выше по утёсу. Джаспер больше и сильнее

меня, и ему не пришлось бороться с бушующими волнами совсем недавно.

Я выбиваюсь из сил, и он догоняет.

Ещё три шага, два...

Я пытаюсь ухватиться за пучок травы в конце тропинки и чувствую, как рука Джаспера обхватывает мою лодыжку.

Я выкрикиваю:

– Нет! Отпусти!

Но он тащит меня вниз, я открываю рот в крике, и жемчужина жизни падает. Я вижу, как она описывает кривую в воздухе и ударяется о камень. Шарик откатывается обратно на тропинку и останавливается подо мной, чуть-чуть за пределами досягаемости.

В отчаянии я вытягиваю свободную руку, но не достаю до жемчужины. Джаспер видит её, но тоже не может дотянуться. Я нащупываю над собой крепкий корень, за который можно уцепиться, и больше не соскальзываю.

Это продолжается несколько секунд. Я повис, держась за корень, лицо прижато к утёсу, а Джаспер вцепился мне в лодыжку. Но наше положение крайне неустойчиво. Одна из ног Джаспера ни на что не опирается. Если я соскользну, мы оба полетим на камни.

«...как убил твоего папашу...»

Если он умрёт, какое мне дело?

Я чувствую, что корень подаётся, и мы с Джаспером сползаем вниз. От этого Джаспер оказывается чуть ближе к жемчужине жизни, но всё ещё недостаточно близко, чтобы её схватить.

«...как убил твоего папашу...»

Я слышу эти слова, они звучат глухо, словно доносятся из пещеры.

А если я умру вместе с ним? Боюсь ли я этого?

Я осмеливаюсь посмотреть вниз. Джаспер зажал в зубах лезвие ножа, чтобы освободить другую руку и схватить меня за лодыжку. Его вес тянет меня вниз, вниз, и я понимаю, что через считанные секунды моя жизнь оборвётся.

В отчаянии я рою пальцами землю возле корня, пытаюсь выкопать новую опору, но безуспешно. Соскальзывая, я кричу: «Нет!» – и тут я чувствую, как меня хватают за большой палец, а затем за запястье забинтованной руки. Боль обжигает, но я настолько напуган, что не смею даже стонать.

– Я его держу! – слышу я сверху. – Давай, сынок. Я тебя держу.

Я смотрю в лицо человеку – офицеру полиции, спасателю, солдату? Не знаю, но меня теперь рвут на части: Джаспер держит за лодыжку, а этот человек – за оба моих запястья. Мой вес и вес Джаспера тянут спасателя за край утёса.

Я отчаянно лягаюсь и освобождаю ногу. Джаспер теперь висит на одной руке, отчаянно пытаюсь найти на крутом каменистом склоне опору для ног.

Если я буду слишком сильно дёргаться, то перетяну спасателя через край и мы трое погибнем. Поэтому я пинаю утёс снова и снова – так, чтобы сильнее ударить руку Джаспера. Наконец я слышу проклятия и чувствую, что он держится уже не так крепко.

Но он не падает. Раскинув руки, он прижимается к утёсу, пальцы его ног стоят на пучках травы. Джаспер хрипло дышит. Он смотрит вверх – туда, где меня утаскивают в безопасность, и в глазах его ужас.

– Помогите! – выкрикивает он.

Вытащивший меня человек проверяет, всё ли со мной в порядке, и только после этого он обратит внимание на Джаспера, висящего на обрыве. От вертолёта бежит ещё один мужчина, но ему нужно несколько секунд, а у Джаспера их нет.

Я ложусь на землю, камешки и острые травинки оставляют на моем голом торсе новые царапины. Я протягиваю Джасперу руку. Я не могу допустить, чтобы он упал. Убийца он или нет, я не могу дать ему погибнуть.

– Нет! Назад! – кричит мой спаситель, но Джаспер тянется ко мне...

Тянется... Протягивает руку...

Неожиданно его глаза впиваются во что-то другое, и, следуя за его взглядом, я вижу жемчужину жизни, которая устроилась в трещине. Она слишком далеко, чтобы я мог её достать, но в глазах Джаспера – жадность и решительность.

– Нет, Джаспер, ты не достанешь! – кричу я. – Хватай мою руку!

В какой-то момент мне кажется, что он так и сделает. Но он не может остановиться. Прихрюкнув от напряжения, он перекладывает нож в руку и касается лезвием жемчужины жизни, пододвигая её к себе. Затем он бросает нож, хватая жемчужину и зажимает в кулаке.

Но жадность Джаспера приводит к тому, что он теряет равновесие. Он отклоняется назад со стоном:

– О... нет... О... нет...

Мой спаситель и я – мы оба лежим на краю утёса, пытаюсь дотянуться до Джаспера. Он тянет одну руку – и ухитряется достать до моей. Я чувствую жемчужину жизни между нашими ладонями. Он что, передает её мне? Трудно сказать. Мы встречаемся взглядами, но я не могу удобно схватиться за его руку, и под собственным весом он опрокидывается назад.

Не могу на это смотреть. Я понимаю, что не удержу его, и я закрываю глаза, чтобы не видеть, как он соскальзывает вниз. Он даже не кричит.

Я не могу посмотреть вниз.

Затем я слышу глухой удар о камни, от которого мне становится нехорошо.

Надо мной склоняются уже двое и тащат меня на безопасную, ровную траву.

Я дрожу и рыдаю, хватая ртом воздух, а человек обнимает меня и трясёт, как делала мама.

Кулаки у меня сжаты, и я чувствую, как в ладонь вжимается стеклянный шарик.

Мой спаситель крепко меня держит, приговаривая:

– Тс-с, всё хорошо, сынок, всё в порядке, сынок.

И впервые с тех пор, как умерла мама, я думаю, что у меня может быть всё хорошо.

Глава 99

Вертолёт отправился с Джаспером на борту в большую больницу в Крэмлингтоне. Они обещали вернуться через час. Меня оставили с доктором Хайнц, которая приготовила на маленькой походной плитке жидкий суп из консервов, перевязала мне руку, промыла царапины какой-то штукой из аптечки и снова завернула меня в покрывало. Всё это время я крепко сжимал в руке жемчужину жизни. Не знаю, заметила ли она.

Мы с доктором Хайнц сидим на складных стульях и молча пьём суп. Я не слишком расположен разговаривать, и, кажется, она это

понимает.

У неё звонит мобильник, и я вздрагиваю. Доктор Хайнц выходит из палатки, но я всё слышу.

– А! Пруденсия, дорогая! Нет, я не могу коворить. У меня здесь есть кость на острове, и я тебе скоро всё расскажу. Это было очень траматичное утро.

Видимо, звонит Пру, женщина, с которой они живут в одном доме. Затем наступает пауза – доктор Хайнц слушает собеседницу, – и потом:

– О, неужели? Была? Ach, петная кошечка... но хоть что-нибудь она ест? Nein? Плохие субы? Ach schade! Это так шалко... ну та, я согласна, торогая, это самое лутшее, что можно зделать...

Я вскакиваю на ноги, отбросив одеяло и разлив суп на песчаный пол, так я тороплюсь. Зубы! Сколько есть на земле кошек, у которых осталась лишь половина зубов?

– Это, должно быть, Биффа! – кричу я. – Дайте трубку!

Я выхватываю телефон и почти ору в него:

– Кошка чёрная с белыми пятнами на шее?

В трубке я слышу немного испуганный голос Пру:

– Ну... да, она такая. Скажите пожалуйста, кто это?

– Пожалуйста, извините. Меня зовут Альфи Монк, и, кажется, вы нашли мою кошку. Она жива?

– Ну да... но она очень слаба. Мне горько говорить об этом, но я боюсь, что она не выживет. Самое лучшее, что можно сделать...

– Нет! Не дайте ей умереть! Ей уже тысяча лет!

Я не знаю, как Пру восприняла мое последнее заявление, но отвечает она спокойно:

– Альфи, милый, она ничего не ест. Она безнадежна.

– Крабы! – говорю я. – Что-нибудь с крабами. Это её любимая еда. Крабовые консервы, свежие крабы, крабовая икра... что угодно.

– Я... я постараюсь, Альфи, милый, но я не думаю, что...

Её последние слова заглушает «чеп-чеп-чеп» вертолёта, который вернулся, чтобы отвезти нас на большую землю.

Мы садимся в вертолёт, и доктор Хайнц кричит мне в ухо сквозь шум:

– Я сохраню твой секрет, Альфи!

И крепко сжимает моё плечо.

Всю дорогу домой она улыбается про себя. Приключение ей понравилось.

Я смотрю в окно на топорков, кувыркающихся под нами. Затем случайно вижу своё отражение в стекле и с удивлением замечаю, что я тоже улыбаюсь.

Глава 100

Вопросы.

Люди.

Вопросы и люди. Все хотят знать, что произошло.

Их нельзя в этом винить, но правду рассказывать бесполезно, так ведь?

В старом «Форде Фиеста», принадлежавшем Пресьозе, приехали сама Пресьоза Минто, родители Эйдана и Либби. Также здесь Санжита и доктор Хайнц. Все мы находимся в маленьком полицейском участке в Амбле.

Кажется, никто не может решить, что делать.

Эйдан придерживается версии, что Джаспер малость спятил, когда обнаружил нас на своей яхте. Его звонок в береговую охрану с жалобой, что его заперли в рубке, видимо, был шуткой. Джаспер лежит в коме в больнице и не может изложить свою точку зрения.

Никто – до сих пор – не связывает Рокси с ложным звонком насчёт папы, которого унесло в море на доске для виндсерфинга.

Моя история такова: Джаспер пришёл в ярость, когда мы влезли на его яхту, и гнался за мной до острова, а потом преследовал по тропинке до вершины утёса. Там он оступился и упал на камни с высоты тридцать футов.

В этом есть смысл?

Ну, в любом случае, поверить в это легче, чем в правду. Кроме того, мне трудно было думать о чём-то, кроме Биффы.

Доктор Хайнц изображала изумление и, как мне кажется, говорила с преувеличенным немецким акцентом. Думаю, она пыталась избавить меня от лишних вопросов.

– Што фы фее имеете ф фиту? – твердила она. – Я сбокойна ситю в mein баладка, и нашалос феё это сфетопрестафление mit ферталёты и трукое. Ach mein Gott...

Я ей доверяю.

Мы ходим туда-сюда по разным комнатам для допросов, с нами ходят офицеры полиции. Мне откуда-то принесли одежду, а жемчужина жизни лежит у меня в кармане. Когда наступает затишье, я смотрю в окно, размышляя, как там Биффа. Тут приходит Санжита и садится рядом со мной на твёрдый диван.

Она шепчет:

– Знаешь ли, а ведь я не верю ни слову из того, что ты сказал, Альфи. Я понятия не имею, что на самом деле произошло, но я знаю – я просто знаю, в глубине души, – что ты не рассказываешь мне полную правду. И даже неполную правду, коли на то пошло.

Я смотрю на неё, смотрю очень внимательно, и мне становится стыдно. Санжита не относилась ко мне плохо. Я киваю:

– Понимаю.

Она тихо смеётся:

– Понимаешь! Думаю, ты многое понимаешь, Альфи.

– Мы скоро сможем ехать, Санжита? Мне надо увидеть свою кошку.

Глава 101

Примерно через час приезжает начальник участка. У неё в этот день выходной, и она в штатском. Она решает никого сегодня не арестовывать и отпустить всех «до выяснения обстоятельств».

Оказывается, местная полиция была знакома с Джаспером Гуком, хотя я не знаю, что послужило поводом для знакомства. Известен он был достаточно хорошо, чтобы инспектор МакАллан как минимум была склонна нам поверить.

В семь часов вечера мы на пути обратно.

Очевидно, мобильные телефоны недостаточно защищены от воды, что странно, учитывая, как много люди ими пользуются. В любом случае, мобильник, находившийся у меня в кармане брюк в момент прыжка с «Весёлого Роджера», больше не работает.

Я поворачиваюсь к Санжете, сидящей за рулём. Она ведёт себя очень тихо.

– Можно мне воспользоваться твоим мобильным телефоном, Санжита? Мне нужно отправить текстовое сообщение.

– Кому ты хочешь написать?

– Да так, Рокси.

Санжита нажимает кнопку, чтобы разблокировать телефон, и даёт его мне. Он отличается от моего, но через некоторое время мне удаётся набрать:

Дорогая Рокси,

Пожалуйста, приходите с Эйданом к дому доктора Хайни сегодня в восемь вечера.

Искренне ваш,

Альфи

Нажав «Отправить», я опускаю руку в карман и убеждаюсь, что маленькая гладкая жемчужина жизни никуда не делась.

Глава 102

Я предполагал, что в доме будет пахнуть кошками, но запаха нет. Совсем нет.

Доктор Хайнц приветствует нас троих у двери.

– Я тумаю... – говорит она. – Я тумаю, что Альфи отин толшен идти к кошке. Не нато фсем её беспокоить.

Я качаю головой:

– Они тоже часть этой истории, доктор Хайнц.

– Ах, сови меня Сью. Меня фее так совут.

Мы входим и видим в задней комнате переноску, в которой лежит кошка. Моя кошка. Наша с мамой кошка. Тощая, лишившаяся части шерсти, с покалеченным хвостом... но, без сомнения, это Биффа.

Рядом с ней стоит пустая миска.

Биффу, полуживую и изголодавшуюся почти до смерти, Пруденсия нашла в переулке между нашими домами. Я иду к своей кошке, опускаюсь на колени и утыкаюсь лицом в её шерсть. Она отвечает мне, изгибая хвост и издавая своё странное мелодичное «мяу».

– Ты был прав насчёт крабов, – говорит Пру, стоя надо мной со слезливой улыбкой. – Она всё съела.

Я хочу сказать «спасибо». Я хочу сказать что-нибудь, но не могу, потому что если я скажу, то заплачу. От грусти из-за всего, что

случилось, от сочувствия страдающей Биффе, от радости, что она вернулась, от облегчения, от...

Всего.

Я поднимаю голову и широко улыбаюсь, чтобы не заплакать, а затем снова зарываюсь лицом в шерсть Биффы, которая пахнет дымом, пещерой, корабельным дёгтем, солёными брызгами и столетиями, проведёнными с мамой. Я чешу её за ушком и снова и снова повторяю на нашем старом языке, как я по ней скучал.

Не знаю, сколько это длится, но когда я снова поднимаю голову, рядом нет ни доктора Хайнц, ни Пруденсии, ни Рокси, ни Эйдана. Здесь только я и Биффа: тысячелетний мальчик и тысячелетняя кошка. И теперь я понимаю, как я сделаю последнее оставшееся дело.

Глава 103

Когда я вхожу в поезд метро, на меня никто не обращает внимания. У меня на спине рюкзак, в котором лежат дрова, а в руке переноска с кошкой.

Все смотрят в свои мобильные телефоны; кажется, теперь так принято. Ещё недавно я был бы рад, что меня никто не замечает; теперь всё не так однозначно. Так или иначе, проехав несколько остановок, я достаю мобильник. (Санжита купила мне новый, и этот умеет показывать фильмы!)

Я думаю, как удивилась бы мама, узнав, что теперь люди могут очень быстро добираться туда, куда не так давно они шли бы пешком целый день или даже больше.

Она всё время со мной – моя мама. Не только у меня в мыслях и в сердце, но и в моём мобильном телефоне. Рокси подарила мне цифровую копию фильма, который она сняла (втайне) в день нашего знакомства. Там есть мамин голос, мамино лицо, мамины руки, наш старый дом. Я опечалился, когда смотрел это первый раз; теперь я улыбаюсь.

Поезд покачивается. Южный Готфорт, Илфорт Роад, Вест-Джесмонд... Я разглядываю схему на стене вагона и считаю остановки. Надо проехать ещё шестнадцать. В Ньюкасле входит и выходит много народу, затем будет длинный перегон, пока мы будем ехать под рекой Тайн.

«*Река Тиин*», – думаю я.

«*Осталось недолго*», – думаю я, глядя на мамино изображение в телефоне. Сидящий напротив молодой человек смотрит на меня странно. Может, я произнёс что-то вслух? Ну ладно.

Пелау, Хебурн, Джарроу. Я улыбаюсь, вспоминая Йоханнеса и старого Поля. Мы сейчас едем по южному берегу реки в сторону моря. Там есть станция Бэда – так её называли в честь древнего историка. Я знал одного старого монаха, и он рассказывал, что его прапрадед был знаком с Бэдой. От этой мысли я захихикал, и человек напротив меня снова поднял голову, видимо, решив теперь, что я сумасшедший.

Наконец последняя станция – Саут-Шилдс, – место, где началась вся эта история.

Тогда, конечно, оно так не называлось. Вряд ли тысячу лет назад оно называлось хоть как-нибудь.

С Биффой в переноске я выхожу на улицу и оглядываюсь. Очень странно сознавать, что за тысячу лет я ни разу здесь не был. Я думаю: «Боже, как все изменилось», а затем начинаю смеяться над собой. Смеяться по-настоящему, громко. Человек из поезда идёт мимо меня и качает головой. Меня это не волнует.

Здесь кругом дома и магазины; сейчас так везде.

Но пляж не изменился, и утёсы остались прежними. Я знаю: увидев нужное место, я вспомню маленькую пещеру, где началось моё приключение. Так что я иду на юг вдоль широкого гребня. Когда я смотрю на равнину и на стального цвета море, я пытаюсь представить себе, что я снова здесь с мамой и мне одиннадцать лет.

Высоко надо мной кружат чайки, ласточки снуют туда-сюда возле своих гнёзд, расположенных на утёсах. Меня возвращает в двадцать первый век шум мотора – где-то вдали по дороге несётся автомобиль.

Рюкзак начал натирать плечи, и переноска Биффы потяжелела, но я не ропщу. Наконец я оказываюсь возле маленького полукруглого залива – как будто гигант откусил кусочек от земли. Теперь здесь есть бетонная лестница, ведущая на пляж; много лет назад нам с мамой пришлось тащить свои вещи вниз по каменистой тропе.

Хотя сейчас лето, у залива никого нет. Пещера не изменилась, хотя здесь явно бывали люди – об этом говорят банки из-под пива.

Я выпускаю Биффу из переноски. Обычно она выходит и всё осматривает; в этот раз она принюхивается и идёт к каменной полке,

где она любила устраиваться много лет назад. Она же не может этого помнить? С другой стороны, если я не забыл, может, и она тоже. Биффа громко мяукает, ложится и наблюдает.

Из рюкзака я достаю дрова, таблетки для растопки и спички. Я думал развести костёр по-старинке.

Стёкла моих очков могли бы поджечь дерево не хуже, чем отцовское огненное стекло, но сейчас солнце скрыто белой облачной пеленой во всё небо.

Сейчас загорится пламя.

В верхнем отделении моего рюкзака находится маленькая квадратная коробочка – проектор, работающий от батареек. Это ещё одна находка из рейдов Рокси по помойкам. На нём глубокие царапины, и звук не работает – может, поэтому его и выбросили. В остальном он очень хороший. Я соединяю его с мобильником и нажимаю «плэй».

И вот она появляется передо мной в полный рост на рельефной каменной стене пещеры. Моя мама. Биффа зевает и издаёт одобрительное ворчание.

Мои руки вспотели. Я вытаскиваю из рюкзака последний предмет: папин маленький стальной нож. Из кармана я достаю единственную на всей земле жемчужину жизни, тёплую и гладкую.

Фильм с мамой я знаю посекундно. Я смотрю на изображение. Там есть момент, когда мама смотрит в камеру и кивает. Этого момента я жду, держа нож в пламени.

Когда наступает этот момент, я не колеблюсь. Двумя взмахами я делаю надрезы на своих шрамах и раскалываю зубами жемчужину жизни. Сердце у меня колотится очень быстро – возможно, это хорошо: оно быстрее разнесёт вещество по всему телу. Жидкость сочится, и я вливаю её в кровавую рану на руке. Каплю за каплей...

Как и положено, жидкость пахнет свежей крапивой. Я забинтовываю руку.

Всё сделано правильно. Я знаю это, ведь по маминым губам я читаю: «Любо, Алве! Молодец, Алве!»

Она улыбается мягкой редкозубой улыбкой, и картинка замирает. То ли это янтарная жидкость в моём теле так действует, то ли воображение разыгралось, но я чувствую, как внутри меня струится тепло.

Биффа поднимается, потягивается, спрыгивает с каменной полки, потом идёт ко мне и трётся о мои ноги. Я чувствую себя счастливее, чем я был целую тысячу лет.

Глава 104

Неделю спустя

Три дня назад я сдал анализ на ДНК. В маленькой комнате местной больницы у меня взяли образцы кожи и крови. Затем образцы отправились в лабораторию.

Санжита ездила со мной. Она и теперь сидит рядом и ждёт, когда врач принесёт результаты.

К нам подходит миловидная дама с коричневым конвертом в руке.

– Пойдём? – предлагает она, указывая на маленькую комнату для консультаций.

«Нет! – хочу ответить я. – Скажите прямо сейчас!»

Но мы идём и садимся напротив неё за деревянный стол.

– Как ты знаешь, Альфи, – начинает она, – у нас были некоторые сомнения насчёт твоего возраста.

Я бросаю взгляд на Санжиту – та сидит с каменным лицом.

– Клеточные тесты, которые мы проводим, не могут быть точными на сто процентов, – продолжает дама и открывает конверт. – Но мы почти уверены, что твои клетки свидетельствуют о возрасте...

Дама заглядывает в бумагу, поправляет очки... Идеальная пауза, чтобы усилить напряжение. Но скорее всего она не специально.

– ...от четырех тысяч...

Погодите. Что?

– ...до четырех тысяч двухсот...

Да ладно!

– ...дней. Что приблизительно составляет одиннадцать лет и три месяца. И это полностью соответствует твоим словам, Альфи.

Завтра я опять пойду в школу.

Глава 105

Шесть месяцев спустя

Джаспер умер в больнице, не приходя в сознание.

Оказалось, он был богат, и всё отошло тёте Алисе – других наследников у Джаспера не обнаружилось.

Тётя Алиса поступила «очень благородно», как говорит мама. И теперь у нас, кажется, нет проблем с деньгами. По крайней мере, сейчас. Мама в своём колл-центре получила повышение, а папу ждут несколько собеседований по работе. Я надеюсь, что мы снова переедем, как только закончится ремонт. («Не благодаря тебе, дружище! – сказал папа, но он шутил. Кажется.»)

У нас будет достаточно большой дом, чтобы выделить Альфи отдельную комнату. Мама и папа уже начали процесс усыновления. К нам много раз приходили Санжита и другие люди из социального обеспечения. Кажется, всё хорошо.

Альфи станет моим старшим братом. (Очень сильно старшим!) И у него будет большой книжный шкаф для необыкновенного собрания сочинений Чарлза Диккенса.

Либби тоже радуется, но, может быть, потому, что у нас будет Биффа.

Кстати, Иниго Деломбра перешёл в другую школу. Всего лишь в Монкситон-Хай, но и это достаточно далеко. В последний день он подошёл к нам с Альфи и сказал:

– Линклейте, Монк, что не так с вами обоими? Вы что-то скрываете, и эти ваши тайны будут мучить меня вечно.

– Вечно? – сказал Альфи. – Это очень долго, Деломбра. Вечность длится, пока ты не взбунтуешься.

И мы ушли, оставив его в замешательстве. А за углом одновременно подняли руки и дали друг другу «пять».

А Рокси? Рокси просто... Рокси. Она взяла манеру называть Альфи «стариком», вроде: «Да поможет тебе бог, Альфи, старик!» Это звучит прикольно, но смысл шутки понимаем только мы.

Альфи сделал себе зубы и теперь выглядит прекрасно. Он ходит в театральный кружок вместе с Рокси и, по её словам, очень хорошо играет стариков. Забавно.

Благодаря Санжите (она говорит, что попросила «сделать ей одолжение») Пресьозе Минто сделали наклонный подъёмник. Она больше не ходит на костылях, и каждые несколько дней её громкий вибрирующий голос доносит до нас гимны через тонкие стены.

*Да будет слава тебе, воскресший сын-победитель!
Бесконечна победа, которую ты одержал над смертью!*

Она не всегда попадает в ноты, но Рокси утверждает, что пения лучше никогда не слышала.

Возвращаясь к пению... Мы сидели в машине и подпевали песне, которую передавали по радио (надо же, Альфи называет его «беспроводным громкоговорителем»), и он, Альфи, взял очень низкую ноту. Ноту, которую поют настоящим басом:

– О, йа-а-а-а!

Мама нас услышала.

– Ого, как ты поёшь, Альфи, – сказала она. – У тебя ломается голос. Ты взрослеешь!

Я посмотрел на Альфи. Он робко улыбнулся, а затем быстро-быстро заморгал, словно старался не заплакать. Впрочем, Альфи никогда не поймёшь, сколько бы ты его ни знал.

Конец

От автора

Это не исторический роман. И не урок географии, и не пособие по лингвистике. Другими словами, я старался взять максимум от всего. Ссылки на исторические события и места, а также выражения на старинных языках точны лишь до определённой степени.

Как всегда, я в долгу перед многими людьми, имена которых не попадут на обложку. В первую очередь перед Ником Лейком, моим бесконечно терпеливым редактором; Самантой Стюарт; Джейн Тэйт; Мэри О'Риордан. И перед всеми из «Харпер Коллинз», чья работа состояла в том, чтобы помочь мне казаться лучшим писателем, чем я есть на самом деле.

Всем им спасибо.

Примечания

1

Даны – датчане (здесь и далее – прим. пер)

2

Испанский Город – концертный зал, ресторан, прогулочная набережная, сад на крыше и чайхана в Уитли Бэй.

3

UK Census Online – Интернет-служба по поиску предков в Великобритании. Содержит данные переписей населения, которые проводились в Англии и Уэльсе каждые десять лет.

4

Шарлемань – русское произношение французского варианта имени Карла Великого.

5

В недавно срубленном дереве среди слоев древесины ещё сохраняется влага. При нагревании влага испаряется и разрывает древесину, поэтому раздаётся треск и летят искры.

6

Морской уголь – каменный уголь, который вымывается морем из осадочных пород. Его с древних времён собирали на берегу.

7

Перевод В. Г. Тихомирова, источник: Древнеанглийская поэзия. – М.: Наука, 1982 г. – (Литературные памятники).

8

Летний семестр – учебный период с Пасхи и до начала июля.

9

Acum te am (румынск.) – «У меня есть ты» (прим. ред.)

10

Джорди – один из диалектов северной Англии. Его особенность в том, что многие гласные читаются по-своему.